

Лауреат
Нобелевской премии
по литературе

Орхан Памук

Черная книга

PREMIUM

Азбука Premium

Орхан Памук
Черная книга

«Азбука-Аттикус»

1994

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)-44

Памук О.

Черная книга / О. Памук — «Азбука-Аттикус», 1994 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-14078-3

Орхан Памук — известный турецкий писатель, обладатель многочисленных национальных и международных премий, в числе которых Нобелевская премия по литературе. «Черная книга» — самый причудливый роман писателя, ослепительная арабеска из сказочных историй, сновидений, загадок и воспоминаний. У стамбульского адвоката Галипа исчезает жена. Галип бродит по улицам Стамбула в поисках тайных знаков, которые могли бы подсказать ему ответ, указать место, где могла бы скрываться Рюйя. Однако город отказывается выдавать свои тайны, погружая Галипа в странный мир, в котором все сложнее отделить реальность от фантазии. Роман публикуется в новом переводе.

УДК 821.512.161

ББК 84(5Туц)-44

ISBN 978-5-389-14078-3

© Памук О., 1994

© Азбука-Аттикус, 1994

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	43
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Орхан Памук

Черная книга

Orhan Pamuk
KARA KİTAP

Copyright © 1994, İletişim Yayınları A.Ş.
All rights reserved

© М. Шаров, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Айльн

Ибн Араби¹ рассказывает как о реальном случае, будто его знакомый, бродячий дервиш, был однажды вознесен духами на небо и увидел опоясывающие Землю горы Каф, обвитые, в свою очередь, гигантской змеей. Сегодня мы знаем, что ни этих гор, ни змеи, их обвивающей, на самом деле нет.

Энциклопедия ислама

¹ Ибн Араби (1165–1240) – исламский богослов, философ-мистик, крупнейший представитель и теоретик суфизма. – Здесь и далее примеч. перев.

Часть I

Глава 1

Как Галип впервые увидел Рюйю²

Не пользуйся эпитафиями – они убивают тайну написанного.

Адли

Если же суждено ей умереть, то убей сам и тайну, и лжепророка, выдавшего ее.

Бахти³

Рюйя спала, лежа ничком под уютным, теплым покрывалом голубого клетчатого одеяла, изгибавшегося мягкими лазоревыми холмами и тенистыми долинами. С улицы доносились первые звуки зимнего утра: проезжали редкие еще в этот час машины и старые автобусы; звякал своими кувшинами, ставя их на тротуар, продавец салепы⁴, обходящий квартал вместе с булочником; свистел в свисток постовой у стоянки долмушей⁵. Зимнее солнце, проникая в комнату сквозь синие занавески, наполняло ее серовато-голубым светом. Еще не сбросив с себя сон, Галип взглянул на жену: из-под одеяла виднелась только голова, уткнувшаяся подбородком в пуховую подушку. Было в ее положении что-то странное, что-то будившее тревогу и любопытство: какие, интересно, удивительные образы проносятся сейчас перед внутренним взором спящей? «Память, – написал однажды в своей колонке Джеляль, – это сад». «Сады снов, сады Рюйи, – произнес тогда про себя Галип, но тут же решил, что об этом нельзя думать. – Иначе начнешь ревновать!» Но сейчас, когда он глядел на лоб спящей жены, эта мысль снова вернулась к нему.

Галипу захотелось проникнуть сквозь закрытые двери сада Рюйи, спящей безмятежным сном, и пройти там по залитым солнечным светом дорожкам среди плакучих ив, акаций и выющихся роз, даже если он там и будет – мысль об этом смущала и страшила его – не один. «О, и ты тоже здесь? Привет!» Возможно, он увидит не только те известные ему неприятные лица, которые готов был встретить, но и, к своему огорчению и любопытству, тени мужчин, для него в этом саду неожиданные. «Простите, а вы где встречали мою жену, где с ней познакомились?» – «Три года назад у вас дома... В школе, куда вы ходили вместе... У входа в кино-театр, вы тогда держались за руки... А меня она увидела в иностранном журнале мод, который купила в лавке Аладдина...» Но, может быть, память Рюйи все-таки не столь перенаселена и жестока и ее сумеречный сад таит в себе хотя бы один-единственный залитый солнцем уголок, где Рюйя и Галип отправляются на лодочную прогулку? Через полгода после того, как Рюйя и ее родители переехали в Стамбул, она и Галип оба заболели свинкой. В те дни мама Галипа или красавица тетя Сузан, мама Рюйи, а иногда и та и другая сразу, взяв детей за руки, отправлялись на автобусе, трясущемся по брусчатым мостовым, в Бебек или Тарабью⁶ покатаются на

² Имя Рюйя переводится как «сон», «мечта».

³ Адли и Бахти – вымышленные автором лица.

⁴ Салеп – традиционный турецкий напиток из клубней ятрышника.

⁵ Долмуш – микроавтобус, маршрутное такси.

⁶ Бебек и Тарабья, а также упоминающиеся далее в книге Нишанташи, Сиркеджи, Каракёй, Аксарай, Джихангир, Шехзадебаши, Бейоглу, Махмутпаша, Умранийе, Топхане, Галатасарай, Бакыркёй, Сютлюдже, Эмиржан, Бююкдере, Сулукуле, Шишли, Караюмрюк, Тепебаши, Талимхане, Касымпаша, Харбийе, Куртулуш, Силиврикапы, Бешикташ, Явуз-Султан, Ферикёй, Ункапаны, Шишхане, Фындыклы, Зейрек, Джибали, Эйюп – районы европейской части Стамбула.

лодке. В те годы болезни лютовали, а лекарствам веры не было, и считалось, что свежий воздух Босфора пойдет больным свинкой детям на пользу. Море по утрам было спокойным, лодка – белой, знакомый лодочник – приветливым. Мама и тетя садились на корме, а Галип и Рюйя – рядышком на носу, скрытые от глаз матерей за спиной лодочника. Так они и сидели, свесив за борт ноги с одинаково худыми лодыжками, а под ними медленно двигалось море; они смотрели на водоросли, радужные пятна мазута и мелкую полупрозрачную гальку, на которой лежали обрывки газеты. Шрифт можно было разобрать, и Рюйя с Галипом пытались разглядеть, нет ли там статьи Джелая.

В тот день, когда Галип впервые увидел Рюйю – за полгода до того, как они заболели свинкой, – он сидел на табурете, водруженном поверх обеденного стола, и его стриг парикмахер. Этот рослый парикмахер с усами как у киноактера Дугласа Фэрбенкса каждый будний день приходил к ним домой брить Дедушку. Это было в те времена, когда перед лавками Араба и Аладдина выстраивались очереди за кофе, когда контрабандисты торговали нейлоновыми чулками, на стамбульских улицах становилось все больше «шевроле-56», а Галип пошел в начальную школу и пять раз в неделю внимательно читал в газете «Миллийет» колонку Джелая, публиковавшуюся на второй странице за подписью Селим Качмаз. Читать, впрочем, он научился не тогда, а двумя годами ранее. Грамоте его научила Бабушка. Они садились за обеденный стол, и Бабушка хриплым голосом начинала говорить о самом великом волшебстве – о том, как сочетать друг с другом буквы. Потом она выдыхала дым сигареты «Бафра», которую никогда не выпускала изо рта, у внука от дыма слезились глаза, и большущая лошадь, нарисованная на первой странице букваря⁷, расплывалась и словно бы оживала. Эта лошадь, под которой так и было написано: «Лошадь», выглядела крепче костлявых кляч, тянувших телеги хромого водовоза и пройдохи старьевщика. Галип размышлял о том, как здорово было бы капнуть на могучую лошадь волшебного снадобья, чтобы она ожила, но впоследствии, не допущенный сразу во второй класс и принужденный сызнова, теперь уже в школе, изучать все тот же букварь с той же лошадью, он счел свое желание глупым. И если бы Дедушка, как обещал, вышел на улицу и принес домой заветное снадобье в бутылочке гранатового цвета, то Галип капнул бы его на страницы старых, времен Первой мировой войны, пыльных номеров журнала «Иллюстрасьон», переполненных фотографиями цеппелинов, пушек и лежащих в грязи убитых солдат, на открытки, которые дядя Мелих присылал из Парижа и Марокко, на вырезанный Васыфом из газеты «Дюнья» снимок самки орангутанга, кормящей грудью детеныша, и на людей со странными лицами, изображения которых вырезал из газет Джелаяль. Но Дедушка уже никуда не выходил, даже в парикмахерскую. Все дни он проводил дома, однако одевался так же, как и в те времена, когда, бывало, выбирался на улицу, чтобы дойти до лавки: старый английский пиджак с широкими лацканами, такой же свинцово-серый, как отравившая за выходные Дедушкина щетина, потертые брюки, запонки и «чиновничий галстух-шнурок», как называл Отец этот предмет одежды. Мама говорила не «галстух», а «галстук», потому что происходила из более состоятельной (в прошлом) семьи. Отец и Мама говорили о Дедушке так, словно речь шла о каком-нибудь старом деревянном доме с облупившейся краской, из тех, которых с каждым днем в городе становилось все меньше; если через некоторое время, забыв о Дедушке, они начинали повышать друг на друга голос, то, вспомнив о Галипе, поворачивались к нему: «Ну-ка, иди наверх, поиграй там!» – «Можно на лифте?» – «Скажи ему, чтобы один в лифт не садился!» – «Один в лифт не садись!» – «А можно поиграть с Васыфом?» – «Нет, он будет сердиться!»

На самом деле Васыф не сердился. Он был глухонемой, но отлично понимал – если я молча ползаю по полу, то не потому, что насмехаюсь над ним, а потому, что играю в «потайной ход»; залезая под кровать, я оказываюсь в глубине пещеры, или проникаю в темное подземе-

⁷ С буквы «а» начинается турецкое слово at (лошадь).

лье под нашим домом, или тихо, как кошка, пробираюсь по туннелю, ведущему к вражескому окопу. Кроме Васыфа и Рюйи, которая появилась позднее, никто об этом не знал. Иногда мы вместе с ним подолгу смотрели в окно на трамвайные пути. Одно из окон нашего бетонного эркера выходило на мечеть – и это был один край мира, другое – на женский лицей, противоположный край. Посредине располагались полицейский участок, огромный каштан, перекресток и лавка Аладдина, в которой шла оживленная торговля. Мы глядели на людей, заходящих в лавку и выходящих из нее, указывали друг другу на проезжающие по улице машины, и порой Васыф, внезапно разволновавшись, издавал страшный хриплый крик, словно боролся во сне с шайтаном. Я испуганно вздрагивал. Тогда Дедушка (они с Бабушкой сидели неподалеку, друг против друга, в низких креслах, слушали радио и дымили сигаретами, словно два паровоза) говорил Бабушке, которая пропускала его слова мимо ушей: «Васыф снова напугал Галипа, – и не столько из любопытства, сколько по привычке спрашивал: – Ну что, много вы там машин насчитали?» Но моего ответа о числе «доджей», «паккардов», «де-сото» и новых «шевроле» не слушал.

Радиоприемник, на котором стояла статуэтка спокойного пушистого песика, совсем не похожего на турецких собак, был включен с утра до вечера. Бабушка и Дедушка слушали европейскую и турецкую музыку, новости, рекламу банков, одеколонов и государственной лотереи и все время разговаривали. Очень часто, не выпуская изо рта сигареты, сетовали на свою привычку к курению – так жалуется на нескончаемую зубную боль человек, давно к ней привыкший; винили друг друга в том, что никак не могут бросить, а если кто-нибудь из них начал задыхаться от кашля, другой принимался твердить: «Вот видишь, бросать надо!», сначала торжествуя, а потом с тревогой и раздражением. Совет этот тут же вызывал нешуточную злость: «Только и осталось в жизни что сигареты, отстань, ради Аллаха!», а потом: «В газетах пишут, что курение успокаивает нервы!» Тут они могли замолчать, но тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов, что доносилось из коридора, продолжалась недолго. Они говорили и говорили, шурша газетными страницами, и после обеда, когда играли в карты, и вечером, когда обитатели дома сходились поужинать и послушать радио. Прочитав в газете колонку Джелеля, Дедушка заявлял: «Может быть, если бы ему разрешили подписывать статьи своим именем, он бы образумился». «Взрослый ведь уже человек!» – вздыхала Бабушка и с неподдельным любопытством, будто ее только что осенило, задавала свой неизменный вопрос: «А вот интересно, он так плохо пишет потому, что ему не разрешают подписываться своим именем, или ему не разрешают подписываться своим именем потому, что он так плохо пишет?» «По крайней мере, – как обычно, утешал ее и себя Дедушка, – раз статьи выходят не за его подписью, мало кто догадывается, что это он нас позорит». «Да никто не догадывается, никто, – отвечала Бабушка с уверенным видом, хотя Галип видел, что уверенность это деланая. – Разве кто-нибудь когда-нибудь говорил, что он о нас пишет в своих статьях?» «Да брось ты, – говорил Дедушка тоном посредственного актера, который в сотый раз повторяет надоевшую и оттого немного фальшиво звучащую реплику, – кто же не знает, что в той статье о доме он имел в виду именно нас, наш дом!» На это Бабушка ничего не отвечала. Впоследствии Джелель, теперь каждую неделю получающий сотни писем от читателей, снова опубликует упомянутую Дедушкой статью, немного подправив ее, уже под своим настоящим, к тому времени громким именем, как и некоторые другие статьи прежних лет. Одни объяснят это истощением творческих сил, другие – недостатком времени, растраченного на женщин и политику, третьи просто спишут на лень.

Бабушка молчала, а Дедушка начинал рассказывать сон, тогда еще новый для него, а впоследствии являвшийся довольно часто. Этот сон, как и те истории, что они день за днем друг другу рассказывали, был синего цвета; непрестанно шел лазурный дождь, и оттого у Дедушки быстро отрастали волосы и борода. Рассказывая, Дедушка увлекался, у него загорались глаза. Бабушка, терпеливо выслушав его, говорила: «Скоро парикмахер придет», но Дедушку это не

радовало. «Он слишком много говорит и слишком много задает вопросов!» Пару раз Галип слышал, как после разговора о синем сне и парикмахере Дедушка еле слышно шептал: «Надо нам было строить другой дом, в другом месте. Этот получился несчастливым».

Много позже, когда они этаж за этажом продали Шехрикальп⁸ и переехали, а в нем, оставленном, как и во всех окрестных домах, расположились магазинчики готового платья, кабинет гинеколога, промышляющего нелегальными абортами, и страховая контора, Галип, проходя мимо лавки Аладдина и косясь на некрасивый мрачный фасад, каждый раз задумывался, что же могло заставить Дедушку так говорить. Впрочем, он еще в детстве догадывался, что под «несчастьем» Дедушка подразумевал поведение своего старшего сына, дяди Мелиха, отличавшегося странностями. Однажды тот бросил первую жену с сыном и уехал за границу, а потом, много лет спустя, вернулся с новой женой и дочерью (то есть с Рюей), причем его долгий обратный путь из Европы в Стамбул и родительский дом пролегал через Африку и Измир. Каждый раз, приходя брить Дедушку, парикмахер не из любопытства, а просто по привычке спрашивал: «Эфенди, а ваш старший-то когда из Африки возвращается?», и Галип видел, что этот вопрос и сама эта тема Дедушке совсем не нравятся.

Через много лет Джелаль рассказывал Галипу, что, когда дом начинали строить, дядя Мелих (ему тогда не исполнилось и тридцати) еще не уехал. По вечерам дядя покидал свою адвокатскую контору, в которой не столько работал, сколько ссорился со всеми и рисовал карандашом на страницах старых дел корабли и необитаемые острова, и отправлялся на стройку в Нишанташи повидаться с отцом и братьями, которые приходили туда из Каракёя, где держали аптеку, и Сиркеджи, где у них была кондитерская лавка (позже превращенная в ресторан), – туда они перебрались, не выдержав конкуренции с магазином Хаджи Бекира и его лукумом и понимая, что в Сиркеджи варенье из айвы, инжира и вишни, которое варила и разливала по банкам Бабушка, будет пользоваться большим спросом. Явившись на стройку, дядя Мелих снимал пиджак и галстук, засучивал рукава и сам принимался за дело, чтобы подбодрить строителей, которые, предвкушая конец рабочего дня, трудились с ленцой. Примерно в то время дядя Мелих начал говорить, что надо бы отправить кого-нибудь во Францию и в Германию – изучить, как поставлено кондитерское дело в Европе, заказать красивую бумагу для упаковки засахаренных каштанов, открыть вместе с французами производство разноцветного пенящегося туалетного мыла, купить по дешевке в Европе и Америке оборудование разоряющихся по причине кризиса фабрик, а заодно и рояль для тети Хале, и показать глухого Васыфа хорошему отоларингологу и психоневрологу. Через два года дядя Мелих и Васыф отплыли в Марсель на румынском теплоходе «Тристана», фотографию которого, пахнущую розовой водой, Галип позже видел в одной из Бабушкиных шкатулок (а Джелаль через восемь лет нашел среди газетных вырезок Васыфа заметку о том, что «Тристана» затонула в Черном море, наткнувшись на плавучую мину). В то время дом уже был достроен, но туда еще не переехали. Васыф вернулся год спустя на поезде, один и, «конечно же», по-прежнему глухой и немой (это «конечно же» всякий раз, когда разговор заходил на данную тему, произносила тетя Хале с каким-то особенным выражением, загадку которого Галип не мог понять долгие годы), но в руках он крепко держал аквариум с золотыми рыбками. Поначалу Васыф никак не мог расстаться с ним и все смотрел на своих рыбок, то забывая дышать от восторга, то утирая наворачивающиеся на глаза слезы. (Через пятьдесят лет он по-прежнему будет водить дружбу с прапраправнучками тех рыбок.) В то время Джелаль с матерью занимали третий этаж, однако позже сдали свою квартиру одному армянину, поскольку дядя Мелих нуждался в средствах, чтобы продолжать свои исследовательские прогулки по парижским улицам, и перебрались в тесную мансарду, которая одно время использовалась как кладовая. Когда письма от дяди Мелиха стали приходить реже – письма, где он в основном сообщал рецепты конфет и пирожных и способы производства мыла

⁸ В Турции существует обычай давать домам названия. *Шехрикальп* означает «Город сердца».

и одеколону (в конверты часто бывали вложены также фотографии артистов и балерин, вкушающих эти сласти и пользующихся этой парфюмерией), когда реже стали приносить посылки, где среди мятной зубной пасты, засахаренных каштанов и конфет с ликером могла оказаться игрушечная пожарная машина или матросская бескозырка, мать Джелиля начала размышлять, не переехать ли ей вместе с сыном в деревянный дом в Аксараяе, где жили ее мать и отец, мелкий чиновник. Пока она размышляла, началась мировая война, и последней каплей стала коричнево-белая открытка, изображающая самолет на фоне мечети с каким-то странным минаретом, которую дядя Мелих прислал из Бенгази⁹. На оборотной стороне он писал, что маршруты, по которым он мог бы вернуться на родину, заминированы. Позже он прислал еще несколько открыток, уже черно-белых, из Марокко, куда перебрался после войны. Получив очередную открытку с раскрашенным от руки изображением отеля в колониальном стиле (позднее там снимали американский фильм про торговца оружием и шпиона, которые влюбились в официантку местного бара), Бабушка и Дедушка узнали, что дядя Мелих женился на девушке из турецкой семьи, с которой познакомился в Марракеше¹⁰, что девушка эта происходит из рода пророка Мухаммеда и очень красива. (В детстве Галип любил разглядывать флаги, свисавшие с балконов второго этажа, и определять, каким странам они принадлежат, а много позже, когда открытка однажды снова попала ему на глаза, он, размышляя в той же манере, что и Джелиль в статьях о «бандитах Бейоглу», сказал себе, что в одном из номеров отеля цвета пирожного с кремом было «брошено семя» Рюйи.) Когда через полгода следующая открытка пришла уже из Измира, поначалу никто не мог поверить, что ее отправил дядя Мелих, поскольку все уже решили, что в Турцию он больше никогда не вернется; ходили слухи, что они с новой женой приняли христианство, вместе с группой миссионеров отправились в Кению и там, в долине, где львы охотятся на трехрогих антилоп, построили храм некой секты, объединившей Полумесяц и Крест. А один сплетник, знакомый с живущими в Измире родственниками новой жены дяди Мелиха, уверял, будто темные делишки, которые тот обтяпывал на севере Африки в годы войны (торговля оружием, взятка одному королю и тому подобное), сделали Мелиха миллионером; что, будучи не в силах противиться прихоти жены, которая, кстати, сказочно красива, он собирается отправиться с ней в Голливуд на поиски славы, а ее фотографии уже сейчас публикуют журналы североафриканских колоний Франции, и так далее, и тому подобное. А дядя Мелих меж тем прислал открытку (она несколько недель путешествовала по дому с этажа на этаж и в конце концов оказалась изрядно потертой, оттого что всякий норовил поскрести ее ногтем, словно сомнительную денежную купюру), где сообщал, что от тоски по родине буквально слег в постель и именно поэтому они с женой решили вернуться в Турцию. «Сейчас» у них все хорошо, он готовится принять дела у тестя, торгующего инжиром и табаком, с тем чтобы вести их сообразно новым, современным представлениям о коммерции. Вскоре от дяди пришла еще одна открытка, написанная крайне неразборчивым почерком. На каждом этаже ее истолковали по-своему – возможно, в связи с затронутым в ней вопросом об акциях, который в будущем станет причиной раздоров в семействе; но Галип, прочитав открытку впоследствии, обнаружил: дядя Мелих вполне недвусмысленно сообщал в ней о своем желании вскоре вернуться в Стамбул, а также о рождении дочери – какое имя ей дать, тогда еще не договорились.

Имя Рюйи Галип впервые прочитал на одной из открыток с изображениями церквей, мостов, башен, морских пейзажей, кораблей, мечетей, барханов, пирамид, отелей, парков и животных, которые Бабушка затыкала за рамку огромного зеркала, стоявшего на буфете, где хранились ликерные наборы. Среди этих открыток, образовавших своего рода вторую рамку (что порой злило Дедушку), было и несколько детских фотографий Рюйи. В то время Галипа больше интересовала не двоюродная сестра, или, по-новому, кузина (его ровесница, как ему

⁹ Бенгази – город в Ливии.

¹⁰ Марракеш – город в Марокко.

сообщили), а ее мать, тетя Сузан из рода Пророка, которая печально смотрела в камеру, отводя одной рукой полог из сетки, образующей черно-белую, сказочную и немного пугающую сонную пещеру, а другой указывая на лежащую в этой пещере дочь. Когда фотографии Рюйи передавали из рук в руки, все обитатели дома, и мужчины и женщины, на миг замолкали, словно о чем-то задумавшись; впоследствии Галип понял, что причиной тому была именно красота тети Сузан. А говорили в то время по большей части о том, когда же дядя Мелих с семьей переберется в Стамбул и на каком этаже они будут жить. Дело в том, что после смерти матери, второй раз вышедшей за адвоката и скончавшейся совсем молодой от загадочной болезни, которую каждый врач называл по-своему, Джелаль уже не мог и не хотел жить в Аксараяе, в доме с заросшими паутиной углами; по настоянию Бабушки он вернулся под родной кров и поселился в мансарде. В то время он уже работал в газете, где впоследствии, поначалу под псевдонимом, начал печатать его постоянную колонку. Ходил на футбол, пытаясь разнюхать, не был ли матч договорным. Взахлеб писал о загадочных преступлениях, мастерски совершаемых удалцами из баров, притонов и борделей в переулках Бейоглу. Составлял кроссворды, в которых черных клеточек каждый раз оказывалось больше, чем белых. Если автор романов с продолжением не находил в себе сил писать после попойки, сочинял очередную главу о приключениях его героев. Время от времени творил для рубрик «Определяем характер по почерку», «Толкование сновидений», «Лицо и личность», «Гороскоп на сегодня» (именно в астрологических заметках он впервые начал передавать непонятные посторонним приветы своим родственникам, знакомым и, как утверждали некоторые, возлюбленным) и «Хочешь – верь, хочешь – нет». В оставшееся время он строчил рецензии на последние американские фильмы (в кинотеатры его пускали бесплатно). Говорили, что если он и дальше будет жить на чердаке, то при таком трудолюбии сможет, работая в газете, скопить достаточно денег для женитьбы. Однажды утром, увидев, что старинную брусчатку на трамвайных путях в одночасье невесть закатали под асфальт, Галип подумал, что «несчастье», о котором говорил Дедушка, как-то связано, может быть, с этой странной теснотой в доме, с постоянной нехваткой места, рождавшей неопределенно гнетущее ощущение. Когда дядя Мелих, словно в отместку за то, что его открытки не принимали всерьез, однажды вечером неожиданно объявился в Стамбуле со своей красивой женой, красивой дочерью, а также с чемоданами и сундуками, он, разумеется, поселился на чердаке у Джелалья.

В то весеннее утро Галип опоздал в школу, причем сначала ему приснилось, что он опоздал. Во сне он ехал в автобусе прочь от школы, где должны были читать последние страницы букваря, а рядом сидела незнакомая красивая девочка с голубыми волосами. Когда он проснулся, оказалось, что проспал не только он, но и Отец. Они с Мамой завтракали; на стол под клетчатой скатертью, похожей на бело-голубую шахматную доску, падали лучи недавно вставшего солнца. Говорили о приехавших вчера вечером и поселившихся в мансарде – причем так, будто речь шла не о родственниках, а о мышах, которые завелись в доме, или же так, как горничная Эсма-ханым говорила о джиннах и призраках. Галипу не хотелось думать о том, что он проспал и теперь ему стыдно идти в школу, и о новых жильцах мансарды думать тоже не хотелось. Он пошел на этаж к Бабушке и Дедушке, где все всегда повторялось в неизменном порядке, но парикмахер, бривший Дедушку, как раз расспрашивал о новоприбывших, и тому это, похоже, не нравилось. Открытки, заткнутые за раму зеркала, рассыпались, в комнате появилось несколько незнакомых странных предметов и стоял новый запах, который Галип позже так полюбит. Внезапно ему стало как-то тоскливо и страшно, в душе проснулись смутные желания: хотелось побывать в странах, запечатленных на открытках, хотелось познакомиться с красивой тетей, которую он видел на снимках. Вот бы поскорее вырасти и стать мужчиной! Когда он сказал, что хочет постричься, Бабушка обрадовалась, но парикмахер, как и большинство болтунов, не отличался понятливостью: он посадил Галипа не в Дедушкино кресло, а на табурет, водруженный поверх обеденного стола. К тому же полотенце, которое

парикмахер снял с Дедушки и крепко повязал вокруг шеи Галипу, было для мальчика слишком большим и мало того что едва не душило его, так еще и спускалось ниже колен, словно девчоночье платье. Много позже, уже после их с Рюйей свадьбы, которая, как подсчитал Галип, состоялась ровно через девятнадцать лет девятнадцать месяцев и девятнадцать дней после первой встречи, иногда по утрам, проснувшись и взглянув на уткнувшуюся в подушку голову жены, он думал, что голубое одеяло, укрывающее Рюйю, одного цвета с полотенцем, которое парикмахер повязал ему тогда, сняв с Дедушки, и потому вызывает у него такое же чувство тревоги. Но жене он об этом никогда не говорил – может быть, потому, что знал: она не станет менять пододеяльник из-за подобного пустяка.

Решив, что газета наверняка уже лежит под дверью, Галип осторожно и бесшумно, как давно привык, встал с кровати, но ноги повели его не к входной двери, а в ванную, а потом на кухню. Чайника на кухне не было; Галип пошел в гостиную, но нашел там только заварочный. Судя по тому, что медная пепельница была до краев наполнена окурками, Рюйя засиделась тут до утра, читая новый детектив. Или не читая. Чайник обнаружился в ванной. Из-за недостаточного напора воды для ее подогрева они пользовались не устрашающего вида сооружением, именуемым колонкой, а чайником, который у них был один – второго так пока и не купили. Иногда, перед тем как заняться любовью, они, как когда-то Бабушка и Дедушка, как Отец и Мама, тихо, но нетерпеливо ждали, пока не согреется вода.

Однажды, во время очередной ссоры, начавшейся со слов «брось ты наконец курить», Бабушка, обвиненная в неблагодарности, заявила, что хотя бы один раз встанет с постели позже Дедушки. Васыф это видел, а Галип слышал и пытался уразуметь, что Бабушка хочет этим сказать. Дженяль позже развил тему в своей колонке, но не в том смысле, который имела в виду Бабушка. «Не рожать при свете солнца, – писал он, – вставать до рассвета – вот деревенские обычаи. Есть и еще один: жена должна подниматься с постели прежде мужа». Дочитав до конца статью, в которой автор почти в точности знакомил читателей с утренним ритуалом Бабушки и Дедушки (пепел от сигарет на одеяле, вставные зубы, лежащие в том же стаканчике, что и зубная щетка, быстрый и привычный просмотр некрологов в газетах), Бабушка сказала: «Мы, стало быть, деревенщина!» А Дедушка ответил: «Чтобы он понял, что это такое, надо его по утрам кормить чечевичной похлебкой!»

Галип сполоснул чашки, поискал чистую тарелку, вилку и нож, достал из пропахшего бастурмой холодильника брынзу, похожую на пластмассу, и оливки, согрел воду, побрился. Ему казалось, что шум должен был разбудить Рюйю, но она не проснулась. Потом он пил не успевший настояться чай, жевал черствый хлеб и оливки с тимьяном, смотрел на сонные слова, напечатанные в пахнущей свежей типографской краской газете, которую он принес от двери и положил на стол рядом с тарелкой, но думал о другом: хорошо бы вечером сходить к Дженялю или в кинотеатр «Конак». Он пробежал взглядом по колонке Дженяля, решил, что прочтает ее вечером после кино, но упрямые глаза все-таки разобрали первое предложение. Оставив развернутую газету на столе, он встал, надел пальто и уже собирался выйти, но вместо этого зашел в спальню и некоторое время внимательно, безмолвно и почтительно смотрел на жену. Потом повернулся, тихонько открыл дверь и вышел из дому. На лестнице, застланной новыми половиками, пахло влажной пылью и грязью. На улице было холодно и сыро, в воздухе плыл черный угольный и мазутный дым из труб Нишанташи. Выдыхая изо рта облачка пара, Галип пробрался между кучами лежащего на тротуаре мусора и встал в длинную очередь на остановке долмушей.

На противоположной стороне улицы старик, одетый вместо пальто в пиджак с поднятым воротником, покупал у разносчика пирожки, выбирая только те, что с сыром, – с мясом не брал. Галип вдруг выбежал из очереди, завернул за угол, сунул деньги газетчику, развесившему свой товар на двери, взял газету «Миллийет», свернул ее и зажал под мышкой. Ему вспомнилось, как однажды Дженяль насмешливо рассказывал о пожилой читательнице, подражая ее

голосу: «Ах, Джелаль-бей, Мухаррем и я так любим вашу колонку, и до того, бывает, нам не терпится ее прочитать, что мы покупаем сразу два экземпляра „Миллийет“!» Они тогда все вместе посмеялись: Галип, Рюйя и Джелаль. Успев изрядно промокнуть под заморосившим противным дождиком, Галип протолкался в долмуш, где пахло мокрой тканью и табачным дымом. И поскольку пассажиры были не склонны затеять общий разговор, он тщательно, с наслаждением истинного любителя газет сложил свежий номер так, чтобы видно было только колонку на второй странице, рассеянно взглянул в окно и начал читать свежую статью Джелалья.

Глава 2

Когда отступят воды Босфора

Нет и не может быть ничего удивительнее жизни.

Кроме написанного человеком слова.

Ибн Зерхани¹¹

Вы заметили, что воды Босфора отступают? Вряд ли. В наши дни, когда мы убиваем друг друга с удовольствием и восторгом веселящихся на празднике детей, мало кто интересуется тем, что происходит в мире. Даже эту колонку вы наспех просматриваете или в толчее на пристани, или на площадке переполненного автобуса, или сидя в тряском долмуше, и буквы прыгают у вас перед глазами. А я эту новость увидел в одном французском геологическом журнале.

Оказывается, температура воды в Черном море повышается, а в Средиземном – понижается. В результате дно морей прогибается и вспучивается, в нем образуются огромные пещеры, которые заполняет вода; одновременно – и в связи с теми же тектоническими процессами – начинает подниматься дно проливов Гибралтар, Дарданеллы и Босфор. Один из рыбаков, с которыми я недавно разговаривал на берегу Босфора, рассказал, что его лодка села на мель там, где когда-то он бросал якорь на цепи длиной с минарет, и спросил: «Неужели это совсем не интересует нашего премьер-министра?»

Этого я не знаю. Но я знаю, что нас ждет, и уже очень скоро, в результате этих процессов, скорость которых, как сообщают ученые, все возрастает. Несомненно, в ближайшем будущем райское место, которое называют Босфором, превратится в отвратительное болото, где остовы галеонов, покрытые черной грязью, будут скалиться, словно жуткие зубастые призраки. Нетрудно представить себе, что после жаркого лета это болото местами высохнет, словно русло скромной речки, снабжающей водой какую-нибудь деревеньку, а на склонах, обильно орошаемых нечистотами из тысяч широких труб, даже зазеленеет трава и расцветут ромашки. Девичья башня¹² будет грозно возвышаться на вершине холма, словно настоящая крепость, а внизу, в глубокой дикой долине, начнется совсем новая жизнь.

Я говорю о новых кварталах, которые станут множиться на грязном пустом пространстве, некогда именовавшемся Босфором. Вырастающие за одну ночь лачуги, бары, увеселительные заведения, луна-парки с каруселями, игорные притоны, мечети, текке¹³, штаб-квартиры марксистских фракций, подпольные цеха, производящие изделия из пластмассы и нейлоновые чулки... Никаких муниципальных служащих, снующих туда-сюда с предписаниями об уплате штрафа, не хватит, чтобы это все упорядочить. Посреди этого хаоса, сравнимого разве что с тем, что настанет в день Страшного суда, будут торчать остовы лежащих на боку пароходов прошлого века и зиять прогалины, усыпанные бутылочными крышками и дохлыми медузами. Вблизи американских трансатлантических лайнеров, севших на мель в тот день, когда в одночасье отступили воды, обозначатся подернутые водорослями ионические колонны, а среди них – застывшие с распахнутыми ртами и молящиеся неведомым доисторическим богам скелеты кельтов и ликийцев. Я могу представить себе, что эта цивилизация, выросшая среди облепленных мидиями византийских сокровищ, серебряной и жестяной кухонной утвари, бочек с вином, пролежавших на дне тысячу лет, остроносых галер и бутылок из-под газировки, будет черпать топливо для своих древних печей и лампад из старого румынского танкера, чей винт

¹¹ Ибн Зерхани – вымышленное автором лицо.

¹² Девичья башня – сооружение на одном из островов Босфора, в разные времена служившее сторожевой вышкой, маяком, таможней.

¹³ Текке – обитель дервишей.

увяз в тине. Но главное, к чему нам необходимо готовиться, вот что: в этой проклятой котловине, орошаемой темно-зелеными водопадами нечистот всего Стамбула, в этом сохнущем болоте, где из-под земли, усеянной трупами дельфинов, камбалы и меч-рыб, будут сочиться ядовитые газы, в этом новом раю для бесчисленных крысиных орд вспыхнет эпидемия совершенно новой, неизвестной болезни. Я уверен в этом и предупреждаю: катастрофа, что разразится в районе, который будет объявлен запретной зоной и огорожен колючей проволокой, затронет нас всех.

С балконов, откуда некогда любовались серебристым лунным светом, играющим на шелково-гладких водах Босфора, мы будем смотреть, как мерцает синеватым светом дым от костров, – это поспешно жгут мертвых, которых нет возможности похоронить. Сидя за столиками, где прежде пили раки¹⁴ и наслаждались головокружительно свежим ароматом багрянника и жимолости, мы будем вдыхать едкую, обжигающую ноздри вонь гниющих трупов, смешанную с запахом плесени. На набережных, где сейчас выстраиваются с удочками рыбаки, будут слышны не навевающие покой песни босфорских течений и весенних птиц, а дикие крики несчастных, объятых страхом смерти и пытающихся убить себе подобных всем тем, что тысячи лет люди бросали в воду, испугавшись очередного повального обыска: всевозможными мечами, кинжалами, заржавевшими палашами и пистолетами. Те стамбульцы, что прежде жили на берегу пролива и по вечерам, возвращаясь с работы домой, пониже опускали стекла автобусов, чтобы вдохнуть морской запах, будут, наоборот, затыкать все щелки в этих самых окнах газетами и тряпками, чтобы внутрь не проникла вонь гниющих трупов и грязи из страшного мрака внизу, прореженного то тут, то там сполохами пламени. В прибрежных кафе, куда раньше вместе с нами посмотреть на морскую регату сходились продавцы воздушных шаров и печенья, мы будем наблюдать кроваво-красные взрывы мин, взлетающих на воздух вместе с наткнувшимися на них мальчишками. Люди, что зарабатывают на жизнь поиском византийских монет и пустых консервных банок, выброшенных на берег штормами, начнут собирать вещи, некогда вынесенные в море селевыми потоками, которые крушили деревянные дома в прибрежных поселках: кофемолки, облепленные водорослями часы с кукушками и черные пианино, закопанные в броню из мидий. А я однажды в полночь проберусь сквозь колючую проволоку в эту новоявленную преисподнюю, чтобы отыскать черный «кадиллак».

Этот черный «кадиллак» был любимой игрушкой и гордостью бандита из Бейоглу (язык не поворачивается назвать его «гангстером»), за приключениями которого я следил тридцать лет назад, когда был начинающим репортером. Мне очень нравились два стамбульских пейзажа, украшавшие противоположные стены холла в принадлежавшем ему притоне. В то время во всем Стамбуле такой машиной могли похвастаться только миллионер Дагделен, сколотивший состояние на строительстве железных дорог, да табачный король Маруф. Мы, газетчики, превратили этого бандита в подобие легендарного героя, а описание последних часов его жизни печатали с продолжением целую неделю. Однажды в полночь, когда на хвост ему села полиция, он погнал свой «кадиллак», в котором находилась также его любовница, к мысу Акынтыбурну. Там – одни говорят, что под воздействием гашиша, другие, что осознанно, – он направил автомобиль в море, словно разбойник, погоняющий коня к пропасти, и сгинул вместе с ним в темных водах Босфора. «Кадиллак» несколько дней искали водолазы, но безрезультатно, и вскоре о нем забыли и газетчики, и читатели. Но я примерно знаю, где он может находиться.

Да, он должен быть там, в глубинах новой котловины, некогда именовавшейся Босфором, на дне устланной непросохшим илом пропасти, где лежат сапоги без пары и семьсот лет назад сделанные башмаки, в которых поселились крабы, где валяются вперемешку верблюжьи кости и бутылки с письмами, написанными неведомым возлюбленным. Если миновать склон, заросший лесом губок и мидий, среди которых поблескивают алмазы, серьги, золотые браслеты и

¹⁴ Раки – крепкий спиртной напиток, настоящий на анисовом корне.

бутылочные крышки, там он и будет. Немного поодаль от прогнившего остова баржи, приспособленной на скорую руку под героиновую лабораторию. Там, где песок, усеянный устрицами и прочими моллюсками, обильно орошен кровью лошадей и ослов, зарезанных подпольными производителями колбасы.

Разыскивая автомобиль в безмолвном мраке, пропитанном запахом падали, ловя краем уха сигналы машин, доносящиеся с шоссе, что прежде именовалось Прибрежным, а теперь более напоминает дорогу в горах, я повстречаюсь с останками дворцовых заговорщиков, до сих пор скрюченных в три погибели в мешках, в которых они были утоплены, и со скелетами православных священников с привязанными к ногам ядрами и зажатыми в руках крестами и жезлами. Увидев голубой дымок, выходящий из перископа английской подводной лодки, которая собиралась торпедировать пароход «Гюльджемаль», перевозивший солдат с пристани Топхане в Чанаккале¹⁵, да запуталась винтом в рыбацких сетях, врезалась в поросшую водорослями скалу и легла на дно, я пойму, что перископ стал печной трубой, а саму субмарину, построенную некогда в доках Ливерпуля, превратили в свое новое обиталище наши сограждане, которые выкинули прочь останки англичан с распахнутыми от удушья ртами и теперь преспокойно пьют вечерний чай из китайских фарфоровых чашек, сидя в обитых бархатом капитанских креслах. Немного поодаль из тьмы покажется ржавый якорь броненосца, принадлежавшего к флоту кайзера Вильгельма. Мне подмигнет перламутровый телеэкран. Я увижу остатки разграбленной генуэзской казны, мортиру с забитым илом стволом, покрытых мидиями идолов давным-давно сгинувших государств и племен, перевернутую латунную люстру с разбитыми лампочками. Спускаясь все ниже по склону, то глинистому, то каменному, я пройду мимо скелетов прикованных к веслам рабов, терпеливо созерцающих звезды. Запутавшиеся в водорослях ожерелья, очки и зонтики я, вероятно, вниманием не удостою, зато на мгновение испуганно остановлюсь перед рыцарями-крестоносцами в броне и полном вооружении, что до сих пор восседают на остовах упрямо стоящих великолепных коней. И тогда я с ужасом пойму, что эти рыцари в покрытых мидиями доспехах охраняют черный «кадиллак», застывший подле них.

Медленно, почтительно и робко, словно спрашивая разрешения у стражников-крестоносцев, я подойду к «кадиллаку», время от времени озаряемому невесть откуда идущим неверным фосфорическим светом. Я попробую отворить дверцу, но заросший мидиями и морскими ежами автомобиль не пустит меня внутрь; не сдвинутся и заклиненные зеленоватые окна. Тогда я достану из кармана шариковую ручку и попытаюсь обратным ее концом расчистить фиштакково-зеленый слой тины на стекле.

В полночь я зажгу в этом жутком волшебном мраке спичку и увижу в отблесках ее огонька на отливающих металлом, как доспехи крестоносцев, никелированных циферблатах и великолепном руле, что скелеты бандита и его любовницы застыли в поцелуе на переднем сиденье, что она обнимает его тонкими руками в браслетах и пальцы на ее руках унижены кольцами. Не только челюсти, но и сами черепа будут навеки спаяны в этом бессмертном поцелуе.

И тогда, не зажигая новой спички, я побреду назад, к городским огням, думая, что вот он – лучший и самый счастливый способ встретить смерть в час катастрофы, и с тоской взываю к своей далекой возлюбленной: милая, прекрасная, печальная моя! Страшный час настал, приди ко мне, приди, где бы ты ни была: в кабинете ли, где плавают клубы табачного дыма, на кухне ли, пропахшей луком и стиранным бельем, в голубой ли неприбранной спальне; пора, приди ко мне! Настало время скрыться в безмолвии полутемной комнаты с задернутыми шторами, чтобы забыть о надвигающейся страшной беде; мы изо всех сил обнимем друг друга и будем вместе ждать смерть.

¹⁵ Чанаккале – крепость, охраняющая вход в пролив Дарданеллы.

Глава 3

Передай привет Рюйе

Мой дед называл их «семья».

Рильке

Утром того дня, когда от него ушла жена, Галип, поднимаясь с зажатой под мышкой газетой по лестнице делового центра на улице Бабыали, где располагалась его контора, думал о зеленой шариковой ручке, которую уронил в воды Босфора много лет назад, когда матери повезли их с Рюйей, больных свинкой, на лодочную прогулку. Вечером того же дня, изучая записку, оставленную Рюйей, он вспомнит, что ручка, которой она писала, была точно такой же, как та, что утонула в Босфоре. Утонувшую ручку Галипу двадцать четыре года назад на неделю дал Джеляль, заметив, что Галипу она очень нравится. Узнав, что ручка потерялась, Джеляль спросил, где именно она упала в воду, и, выслушав ответ, сказал: «Потерянной ее считать нельзя! Ведь мы же знаем, в каком месте Босфора она лежит». Входя в контору, Галип с удивлением вспомнил, что в тот «день катастрофы», о котором он только что прочитал во всех подробностях, Джеляль собрался расчищать фисташково-зеленую тину со стекла «кадиллака» не той самой ручкой, а другой, которую достанет из кармана. Ведь переключка предметов и явлений, разделенных годами, а то и столетиями, была одним из любимых приемов Джеляля, к которому он прибегал в своих статьях при любой возможности, – например, в грязи на дне будущей Босфорской долины у него рядом лежали византийские монеты с изображением Олимпа и крышки от газировки «Олимп». Возможно, дело в том, что память Джеляля и вправду стала сильно сдавать, как он признался Галипу в одну из их последних встреч. «Когда сад памяти засыхает, – сказал он в тот вечер, – начинаешь трястись над последними деревцами и розами. Поливаешь их с утра до вечера, чтобы не засохли, и ласкаешь их, приговаривая: я помню, помню, – чтобы не забыть».

Галип знал от Джеляля, что через год после того, как дядя Мелих уехал в Париж, а Васыф вернулся назад с аквариумом, Отец и Дедушка съездили в адвокатскую контору дяди Мелиха на улице Бабыали, погрузили все вещи и папки с делами на телегу и перевезли их в свой дом в Нишанташи, где сложили на чердаке. Впоследствии, когда дядя Мелих, вернувшись из Магриба с новой женой-красавицей и Рюйей, довел до разорения созданную им совместно с тестем компанию, торговавшую сушеным инжиром, а в семейное кондитерское и аптечное дело его не взяли, чтобы дядя Мелих и его не разорил, он решил снова заняться адвокатской практикой – и перевез все эти вещи в свою новую контору, чтобы было чем производить впечатление на клиентов. Через много лет, как-то вечером, с едкой насмешкой вспоминая прошлое, Джеляль рассказал Галипу и Рюйе, что среди явившихся в тот день грузчиков, вызываемых обычно для работы, которая требует особой аккуратности, вроде переноски холодильников или фортепиано, оказался один из тех, кто двадцать два года назад поднимал эти вещи на чердак, правда теперь уже без волос на голове.

А еще через двадцать один год после того, как Васыф, внимательно рассматривавший лысого грузчика, подал ему стакан воды, дядя Мелих согласился передать контору Галипу. По мнению отца Галипа, это произошло потому, что дядя Мелих боролся не с противниками своих подзащитных, а с самими подзащитными; мать же Галипа полагала, что дядя Мелих от переутомления выжил из ума и стал путать сборники законов, протоколы судебных заседаний и труды по юриспруденции с ресторанными меню и расписанием пароходов; а Рюйя думала, будто ее дорогой отец уже тогда догадывался, что Галип, в то время просто племянник, станет мужем его дочери. Вместе с конторой Галипу достались и старые вещи: портреты западных юристов, чьи имена давно забылись, не говоря уже о заслугах; полувековой давности фотогра-

фии преподавателей юридического факультета (европейцы были запечатлены для потомков с непокрытыми головами, а эти – в фесках); папки с материалами судебных разбирательств, участники которых – и истцы, и ответчики, и судьи – давным-давно умерли; письменный стол, за которым когда-то по вечерам работал Джеляль, а по утрам его мать копировала выкройки платьев; и огромный черный телефон, стоящий на углу этого стола и похожий не столько на средство связи, сколько на тяжелое, громоздкое и зловещее оружие войны.

Иногда телефон звонил сам по себе; звонок у него был резкий и каждый раз заставлял Галипа испуганно вздрагивать. Черная как смоль трубка напоминала маленькую тяжелую гантель; когда набирали номер, диск издавал скрипучую мелодию, словно старые турникеты на пристани Каракёй, и телефон порой соединял вас с кем ему вздумается, игнорируя набранный вами номер.

Едва Галип набрал домашний номер, Рюйя сразу сняла трубку, и он удивился: «Ты уже встала?» Он был рад, что она находится теперь не в закрытом для посторонних саду своей памяти, а в обычном, всем знакомом мире. Галип представил себе стол, на котором стоит телефон, неприбранную комнату, Рюйю с трубкой в руках.

– Я оставил на столе газету, прочитала? Джеляль написал кое-что занятное.

– Не читала, – ответила Рюйя. – Который час?

– Ты поздно легла, да? – спросил Галип.

– Ты сам приготовил себе завтрак.

– Ну да, не хотелось тебя будить. А что тебе снилось?

– Поздно ночью я видела в коридоре таракана, – сообщила Рюйя и уверенным, но с нотками волнения голосом, словно диктор, извещающий моряков по радио о точном местонахождении замеченной в Черном море плавучей мины, продолжила: – Между кухонной дверью и батареей в коридоре... В два часа ночи... Огромный...

Наступила тишина.

– Хочешь, я сейчас возьму такси и приеду? – произнес Галип.

– Когда шторы задернуты, дома становится страшновато, – проговорила Рюйя.

– Пойдем вечером в кино? – предложил Галип. – В «Конак». На обратном пути заглянем к Джелялю.

Рюйя зевнула:

– Спать хочется.

– Поспи, – сказал Галип, и оба замолчали. Вешая трубку, Галип успел услышать, как Рюйя еле слышно зевнула еще раз.

В последующие дни, когда Галип был вынужден снова и снова припоминать подробности этого телефонного разговора, он начинал сомневаться, в самом ли деле слышал зевок – да и не только его, но и сказанные женой слова. Он вспоминал их каждый раз по-разному и потому порой задавал себе вопрос: что, если он говорил не с Рюйей, а с какой-нибудь другой женщиной, сумевшей его разыграть? Потом ему начинало казаться, что Рюйя на самом деле говорила именно то, что он услышал, но после того телефонного разговора не Рюйя, а он сам постепенно стал превращаться в другого человека, и этот новый человек заново воссоздавал в своей голове слова, которые Галип, как ему казалось, неправильно расслышал или запомнил. Ибо в те дни, когда даже его собственный голос будет казаться ему чужим, Галип отчетливо поймет, что двое, разговаривающие друг с другом с противоположных концов телефонной линии, могут превращаться в совершенно не похожих на самих себя людей. Поначалу же он мыслил проще и винил во всем старый громоздкий телефон, который звонил и тудился целый день.

После того как Галип поговорил с Рюйей, ему позвонил клиент, судившийся с хозяином своей квартиры. Потом ошиблись номером. До звонка Искендера ошибались еще дважды, а кроме того, незнакомый человек пожелал узнать телефон Джеляля: «Мне известно, что вы его родственник». После Галип поговорил с торговцем железом, который хотел спасти от тюрьмы

своего впутавшегося в политику сына и спрашивал, почему взятку судье надо давать до вынесения приговора, а затем позвонил Искендер. Он тоже хотел связаться с Джелялем.

Искендер был приятелем Галипа по лицу. Собственно, с лицейских времен они и не виделись, поэтому для начала быстро перебрали события последних пятнадцати лет. Искендер поздравил Галипа с женитьбой на Рюйе и, как многие другие их знакомые, заверил, будто всегда знал – «рано или поздно так оно и будет». Теперь Искендер был продюсером в рекламном агентстве. Он хотел свести Джеляля с телевизионной группой Би-би-си, снимающей документальный фильм о Турции. «Они хотят взять интервью о положении дел в стране у такого известного журналиста, как Джеляль, который уже тридцать лет пишет на самые разные темы». Телевизионщики встречались с политиками, представителями деловых кругов и профсоюзными деятелями (об этом Искендер рассказывал долго и с совершенно ненужными подробностями), но самым интересным собеседником им представляется Джеляль, и поэтому они непременно желают с ним увидеться.

– Не беспокойся! – сказал Галип. – Я его тебе быстро отыщу.

Он был рад, что появился предлог позвонить Джелялю.

– В газете меня, похоже, уже второй день водят за нос, – пожаловался Искендер. – Я тебе поэтому и позвонил. Никак не могу застать Джеляля в редакции. Что-то здесь нечисто, помоему.

Джеляль, бывало, на несколько дней исчезал, скрывался в одной из своих тайных стамбульских квартир, адреса и телефоны которых никому не давал, но Галип не сомневался, что найдет его.

– Не беспокойся, – повторил он. – Я его быстро отыщу!

Но до самого вечера Джеляля отыскать не удалось. Весь день, звоня ему домой или в редакцию «Миллийет», Галип представлял, как Джеляль снимет трубку, а он изменит голос и заговорит, представившись другим именем. (Он собирался сказать: «Я, разумеется, разгадал тайный смысл вашей сегодняшней статьи!» – голосом, позаимствованным у персонажа какого-нибудь радиоспектакля, как это бывало, когда они трое – Рюйя, Джеляль и Галип – по вечерам забавы ради изображали некоторых читателей и поклонников Джеляля.) Однако каждый раз, когда он звонил в редакцию, все та же секретарша отвечала ему все то же: «Джеляль-бей еще не пришел». За весь день, проведенный в сражении с телефоном, Галипа только один раз приняли за другого.

Это было уже под вечер, когда он позвонил тете Хале, думая, что, может быть, она знает, где искать Джеляля. Тетя пригласила его на ужин, прибавив: «Галип и Рюйя тоже придут», и Галип сообразил, что она снова перепутала голоса и приняла его за Джеляля.

– Да какая разница! – сказала тетя Хале, поняв свою ошибку. – Все вы мои непутевые дети, все одинаковы! Тебе я тоже собиралась позвонить.

Пожурился Галипа за то, что тот не звонит и не спрашивает, как у нее дела, тем же тоном, каким отчитывала своего черного кота Уголька за подранную острыми коготками обивку кресел, тетя Хале попросила племянника зайти в лавку Аладдина за кормом для золотых рыбок Васыфа: привередливые рыбки едят исключительно европейский корм, а Аладдин продает его только знакомым.

– Вы читали его сегодняшнюю статью? – спросил Галип.

– Чью? – осведомилась тетя с привычным вызовом в голосе. – Аладдина? Нет, мы покупаем «Миллийет», чтобы твой дядя разгадывал кроссворды, а Васыф мог развлекаться, делая вырезки, а вовсе не для того, чтобы читать статьи Джеляля и сокрушаться, до чего же низко он пал.

– Позвоните Рюйе сами и пригласите ее, хорошо? – попросил Галип. – У меня будет мало времени.

– Не забудь! – сказала тетя Хале, напомнив Галипу о данном ему поручении и времени ужина, а затем огласила список созываемых на семейное собрание (который, впрочем, никогда не менялся, как и меню), словно радиокomentатор, который медленно, чтобы разжечь интерес слушателей, зачитывает составы команд – участниц долгожданного футбольного матча: – Твоя мама, тетя Сузан, дядя Мелих, Джелаль, если придет, и, конечно, твой отец. Уголек, Васыф и твоя тетя Хале. – Завершив перечисление, она не рассмеялась, как обычно, кашляющим смехом, а прибавила: – Я испеку для тебя пирожки, – и повесила трубку.

Телефон тут же снова зазвонил, а Галип, рассеянно глядя на него, думал о неудавшемся, расстроившемся в последний момент замужестве тети Хале, но почему-то никак не мог вспомнить странное имя жениха, только что крутившееся у него в голове. Не желая потакать лени своего ума, Галип сказал себе: «Не сниму трубку, пока не вспомню это имя. На языке же вертится!» Телефон прозвонил семь раз, замолчал, потом опять затрезвонил, а Галип тем временем вспоминал тот день – за год до переезда в Стамбул Рюйи с родителями, – когда жених со странным именем в сопровождении своего дяди и старшего брата пришел просить руки тети Хале. Телефон замолчал. Когда он ожил снова, уже почти стемнело, и очертания всех предметов в кабинете стали неотчетливы. Галип так и не вспомнил имени жениха, зато память нарисовала ему ужасного вида ботинки, которые носил тот человек. На лице у него был алеппский прыщ¹⁶. «Арабы они, что ли? – спросил Дедушка. – Хале, ты что, серьезно хочешь выйти замуж за этого араба? Как ты с ним познакомилась? Ах, случайно!» Когда время подходило к семи, Галип, прежде чем выйти из опустевшего делового центра, при свете уличных фонарей просмотрел папку с делом одного клиента, желавшего сменить фамилию, и наткнулся там на то самое странное имя, какое было у жениха. Направляясь к остановке долмушей, он думал о том, что мир слишком велик, чтобы можно было вместить его в человеческую память, а через час, сойдя в Нишанташи, – о том, что случайности помогают человеку понять мир.

Дом, в одной из квартир которого жили тетя Хале, Васыф и Эсма, а в другой – дядя Мелих и тетя Сузан (а раньше и Рюйя), находился «на задворках Нишанташи». Кто другой, может быть, и не назвал бы это место задворками: все-таки до полицейского участка на углу, лавки Аладдина и проспекта всего три улицы вниз, пять минут пешком, но для обитателей этих двух квартир, некогда без всякого интереса издали наблюдавших за тем, как на месте здешних полей и огородов появилась сначала булыжная дорога, а потом вымощенная брусчаткой улица, – для них и эта самая улица, и соседние, ничуть не более интересные, никак не могли быть центром Нишанташи. Слово «задворки» постоянно звучало в их разговорах – и в те дни, когда они стали отчетливо понимать, что им неизбежно придется одну за другой распродать квартиры в Шехрикальпе, который был для них центром мира не только в географическом, но и в духовном смысле, и переехать из этого дома, «господствующего над всем Нишанташи», по выражению тети Хале, в обшарпанные съемные жилища; и позже, когда переезд состоялся и они обустраивались в унылом и далеком от центра их мира уголке. Вероятно, повторяя это слово и несколько преувеличивая свалившуюся на их голову беду, они пытались обвинить в ней друг друга – да и как упустить такую возможность? В день переезда из Шехрикальпа на задворки, за три года до смерти, Мехмет Сабит-бей (Дедушка) уселся в низкое одноное кресло, поставленное в новой квартире под несколько иным углом к окну, но под тем же углом к тяжелой тумбе, на которой стоял радиоприемник, и, вспомнив, видимо, тощую клячу, перевозившую их вещи, проговорил: «Ну что ж, вот мы и пересели с лошади на ишака!» А потом включил радиоприемник, на котором уже была постелена ручной работы салфетка и лежал спящий фарфоровый песик.

Это было восемнадцать лет назад. Но сейчас, в восьмом часу вечера, когда все магазины, кроме лавок Аладдина, цветочника и продавца сухофруктов, уже закрылись, когда в грязном

¹⁶ Алеппский прыщ – кожное заболевание, обиходное название лейшманиоза.

воздухе, пропитанном выхлопными газами, сажей из труб, пылью и запахами угля и серы, падал еле заметный мокрый снег, Галип, взглянув на знакомые огни старого дома, почувствовал, как всегда, что воспоминания, связывающие его с этим зданием, не исчерпываются восемнадцатью годами. И здесь не важна была ширина улицы, название дома (это название, изобилующее буквами «о» и «у», никому не нравилось произносить вслух) или его местоположение; просто казалось, что родственники живут в здешних квартирах с незапамятных времен. Поднимаясь по лестнице, где всегда стоял неизменный запах (в одной из своих статей, встреченных родственниками с негодованием, Джелаль вывел его формулу: смесь запахов прихожей, мокрого камня, плесени, разогретого масла и жареного лука), Галип быстро прокручивал в голове сценки, которые вскоре обязательно увидит, словно читатель, привычно и нетерпеливо перелистывающий страницы много раз читанной книги.

Поскольку сейчас уже восемь, я увижу дядю Мелиха, восседающего в старом Дедушкином кресле с газетами в руках; он принес их со своего верхнего этажа и читает с таким видом, будто не прочел только что у себя. Впрочем, он может и пояснить, что «на нижнем этаже в новостях нередко усматриваешь иной смысл, нежели на верхнем», или сказать: «Просмотрю последний раз, пока Васыф не изрезал на кусочки». Глядя на несчастную тапочку, дрожащую на носке дядиной постоянно покачивающейся ноги, я буду думать, что она, как в детстве, говорит мне с извечной досадой и тоскливым нетерпением: «Скучно, как же скучно! Надо что-то делать, надо что-то делать!» Эсма-ханым, которую тетя Хале прогнала с кухни, чтобы без помех, в свое удовольствие напечь пирожков, будет накрывать на стол, зажав в зубах сигарету «Бафра» без фильтра (совсем не то, что старые добрые «Йени-Харман»!), и я услышу, как она спросит: «Сколько нас сегодня?», словно не знает ответа на этот вопрос, а другие могут знать. Тетя Сузан и дядя Мелих, сидящие, как когда-то Бабушка и Дедушка, по обе стороны от радиоприемника напротив моих родителей, немного помолчат; потом тетя Сузан, повернувшись к Эсме-ханым, с надеждой спросит: «Джелаль сегодня придет?» Дядя Мелих привычно скажет: «Никогда он не образумится, никогда!», а отец – ему нравится защищать племянника от нападок дяди Мелиха и приятно сознавать, что он более уравновешен и рассудителен, чем старший брат, – с удовольствием заявит, что прочитал одну из последних статей Джелалья. Затем, желая доставить себе еще одно удовольствие – похвастаться передо мной своей осведомленностью, отец произнесет несколько похвальных слов (Джелаль первый бы посмеялся над ними, если бы услышал) в адрес той самой прочитанной им статьи, в которой затронуты такие-то и такие-то проблемы нашей страны или вопросы жизни вообще, и присовокупит к похвале несколько «конструктивных» критических замечаний, а мама (мама, хоть ты не вмешивайся!), покивав (поскольку она тоже считала своим долгом защищать Джелалья от гнева дяди Мелиха, прибегая к оборотам вроде «вообще-то он хороший, хотя и...»), поддержит отца. Тут я не выдержу и, хотя прекрасно знаю, что они не чувствуют и не понимают статей Джелалья так, как я, и никогда не будут так чувствовать и понимать их, совершенно напрасно задам вопрос: «Вы читали его сегодняшнюю колонку?» Дядя Мелих, у которого, может быть, газета будет открыта как раз на странице со статьей Джелалья, все равно пробурчит: «А какой сегодня день недели?» или «Его теперь каждый день печатают, что ли? Не читал!» Отец заявит: «По-моему, использовать такие грубые выражения в адрес премьер-министра неправильно!» «Можно не разделять чьих-то убеждений, но к человеку нужно проявлять уважение!» – подхватит мама, и непонятно будет, кого она считает правым: премьер-министра, отца или Джелалья. Неопределенность этого высказывания придаст смелости тете Сузан, и она, наверное, проговорит: «Своими мнениями о бессмертии, атеизме и табаке он напоминает француза!», и разговор – в который уже раз – свернет на тему сигарет и курения. Эсма-ханым, так и не решив, на сколько человек накрывать, станет стелить скатерть, словно большую чистую простыню на постель: взмахнет ей, держа за один конец, и будет наблюдать, зажав в зубах сигарету, как противоположный конец плавно опускается на стол. Дядя Мелих скажет ей: «Между прочим, Эсма-

ханым, табачный дым усугубляет мою астму!» «В таком случае сначала ты, Мелих-бей, брось курить!» – не останется в долгу Эсма-ханым. Тогда я выйду из комнаты и пойду на кухню. Там, в облаке ароматов теста, расплавленного сыра и разогретого масла, словно чародейка, вдали от чужих глаз варящая в котле волшебное зелье, будет жарить пирожки тетя Хале (на голове платок, чтобы волосы не засалились). Желая заслужить мое особое внимание, любовь, а может быть, и поцелуйчик в щеку, она, шепнув: «Никому не говори!», словно это взятка, быстро сунет мне в рот обжигающий пирожок и спросит: «Горячий?», а у меня от жара из глаз брызнут слезы, и я даже не смогу проговорить в ответ: «Еще бы!» Из кухни я двинусь в комнату, где когда-то по ночам Бабушка и Дедушка, борясь с бессонницей, лежали под голубым одеялом (тем самым, на котором Бабушка учила нас с Рюией чтению, арифметике и рисованию). После их смерти туда переселился Васыф со своими любимыми золотыми рыбками; его-то я там и увижу, и еще Рюию. Они будут вместе любоваться рыбками или рассматривать коллекцию газетных и журнальных вырезок. Я присоединюсь к ним, и, как обычно, некоторое время мы с Рюией не будем разговаривать, словно бы для того, чтобы не стало заметно, что Васыф глухонемой. Потом, как бывало в детстве, мы на языке жестов, нами самими придуманном, изобразим для Васыфа сцену из какого-нибудь старого фильма, который недавно смотрели по телевизору, а если окажется, что мы не видели никакой достойной представления сцены, то разыграем во всех подробностях неизменно приводящий Васыфа в волнение эпизод из «Призрака оперы» – так, будто только недавно впервые посмотрели этот мюзикл. Вскоре Васыф, который многое понимает гораздо лучше других, отвернется или пойдет проводить своих любимых рыбок, а мы с Рюией, которую я не видел с самого утра, с которой не разговаривал со вчерашнего вечера, посмотрим друг на друга. Я спрошу тебя: «Как дела?» «Хорошо, все в порядке», – ответишь ты, а я на миг замолчу, попытаюсь понять, какой смысл ты хотела – или не хотела – вложить в эти слова, и потом, может быть, спрошу, чтобы скрыть тщетность своих размышлений: «Что ты сегодня делала, Рюия, чем занималась?», будто не знаю, что ты так и не принялась за перевод того детектива и провела весь день, сонно листая страницы старых полицейских романов, ни один из которых я не смог, как ни старался, дочитать до конца.

В другой своей статье Джелаль предложил иную формулу запаха, как правило стоящего в подъездах домов на задворках: там, написал он, пахнет сном, чесноком, плесенью, известкой, углем и разогретым маслом. Прежде чем нажать кнопку звонка, Галип подумал: «Спрошу у Рюии, не она ли три раза звонила вечером».

– Так, а где же Рюия? – спросила тетя Хале, открыв дверь.

– Разве она не пришла? Вы ей не звонили?

– Звонила, но трубку никто не снял. Я подумала, что ты ей, наверное, уже сообщил.

– Может быть, она наверху, у отца?

– Нет-нет, твои дядя с тетей давно спустились.

Помолчали.

– Она дома, – сказал Галип. – Я сейчас за ней сбегаяю.

– Ваш телефон не отвечал, – повторила тетя Хале, но Галип уже спускался по лестнице.

– Ладно, только ты побыстрее, – крикнула ему вслед тетя. – Пирожки уже почти готовы!

Галип быстро шагал по улице. В воздухе кружил мокрый снег, холодный ветер развевал полы пальто, которое он купил девять лет назад (на эту тему у Джелалья тоже имелась статья). Он уже давно подсчитал, что если сразу после проспекта свернуть в темную боковую улочку, то путь от дома родственников до их с Рюией жилища – мимо окон консьержей, закрытых лавок, швейного ателье, хозяин которого еще продолжал работать, мимо тускло светящейся рекламы кока-колы и нейлоновых чулок – может занять минут двенадцать. Его расчет оказался почти верен. Когда он вернулся назад по тем же улицам (перед портным лежала та же ткань, и он вдевал в иголку новую нить), прошло двадцать шесть минут. Дверь открыла тетя Сузан. Галип рассказал ей, а позже и всем собравшимся за столом, что Рюия простудилась, заболела, нагло-

талась антибиотиков (выпила все, что нашла в ящичке буфета!) и под их воздействием уснула. Телефон она слышала, но у нее не было сил вставать и идти к нему. Сейчас ей по-прежнему хочется спать, а есть не хочется, и она просила передать всем привет. Он знал, что, услышав все это, большинство собравшихся нарисуют в своем воображении печальную картину: несчастная больная Рюйя лежит в постели, но предполагал и то, что разговор сразу примет «лингвистический» оборот. Так и произошло: посыпались названия всевозможных антибиотиков, микстур и пастилок от кашля, сосудорасширяющих и болеутоляющих препаратов, какие только можно найти в аптеках, а также витаминов, которые непременно следует употреблять вместе с лекарствами, как сливки с кадаифом¹⁷, причем все эти иностранные названия произносились на турецкий манер: идущие подряд согласные звуки обильно разбавлялись гласными. Не было недостатка и в пояснениях, как и в каких дозах нужно все это принимать. В другой раз Галип наслаждался бы этим звуковым пиршеством любителей самолечения, смаковал бы дикие слова, как стихи, но перед глазами у него маячил образ больной Рюйи в постели – он и позже не сможет понять, насколько этот образ был правдоподобен. То, как выглядывала из-под одеяла нога Рюйи, как были раскиданы по простыне ее заколки, походило на правду, но вот, например, разметающиеся по подушке волосы или беспорядок на столике у изголовья (упаковки лекарств, стакан, графин, книги) наводили на мысль о сцене, подсмотренной в каком-нибудь фильме или вычитанной в одном из скверно переведенных романов, которые Рюйя покупала в лавке Аладдина и проглатывала почти мгновенно, словно фисташки. Коротко отвечая на последовавшие вопросы озабоченных родственников, он постарался, словно детектив из полицейского романа, на которого ему хотелось походить, если не сейчас, то хотя бы позже, отделить настоящие подробности от заимствованных.

Да, сейчас (они все вместе садились за стол) Рюйя, должно быть, спит; нет, она не хочет есть, и нет никакой необходимости тете Сузан бежать к ней готовить суп; вызывать того врача, у которого изо рта пахнет чесноком, а от чемоданчика – сыростью, она не захотела; нет, в этом месяце она тоже не ходила к зубному; да, это правда, Рюйя последнее время очень редко выходит на улицу, все сидит в четырех стенах, и сегодня тоже не выходила. А вы ее видели на улице? Значит, выходила, но Галипу не сказала, хотя нет, говорила; где же вы ее встретили? А, так она вышла в галантерейную лавку купить фиолетовых пуговиц и проходила мимо мечети? Ну да, конечно, говорила; вот на этом холоде, должно быть, и простудилась; да, кашель тоже есть; да, курит, целую пачку выкурила; да, лицо очень бледное; нет, Галип не знает, что сам он бледен как смерть, и, когда они с Рюйей перестанут вести такой нездоровый образ жизни, тоже не знает.

Пальто. Пуговицы. Чайник. Позже, когда семейный допрос окончится, Галип не станет мучить себя размышлениями о том, почему в голову ему пришли именно эти три слова. В одной статье, написанной с каким-то барочно-причудливым гневом, Джелаль утверждал, что темные зоны в глубине сознания – явление, свойственное не нам, а скорее героям помпезных романов и фильмов недоступного нашему пониманию Запада, которому мы так и не научились подражать. (В то время Джелаль как раз посмотрел фильм «Внезапно, прошлым летом», в котором Монтгомери Клифт упорно пытается добраться до темной зоны в сознании Элизабет Тейлор.) Еще раньше он опубликовал несколько статей, в которых все на свете, в том числе и нашу убогую жизнь, объяснял воздействием непостижимых и страшных темных зон. Впоследствии Галип поймет, что эти статьи были написаны под влиянием нескольких наспигованных бесстыдными подробностями книг по психологии, изданных в сокращенном переводе, – поймет, когда узнает, что Джелаль создал целый музей, посвященный своей жизни, и собрал для него библиотеку.

¹⁷ *Кадаиф* – кондитерское изделие, рулет из теста с ореховой начинкой, пропитанный сиропом.

Чтобы сменить тему, Галип хотел было сказать: «В сегодняшней статье Джеляля...», но осекся, испугавшись того, до чего привычно ему стало начинать таким образом беседу, и вместо этого произнес другую фразу, внезапно пришедшую ему на ум:

– Тетя Хале, я забыл зайти в лавку Аладдина!

Родственники посыпали толченым грецким орехом тыкву в сиропе, которую Эсма-ханым внесла бережно, словно оранжевого младенца в колыбели. Ступка, где толкли орехи, осталась на память от семейной кондитерской лавки; четверть века назад Галип и Рюйя выяснили, что, если по ее ободку стукнуть тонкой ручкой пестика, она зазвенит, как колокол: дзинь-дон! «Да перестаньте вы трезвонить, звонари этакие! В голове гудит!» Толченых орехов могло не хватить на всех, и тетя Хале изловчилась оказаться последней в очереди, когда фиолетовую пиалу с ними передавали по кругу («Да мне и не хочется!»), но потом все же заглянула в опустевшую посудину и вдруг заговорила о давнишних торговых конкурентах, которых считала виновными во всем, от нехватки орехов до безденежья семьи: она, мол, напишет на них заявление в полицию. Впрочем, на самом деле все они боялись полиции пуще привидения: после того как Джеляль написал, что темная зона в нашем сознании – это полицейский участок, его вызвали повесткой на допрос в прокуратуру. Зазвонил телефон, и отец Галипа с пресерьезным видом снял трубку. «Из полицейского участка звонят», – подумал Галип. Пока отец говорил по телефону, переводя ничего не выражающий взгляд со стены (обои в утешение себе поклеили такие же, как в доме Шехрикалып, с узором из листьев плюща и осыпающихся на землю зеленых бутонов) на сидящих за столом (дядя Мелих зашелся в приступе кашля, глухой Васыф, казалось, прислушивался к разговору, матери Галипа после долгих экспериментов с краской в конце концов удалось придать волосам такой же цвет, как у красавицы Сузан), Галип, как и все, слушал, что мог уловить, а когда отец замолкал, пытался догадаться, кто же на проводе.

– Нет, у нас сейчас нету. С кем имею честь?.. Спасибо. Я-то? Дядя. Увы, сегодня не с нами...

«Кто-то разыскивает Рюйю», – подумал Галип.

– Это Джеляля разыскивают, – сказал отец, с довольным видом повесив трубку. – Пожилая дама, его поклонница. Ей очень понравилась статья Джеляля, и она хотела с ним поговорить. Спрашивала адрес и телефон.

– Какая статья? – поинтересовался Галип.

– Странное дело, Хале, – не слушая его, продолжал отец. – Голос этой женщины был очень похож на твой, просто очень!

– Конечно, голос пожилой женщины может быть похож на мой, это вполне естественно, – ответила тетя Хале, и вдруг ее розовая шея вытянулась, как у гусыни. – Но этот голос совершенно точно не такой, как у меня!

– Почему же?

– Эта дама, как ты ее назвал, уже звонила сегодня утром, – сообщила тетя Хале. – И голос у нее не как у дамы, а как у старой карги, которая старается говорить как дама. И даже, может быть, как у мужчины, пытающегося изобразить женский голос.

– Интересно, как эта пожилая дама узнала наш номер, – проговорил отец. – Ты не спрашивала, Хале?

– Нет, – отрезала тетя, – не сочла нужным. С тех пор как Джеляль начал полоскать наше грязное белье в газете, словно сочиняет о родственниках роман с продолжением, я уже ничему не удивляюсь. Кто его знает, может быть, он в конце какой-нибудь очередной издевательской статейки напечатал наш телефонный номер, чтобы любопытные читатели могли получше развлечься? Если вспомнить, сколько огорчений он принес моим покойным родителям, то станет понятно: нет ничего удивительного в том, что он мог напечатать номер телефона на потеху читателям. Единственное, что меня удивляет, так это за что он нас столько лет ненавидит?

– Коммунист он, потому и ненавидит, – заявил дядя Мелих. Он справился с кашлем и с торжествующим видом закурил сигарету. – Когда до коммунистов дошло, что им не удастся облапошить ни всю нацию, ни даже рабочих, они решили перетянуть на свою сторону военных и устроить большевистский переворот в духе янычарского бунта. А колонки Джеляля, пропитанные кровью и ненавистью, стали орудием в их руках.

– Ну нет, – не согласилась тетя Хале. – Это уж ты хватил через край.

– Мне Рюйя рассказывала, я знаю, – возразил дядя Мелих и усмехнулся, но не закашлялся. – Джеляль поверил, что при новом большевистско-янычарском, на турецкий манер, режиме, который установится после военного переворота, он станет министром иностранных дел или послом во Франции, и начал дома штудировать самоучитель французского языка. Надо сказать, я сначала даже обрадовался: может быть, эта несбыточная мечта о перевороте сгодится хотя бы для того, чтобы мой сын выучил французский? В юности-то у него на это времени не было, все с разным отребьем якшался. Но когда он совсем обнаглел, я запретил Рюйе с ним видаться.

– Да не было такого никогда, Мелих! – вступила в разговор тетя Сузан. – Рюйя и Джеляль всегда дружили и встречались. Они любят друг друга, словно родные брат и сестра, а не единокровные.

– Ну да, ну да, – проворчал дядя Мелих. – Но это только потому, что я опоздал. Не сумев увлечь своими идейками турецкую армию и нацию, он принялся за сестру. Рюйя стала анархисткой. И если бы Галип, сын мой, ты не увел ее от этих негодяев, не вытащил бы из этой крысиной норы, Рюйя сейчас была бы не дома в постели, а невесть где!

Галип рассматривал свои ногти, думая о том, что сейчас все снова представили себе несчастную больную Рюйю в постели. Интересно, не добавит ли дядя Мелих что-нибудь новенькое в свою речь, которую регулярно произносит раз в два-три месяца?

– Может быть, Рюйя угодила бы в тюрьму, потому что она не так осторожна, как Джеляль, – объявил дядя Мелих. Послышались возгласы: «Помилуй, Аллах!», но дядя Мелих уже не мог остановиться. – А может быть, бедняжка оказалась бы вместе с Джелялем среди подонков общества, среди всех этих гангстеров Бейоглу, производителей героина, завсегдатаев притонов, русских эмигрантов-кокаинистов и прочего сброда, среди которого трется Джеляль под тем предлогом, будто пишет репортажи о жизни городского дна. Извращенцы-англичане, добравшиеся в погоне за грязными удовольствиями до самого Стамбула, гомосексуалисты, интересующиеся борцами, американки, занимающиеся по баням свальным грехом, всякого рода мошенники, кинозвезды наши, которых в какой-нибудь европейской стране и в проститутки бы не взяли, не то что в актрисы, офицеры, вышвырнутые из армии за растраты и нарушение дисциплины, мужиковатые певицы с охрипшим от сифилиса голосом, красотки с окраин, выдающие себя за дам из высшего общества, – вот среди кого пришлось бы нам сейчас искать нашу девочку! Скажи ей, чтобы принимала истеропирамицин.

– Что, простите? – растерялся Галип.

– Это самый лучший антибиотик от гриппа. Он и еще бекозим-форте. Принимать один раз в шесть часов. Сколько сейчас времени? Она еще не проснулась?

Тетя Сузан сказала, что Рюйя сейчас наверняка спит. Галип, как и все остальные, снова представил себе лежащую в постели Рюйю.

– Ну уж нет! – заявила Эсма-ханым. Она аккуратно складывала многострадальную скатерть, чьи края по унаследованной от Дедушки дурной привычке, которую Бабушка так и не смогла искоренить, использовали вместо салфетки, чтобы вытереть рот после еды. – Нет, я не позволю плохо говорить о Джеляле в этом доме. Мой Джеляль стал большим человеком!

Дядя Мелих полагал, что его пятидесятипятилетний сын вполне разделяет эту точку зрения и именно потому не звонит своему семидесятипятилетнему отцу, никому не сообщает, в какой из своих стамбульских квартир находится, скрывает свои телефонные номера, дабы

никто – не только отец, но вообще никто из родственников, даже тетя Хале, всегда готовая найти ему оправдание, – не мог ему позвонить, да еще и выдергивает телефонные вилки из розеток. Галип испугался, как бы на глазах дяди Мелиха не выступили – пусть и по привычке, а не от горя – фальшивые слезы. Но случилось другое, чего Галип тоже боялся: дядя Мелих, опять-таки по давней привычке, стал говорить, что всегда хотел, чтобы сын у него был не такой, как Джелаль, а такой, как Галип, – рассудительный, зрелый, спокойный... Он словно забыл о двадцатидвухлетней разнице в возрасте между ними.

Впервые Галип услышал эти слова двадцать два года назад (Джелалю, значит, было тогда столько же, сколько ему сейчас), в ту пору, когда он начал стремительно расти и стеснялся и своего роста, и длинных рук и ног, время от времени совершавших разные неуклюжие движения. Попытавшись представить, что было бы, если бы он в самом деле был сыном дяди Мелиха, Галип первым делом подумал, что это избавило бы его от унылых, пресных ужинов с родителями, когда каждый сидит, вперившись взглядом в какую-то неведомую точку за пределами стен, прямоугольной рамкой обрамляющих стол. (Мама: «От обеда остались овощи в оливковом масле, будешь?» Галип: «Мм... Не хочу». Мама: «А ты?» Отец: «Что я?») Каждый вечер он ужинал бы с тетей Сузан, дядей Мелихом и Рюйей. Потом в голову полезли другие мысли, от которых кружилась голова: красавица тетя Сузан, которую он, пусть изредка, видел в голубой ночной рубашке, когда поднимался на верхний этаж поиграть с Рюйей (в подземный ход, в прятки), становится его мамой (отлично!), дядя Мелих, рассказы которого об адвокатской практике и об Африке он обожал, – папой (замечательно!), а Рюйя, поскольку они ровесники, – его сестрой-близнецом. Тут он в нерешительности останавливался, ибо дальнейшие мысли в этом направлении его пугали.

Когда со стола убрали, Галип рассказал, что Джелаль искали тележурналисты Би-би-си, но не нашли; однако он ошибся, думая, будто родня снова начнет судачить о том, что Джелаль от всех скрывает свои адреса и телефонные номера и что у него, по слухам, квартиры по всему Стамбулу, но сколько их – неизвестно; предлагать способы отыскать Джелаль тоже никто не стал. Кто-то сказал, что идет снег, и прежде чем рассесться, как всегда, по креслам, все подошли к окну и, раздвинув шторы, из-за которых пахнуло холодом, некоторое время смотрели на темную улицу, припорошенную снегом. Тихий, чистый снег. (И точь-в-точь та сцена, которую однажды описал Джелаль – желая, конечно, не столько поделиться с читателями милыми воспоминаниями о «былых вечерах Рамазана», сколько поиздеваться.) Васыф пошел в свою комнату, и Галип последовал за ним.

Васыф сел на край широкой кровати, Галип – напротив него. Васыф взъерошил рукой свои седые волосы и прикоснулся к плечу: Рюйя? Галип постучал кулаком по груди и сделал вид, будто задыхается от кашля: болеет, простудилась! Потом сложил руки и склонил на них голову, как на подушку: лежит, спит. Васыф вытащил из-под кровати большую картонную коробку, в которой лежали специально отобранные им вырезки из газет и журналов, наверное самое лучшее из того, что он накопил за пятьдесят лет. Галип пересел поближе. Казалось, будто с другой стороны от Васыфа сидит Рюйя и они вместе рассматривают фотографии, которые Васыф наугад достает из кипы вырезок, и вместе смеются. Вот улыбающееся лицо знаменитого футболиста, перемазанное пеной для бритья, которую он рекламирует (снимок был сделан двадцать лет назад, впоследствии футболист умер от кровоизлияния в мозг, отбив головой мяч с углового). Тело убитого во время военного переворота иракского лидера Абдель Керима Касема в окровавленном мундире. Фотография с места знаменитого убийства на площади Шишли («Ревнивый полковник в отставке, узнав о том, что двадцать лет назад жена ему изменила, несколько дней отслеживал распутного журналиста и в конце концов изрешетил пулями его и сидевшую рядом с ним в автомобиле молодую жену», – сказала бы Рюйя

голосом актрисы из радиотеатра). Премьер-министр Мендерес¹⁸ ведет верблюда, предназначенного для жертвоприношения, а на заднем плане корреспондент Джелаль смотрит куда-то в сторону, туда же, куда и верблюд. Галип уже собирался встать, чтобы пойти домой, когда на глаза ему попались две вырезки со старыми статьями Джеляля – «Лавка Аладдина» и «Палач и плачущее лицо». Вот и будет что почитать ночью, которая обещала выдаться бессонной! Ему не понадобилось много усилий, чтобы жестами выпросить у Васыфа на время эти вырезки. Отказ выпить кофе, который принесла Эсма-ханым, встретили с пониманием; стало быть, на лице у него явственно читалось: «Моя жена лежит дома больная». Даже дядя Мелих сказал: «Конечно, пусть идет!» Галип открыл дверь и встал на пороге. Тетя Хале наклонилась к коту Угольку, вернувшемуся с улицы. Из комнаты еще раз послышалось: «Передавай привет Рюйе, пусть скорее выздоравливает!»

По пути домой Галип снова увидел портного в очках – тот уже запер лавку и опускал жалюзи, закрывая витрину. Они поздоровались под фонарем, с которого свисали тоненькие сосульки, и дальше пошли вместе.

– Припозднился я что-то, – произнес портной, не выдержав, наверное, необычайной снежной тишины, – жена дома заждалась.

– Холодно, – отозвался Галип.

Они вместе шли, слушая, как поскрипывает снег под ногами, пока не показался дом Галипа на углу. В окне спальни на верхнем этаже горел слабый свет – лампа у изголовья кровати. Сквозь темноту падал снег.

В квартире все было так, как оставил Галип: в гостиной свет выключен, в коридоре горит. Войдя, он сразу поставил чайник на огонь, потом повесил пальто и пиджак, зашел в спальню и в тусклом свете лампы сменил мокрые носки. Затем, присев за кухонный стол, еще раз перечитал письмо, которое оставила, покидая его, Рюйя. Письмо, написанное зеленой шариковой ручкой, оказалось даже короче, чем ему запомнилось: девятнадцать слов.

¹⁸ Аднан Мендерес (1899–1961) – премьер-министр Турции в 1950–1960-х годах. Был отстранен от власти в результате военного переворота и впоследствии казнен.

Глава 4

Лавка Аладдина

Если и есть у меня недостаток, то это склонность к отступлениям от темы.

Бирон-паша¹⁹

Говорят, мои статьи «колоритны». Я заглядывал в словари, но так и не понял до конца значение этого слова. Впрочем, мне нравится, как оно звучит. Мне всегда хотелось писать о чем-то необычном: о скачущих на конях мушкетерах; о том, как туманным утром триста лет назад готовятся вступить в бой две армии, стоящие друг против друга в укрытой предрассветным мраком долине; о несчастных, сидящих зимними ночами в мейхане²⁰ и рассказывающих друг другу истории про любовь; об удивительных приключениях влюбленных, которые устремились на улицы ночного города в погоню за тайной и навеки исчезли, но Всевышний даровал мне только эту колонку, в которой нужно освещать совсем другие темы, и вас, мои читатели. Я по мере сил стараюсь соответствовать вашим ожиданиям, а вы – моим.

Если бы сад моей памяти не начал увядать, меня, наверное, эта ситуация вовсе бы и не печалила, но каждый раз, когда я берусь за перо, передо мной возникают ваши лица, на которых написано ожидание, и я пытаюсь идти по следам своих воспоминаний, покидающих меня одно за другим, уходящих из сохнувшего сада. Наткаться вместо воспоминаний на их следы все равно что смотреть сквозь слезы на кресло, где еще недавно сидела ваша любимая, которая ушла и больше никогда не вернется.

Потому-то я и решил встретиться с Аладдином. Услышав, что я собираюсь рассказать о нем в газете, но сначала хочу с ним поговорить, он широко раскрыл свои черные глаза и спросил: «Это что же, будет против меня?»

Я заверил его, что нет, ничего подобного. Объяснил, какое важное место занимает в нашей жизни его маленькая лавка в Нишанташи, какой яркий след оставили в нашей памяти тысячи, десятки тысяч товаров, которыми он торговал, – нам не забыть их цвета и ароматы. Рассказал, с каким нетерпением ждали больные дети возвращения мамы, отправившейся в лавку Аладдина за подарком: игрушкой (оловянными солдатиками), книжкой («Рыжий мальчик») или комиксом (семнадцатым выпуском «Воскресения Киновы»). Как тысячи мальчишек из окрестных школ, изнывая в ожидании последнего звонка, представляли себе, что звонок уже прозвенел и они бегут к Аладдину купить вафель, в упаковках которых можно найти портреты футболистов (Метина из «Галатасарая»), борцов (Хамита Каплана) или киноартистов (Джерри Льюиса). Как пожилые женщины, которые девчонками забегали в лавку по пути в вечернюю художественную школу, торопясь купить бутылочку ацетона и снять поблекший лак с ногтей, через многие годы скучного замужества, сидя на своей скучной кухне в окружении детей и внуков, грустно вспоминают первую юную любовь, и лавка Аладдина представляется им далекой волшебной сказкой.

Мы пришли ко мне домой, сели за стол. Я рассказал Аладдину историю зеленой шариковой ручки, которую много лет назад купил в его лавке, и плохо переведенного детектива, подаренного одному очень мне симпатичному человеку, который в конце истории был навечно обречен читать подобные полицейские романы. Рассказал, что перед первой исторической встречей патриотически настроенных офицеров и журналистов, готовивших государственный переворот, который должен был изменить судьбы нашей родины и всего Востока, двое ее участ-

¹⁹ Бирон-паша – вымышленное автором лицо. На самом деле цитата принадлежит лорду Байрону.

²⁰ Мейхане – питейное заведение.

ников разговаривали в его лавке, в то время как сам Аладдин, ни о чем не подозревая, сидел за прилавком, заставленным уходящими к потолку башнями из книг и коробок, и, поплеывая на пальцы, пересчитывал не распроданные за день (дело было вечером) газеты и журналы. Я рассказал об одиноких мужчинах, которые в задумчивости проходят мимо лавки, поглядывая на голых красоток, турецких и иностранных, с обложек журналов, выставленных в витрине и привязанных к стволу огромного каштана рядом с дверью, – ночью эти красотки придут к ним во сне и будут развлекаться с ними, словно ненасытные пленницы или жены падишаха из сказок «Тысячи и одной ночи». Раз уж речь зашла о «Тысяче и одной ночи», я упомянул, что история тезки Аладдина на самом деле не была рассказана ни в одну из этих ночей, – двести пятьдесят лет назад, когда готовилась первая публикация книги на Западе, ее ловко поместил среди других сказок Антуан Галлан²¹. Сам же он узнал эту историю не от Шахерезады, а от христианина, которого называл Ханной. В реальности же этот Ханна был ученым из Алеппо по имени Йохана Дийаб, а сказка на самом деле имеет турецкое происхождение, и действие ее, скорее всего, происходит в Стамбуле – это можно определить по некоторым подробностям, касающимся употребления кофе. Впрочем, на самом деле нам уже никогда не разобраться, где оно, это «самое дело», – ни в сказке, ни в жизни. Ибо на самом деле, сказал я Аладдину, я все, все, все забыл, ничего не помню. Ибо на самом деле я старый, несчастный, сварливый, одинокий человек и хочу умереть. Ибо на самом деле с площади Нишанташи доносится гул вечернего уличного движения, а по радио где-то играет такая печальная музыка, что слезы подступают к горлу. Ибо на самом деле я, человек, всю жизнь рассказывавший истории, хочу, пока еще жив, услышать от Аладдина все истории, которые забыл: о флакончиках с одеколоном, о марках, о картинках на спичечных коробках, о нейлоновых чулках, об открытках, о фотографиях кинозвезд, о сексологических ежегодниках, о шпильках, о руководствах по правильному совершению намаза и вообще обо всем, что продается в его лавке.

Как всякий реальный человек, попавший в вымышленную историю, Аладдин с трудом укладывался в заданные рамки, а его нехитрая логика нарушала правила мира воображения. Он был рад, что пресса проявляет к нему интерес. Вот уже тридцать лет он работает по четырнадцать часов каждый день в лавке на углу, крутится как белка в колесе. По воскресеньям после обеда, когда все слушают радиорепортажи с футбольных матчей, то есть с половины третьего до половины пятого, он уходит домой поспать. На самом деле его зовут иначе, но покупатели этого не знают. Читает он только одну газету – «Хюррийет». Никаких политических встреч в его лавке быть не может, поскольку прямо напротив находится полицейский участок Тешвикийе, да и сам он политикой не интересуется. Неправда, будто он пересчитывает журналы, поплеывая на пальцы, равно как и то, что его лавка представляет собой какое-то легендарное или сказочное место. Это заблуждение, из тех, с которыми ему, увы, приходится сталкиваться. Например, время от времени в его лавку врывается какой-нибудь бедно одетый старик, который принял игрушечные пластмассовые часы в витрине за настоящие и поразился их дешевизне. Бывало, люди, сделав ставку на лошадиных бегах или выбрав собственноручно лотерейный билет и в который раз ничего не выиграв, устраивали скандал, полагая, будто лотереи проводит Аладдин. Если у женщины поехал чулок, или у ребенка, съевшего турецкую шоколадку, начала шелушиться кожа, или кому-то не понравилось политическое направление купленной в лавке газеты, всегда винили его, Аладдина, скромного посредника. Разве его вина, если в пакетике оказался не кофе, а кофейного цвета крем для обуви? Или если радиоприемник испортился после первой же песни сладкоголосой Эмель Сайин, поскольку батарейка отечественного производства потекла и залила его угольно-черной жидкостью? Если стрелка компаса, куда ни пойдешь, указывает не на север, как положено, а на полицейский участок Тешвикийе, разве он несет за это ответственность? Он понятия не имел, что в пачке сигарет

²¹ Антуан Галлан (1646–1715) – французский востоковед, первый европейский переводчик «Тысячи и одной ночи».

«Бафра» окажется письмо мечтательной работницы с табачной фабрики о любви и замужестве, однако вскрывший эту пачку юный маляр прибежал в лавку, вне себя от счастья, поцеловал Аладдину руку, пригласил его быть свидетелем на свадьбе, после чего попросил сказать ему имя девушки и дать ее адрес.

Когда-то он держал лавку в «самом лучшем», как говорят, районе Стамбула, но тамошние покупатели постоянно его удивляли. Поражали его, например, господа в галстуках, не имевшие понятия о том, что такое очередь, – или имевшие, но никак не желавшие в ней стоять. Иногда он не выдерживал и кричал на них. Стоило из-за угла появиться автобусу, как тут же в лавку влетали люди, иногда человек пять, которые расталкивали всех с диким воплем: «Билет, билет, ради бога, быстрее билет!», и глаза у них при этом горели, как у монголов Чингисхана, грабящих взятый город; так что в конце концов Аладдин перестал торговать автобусными билетами. Он видел, как ссорятся, выбирая лотерейный билетик, супруги, прожившие в браке сорок лет; как накрашенная женщина, желающая приобрести кусок мыла, нюхает один за другим тридцать кусков; как офицер в отставке, прежде чем купить свисток, требует, чтобы ему дали опробовать все свистки в коробке, но к такому он уже привык, не обращает внимания. Его не задевало, если на него ругалась домохозяйка, не обнаружившая в лавке фоторомана²², последний выпуск которого вышел одиннадцать лет назад; не сердился он ни на толстого господина, который, покупая почтовые марки, лизал их, чтобы попробовать на вкус клей, ни на разгневанную жену мясника, принесшую назад купленную накануне искусственную гвоздику из крепона²³, поскольку та, мол, не пахнет.

Больших трудов стоила ему эта лавка. Многие годы он собственноручно переплетал старые выпуски комиксов «Техас» и «Томмикс», по утрам, когда весь город спит, открывал лавку, прибирался в ней, развешивал газеты и журналы на двери и на стволе каштана, выставлял на витрину последние новинки. Обходил весь Стамбул, улицу за улицей, лавку за лавкой, в поисках любых, самых странных товаров, какие только ни спрашивали у него покупатели (игрушечная балерина, начинающая кружиться, если к ней поднести зеркало с магнитиком; точилка для карандашей в виде голландской мельницы; трехцветные шнурки; гипсовые статуэтки Ататюрка²⁴ с голубыми лампочками в глазах; таблички с надписями «Сдается» и «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного»; жевательная резинка с сосновым ароматом, в упаковках которой лежали картинки с изображением птиц, пронумерованные от одного до ста; розовые игральные кости, какие можно было достать только на Капальчарши²⁵; переводные картинки с Тарзаном и Барбароссой²⁶; куртки с капюшоном, украшенные символикой футбольных клубов, – он и сам десять лет носил такую, голубого цвета; металлические рожки для обуви, противоположным концом которых можно открывать бутылки с газировкой). Даже на самые чудные, невообразимые просьбы («А нет ли у вас синих чернил с ароматом розовой воды?», «Не продаются ли здесь такие, знаете ли, колечки, играющие разные мелодии?») он никогда не отвечал отказом. «Если люди спрашивают, – думал он, – значит, где-то это есть» – и говорил: «Приходите завтра, будет!» Потом он делал заметку в тетради, чтобы не забыть, а на следующее утро отправлялся в путь по городу, словно странник в поисках чуда, заходил в лавки, спрашивал и в конце концов находил, что искал. Бывали времена, когда фотороманы, расхо-

²² *Фотороман* – популярный в середине XX века в Турции вид массовой литературы. Фотороманы печатались в формате журнала и содержали повествование, обильно иллюстрированное кадрами из фильмов или специально снятыми фотографиями.

²³ *Крепон* – плотная шерстяная или полушерстяная ткань с зернистой поверхностью.

²⁴ Мустафа Кемаль *Ататюрк* (1881–1938) – турецкий государственный деятель, основатель и первый президент (1923–1938) Турецкой Республики.

²⁵ *Капальчарши* – крытый рынок в исторической части Стамбула, представляющий собой, по сути, целый городской квартал с сетью улиц.

²⁶ Имеется в виду Хайреддин *Барбаросса* (1475–1546), флотоводец Османской империи.

дившиеся в невероятных количествах, комиксы про ковбоев и фотографии турецких киноартистов с ничего не выражающими лицами приносили ему немалые деньги; случались и тяжелые, холодные, беспокойные дни, когда кофе и сигареты удавалось достать только на черном рынке, отстояв очередь. Глядя на мир из своей лавки, он никогда не считал людей, бесконечной рекой текущих мимо, безликими и одинаковыми.

Но иногда все эти люди, такие, казалось бы, разные, всей толпой бросались покупать музыкальные табакерки или сметали с прилавка завезенные из Японии авторучки размером с мизинец, а через месяц, позабыв о былом увлечении, народ начинал с такой скоростью скупать зажигалки в форме пистолета, что Аладдин едва успевал пополнять их запас. Потом наступал черед моды на прозрачные пластмассовые мундштуки, и полгода все курильщики, словно помешанные ученые, ставящие увлекательный эксперимент, наблюдали, как оседает внутри этих мундштуков отвратительная никотиновая смола. Затем, позабыв про мундштуки, все: левые и правые, набожные и атеисты – набрасывались на четки разных цветов и размеров и повсюду их перебирали. Стоило стихнуть этой буре, как Аладдин, еще не успев вернуть нераспроданные четки производителям, сталкивался со следующей: наступала мода на толкования снов, и у дверей лавки выстраивалась очередь из желающих приобрести карманный сонник. Выходил на экраны новый американский фильм – и все молодые люди покупали темные очки; появлялась статья в газете – и всем женщинам срочно требовался крем для губ, а мужчины нацепляли на голову тюрбаны, что твои имамы. Но в большинстве случаев спрос возникал и распространялся, как эпидемия, по совершенно непонятным причинам. Почему тысячи, десятки тысяч людей, как по команде, начали прицеплять к радиоприемникам, батареям, задним стеклам машин маленькие деревянные парусники, ставить их на письменные столы и прилавки? Мужчины, женщины и дети, старики и молодые, подчиняясь необъяснимому желанию, вдруг принимались украшать стены и двери одной и той же картинкой с изображением грустного ребенка европейской внешности, из глаза которого стекала огромная слеза, – как это следовало понимать? Весь этот народ, все эти люди какие-то... какие-то... Аладдин не мог подобрать слово, и вместо него сказал я (ведь подбирать слова не его, а моя работа): какие-то странные. Непонятные. Есть в них даже что-то пугающее. Мы немного помолчали.

Потом Аладдин рассказывал о маленьких целлулоидных гусях с качающейся головой, которые пользуются спросом уже много лет, о шоколадных конфетах в форме бутылочек, в которых кроме вишневого ликера была еще и вишенка (теперь их уже не производят), говорил, где в Стамбуле можно найти самые прочные и дешевые рейки для воздушных змеев, а я думал о том, что между ним и его покупателями существует некая связь, для объяснения которой он тоже не смог бы подобрать слов. Он любил и маленькую девочку, которая приходила с бабушкой купить обруч с колокольчиками, и прыщавого подростка, который, схватив французский журнал, прятался в углу лавки и пытался по-быстрому слиться в страсти с голой женщиной, обнаруженной на одной из страниц, и очкастую служащую банка, которая приобретала роман о невероятной жизни голливудских кинозвезд, дома за одну ночь проглатывала его, а утром приносила назад: «Оказывается, у меня такой уже есть!», и старика, который настоятельно просил завернуть картину с девушкой, читающей Коран, в газету без фотографий. И все же его любовь была осторожной: он еще, может быть, понял бы мать и дочь, которые, расстелив прямо посреди лавки выкройки из модного журнала, словно карту, тут же начинали резать ткань, или мальчишек, которые, не успев даже выйти за дверь с только что купленными игрушечными танками, ссорились, дрались и ломали игрушки; но когда покупатель спрашивал фонарик в виде шариковой ручки или брелок в форме черепа, он не мог избавиться от ощущения, что ему подаются какие-то знаки из совершенно неведомого, непонятного мира. О какой тайне свидетельствовал визит человека, который снежным зимним днем требовал «для выполнения школьного задания» не зимние, а именно летние пейзажи? Однажды поздним вечером, когда Аладдин уже собрался закрывать лавку, явились два сумрачных типа. Они разглядывали кукол

разных размеров, одетых в красивые платья и умеющих двигать руками, осторожно, нежно и привычно поднимали их, словно доктора настоящих младенцев, и смотрели, будто замороженные, как розовые создания открывают и закрывают глаза. Потом они попросили завернуть им бутылку раки, а также одну из кукол и скрылись в темноте, и Аладдину потом было жутковато выходить вслед за ними. Как часто случалось с ним после подобных событий, он стал видеть своих кукол во сне: вот они лежат в коробках и целлофановых пакетах, а когда он вечером закрывает лавку, начинают медленно открывать и закрывать глаза, и у них растут волосы. Наверное, Аладдин хотел спросить меня, что это может означать, но лишь печально и безнадежно замолчал, как свойственно нашим соотечественникам, когда они вдруг понимают, что слишком много наговорили и чересчур озаботили мир своими проблемами. Мы молчали, зная, что на сей раз тишина долго не будет нарушена.

Ушел Аладдин еще не скоро. Прощаясь, он с покаянным видом, словно прося извинения, сказал, что я теперь лучше его узнал и могу рассказать о нем так, как захочу. Может быть, дорогие читатели, однажды мне удастся написать неплохую статью о тех куклах и о наших снах.

Глава 5

Это чепуха

Обычно уезжают, потому что для этого есть повод, и о поводе вас извещают. Вам предоставляют право возразить. Ведь не уезжают же вот так. Нет, это чепуха.

Марсель Пруст²⁷

Прощальное письмо из девятнадцати слов Рюйя написала зеленой шариковой ручкой, которая всегда лежала у телефона (Галип за этим следил). Не обнаружив ручки на месте и не найдя ее во время дальнейших розысков, Галип решил, что Рюйя написала письмо в последний момент перед тем, как выйти из дому, а потом, наверное, на всякий случай бросила ручку в сумочку – вдруг пригодится? Во всяком случае, толстая авторучка, за которую Рюйя бралась, когда раз в сто лет собиралась с превеликим старанием написать кому-нибудь письмо (письма она обычно не заканчивала, а если и заканчивала, то не запечатывала, ну а если уж запечатывала, то никогда не доносила до почтового ящика), лежала, где обычно, в спальне, в выдвижном ящике тумбочки. У Галипа ушло немало времени (с перерывами), чтобы выяснить, из какой тетради вырван лист, на котором написано письмо. Поздно ночью он выдвинул ящики старого шкафа, в котором Рюйя по совету Джелиля устроила небольшой музей своего прошлого, и стал сравнивать с письмом бумагу лежавших там тетрадей. Тетрадь по арифметике для начальной школы с подсчетом стоимости дюжины яиц по шесть курушей за штуку; тетрадь с молитвами, которую заставляли вести на уроках религиозного воспитания (на последних страницах от скуки было нарисовано несколько свастики и карикатура на кособокого учителя); тетрадь по литературе, где на полях красовались наброски моделей юбок, были написаны имена иностранных кинозвезд, а также симпатичных турецких спортсменов и поп-исполнителей. И лишь после долгих безуспешных поисков, когда он в последний раз обшарил коробки и выдвижные ящики, заглянул под кровать и в карманы платьев Рюйи, запах которых словно бы пытался убедить Галипа – ничего не изменилось, вскоре после того, как прозвучал утренний призыв к молитве, он нашел искомое. Его глаза в который раз остановились на старом шкафу, он наугад протянул руку и вытащил тетрадь, из которой был вырван лист. Эту тетрадь он уже просматривал, и рисунки и надписи в ней («27 мая наша армия совершила переворот, потому что власти уничтожали леса», «Гидра в разрезе похожа на синюю вазу, которая стоит у Бабушки на буфете») не привлекли его внимания, но лист был вырван именно из нее, из середины, жестоко и нервно. Подробность, ничего не объясняющая, а лишь вызывающая – вместе со многими другими маленькими находками и открытиями, сделанными за время ночных поисков, – поток ассоциаций и воспоминаний, цепляющих друг друга, как костяшки домино...

Вот, например, такое воспоминание: много лет назад, в средней школе, когда они с Рюйей учились в одном классе и сидели за одной партой, у них был учитель истории, обладатель уродливой физиономии, выходки которого они сносили с терпением, сдобренным весельем. Когда он вдруг говорил: «Достаньте бумагу и ручки!», в классе, застигнутом врасплох и объятom страхом перед контрольной, повисала тишина, и в этой тишине становилось слышно, как ученики поспешно вырывают листы из тетрадей. Историка этот звук доводил до белого каления. «Не рвите тетради! – орал он визгливым голосом. – Я требую, чтобы у вас были отдельные листочки в папках! Тот, кто рвет тетради, портит народное добро! Вы не турки, вы безродные негодяи! Двойки поставлю!» И ведь ставил.

²⁷ Перевод Н. М. Любимова.

А вот маленькая находка: невесть который раз перерывая глубины платяного шкафа (ночную тишину время от времени бессовестно нарушал лишь гул холодильника, причем предсказать, когда заработает его мотор, было решительно невозможно), в коробке с темно-зелеными туфлями на каблуках, которые Рюйя не взяла с собой, когда уходила, Галип увидел переводной полицейский роман. В доме были сотни таких книжек, и он едва ли обратил бы внимание на эту, однако руки, привыкшие за ночь копать в шкафах и ящиках, сами собой перелистали черную книгу с коварной глазастой совой на обложке, и среди страниц обнаружилась вырезка из журнала – фотография голого красавца. Глядя на мирно свисающий детородный орган и непроизвольно сравнивая его со своим, Галип подумал: «Это из иностранного журнала, купленного у Аладдина!»

Ассоциация: Рюйя знала, что он не выносит детективы и не притронется к этой книге. Галип не понимал, как можно проводить время («Я просто провожу время!» – говорила Рюйя, держа в руках полицейский роман и грызя фисташки, купленные в лавке Аладдина) в этом искусственном мире, где действуют самые английские англичане и самые толстые толстяки, а всему остальному: вещам и людям, преступникам и жертвам – отведена одномерная, лишаящая собственного лица роль улик, истинных или ложных. Однажды Галип сказал Рюйе, что смог бы читать только такой детектив, автор которого сам не знает, кто убийца. В таком романе вещи и люди, по крайней мере, не были бы вынуждены по воле всезнающего автора служить знаками, наводящими на след или сбивающими со следа, и в них отражалась бы реальная жизнь, а не фантазии писателя. Рюйя, куда более искушенная в детективных романах, чем Галип, спросила: как же в таком случае ограничивать изобилие подробностей? Ведь подробности в детективах всегда служат какой-то цели.

Кстати о подробностях: перед тем как уйти, Рюйя, не скупясь, посыпала уборную, кухню и коридор средством от насекомых из пачки с изображением четырех страшноватых тараканов, одного большого и трех маленьких. (Запах еще не выветрился.) Включила электрическую колонку, чтобы грела воду (видимо, машинально, поскольку по четвергам горячую воду и так подавали в дом). Почитала «Миллийет», слегка помяв газету; карандашом, который затем возьмет с собой, вписала в кроссворд несколько слов: «гробница», «проем», «луна», «Таксим», «тайна», «слушай». Позавтракала (чай, брынза, хлеб), посуду мыть не стала. Выкурила в спальне две сигареты, в гостиной – четыре. С собой взяла только кое-что из зимней одежды (и надела пальто под цвет волос), немного косметики (хотя и говорила, что косметика портит кожу), тапочки, романы, которые читала в последнее время, брелок без ключей, который считала своим талисманом и вешала на ручку выдвижного ящика, жемчужное ожерелье (единственное свое украшение) и щетку для волос с зеркальцем на обратной стороне. Все это, очевидно, она положила в старый среднего размера чемодан, когда-то привезенный дядей Мелихом из Северной Африки (Рюйя забрала его у отца на тот случай, если они поедут в какое-нибудь путешествие, но они так никуда и не выбрались). Дверцы шкафов по большей части закрыла (пинком), ящики задвинула, разбросанные там и сям вещи разложила по местам и написала прощальное письмо, быстро, не испытывая никаких сомнений: ни в мусорной корзине, ни в пепельнице не обнаружилось порванных черновиков.

Может быть, это письмо и не следовало называть «прощальным». Рюйя не написала, что вернется, – но не написала и обратного. Создавалось впечатление, будто она расстается не с Галипом, а с домом. Галипу же она в четырех словах предложила стать соучастником (он тут же согласился): «Придумай объяснение для родителей!» Роль соучастника радовала: она их хоть как-то объединяла, и к тому же Рюйя не винила в своем уходе Галипа. В награду за соучастие Рюйя обещала: «Пришлю тебе восточку». Но за всю ночь так и не прислала.

Всю ночь трубы водопровода и центрального отопления стонали, урчали и вздыхали на все лады. Время от времени начинал идти снег. Под окном прошел торговец бузой²⁸, назад не вернулся. Галип сидел, переглядываясь с зеленой подписью Рюйи. Шли часы. Вещи и тени в доме обрели новые лица, сам дом стал другим. «Оказывается, наша люстра, уже три года висящая на потолке, похожа на паука!» – чуть не произнес Галип вслух. Ему хотелось уснуть и, может быть, увидеть хороший сон, но заснуть он так и не смог.

Всю ночь через равные промежутки времени он снова и снова принимался за поиски, подвергнув сомнению результаты предыдущих изысканий. (В коробку в глубине платяного шкафа заглядывал? Да. Наверняка заглядывал. А может быть, и нет. Точно, не заглядывал! А теперь надо все заново обыскать.) В разгар этих безнадежных поисков он вдруг застывал с пряжкой от старого пояса Рюйи (сколько воспоминаний было с ним связано!) или футляром от давно потерявшихся темных очков в руках, настигнутый внезапным осознанием бессмысленности того, что делает (до чего неправдоподобно проницательны были сыщики из тех романов, до чего добры писатели, нашептывающие намеки на ухо своим героям!). Тогда он аккуратно клал вещь, которую держал, точно на то место, откуда взял, словно добросовестный ученый, исследующий запасники какого-нибудь музея, и ноги сами собой, словно сомнамбулу, вели его на кухню; он открывал холодильник, но ничего не доставал оттуда, только перекладывал с полки на полку, а потом возвращался в гостиную и садился в любимое кресло, чтобы вскоре снова повторить свои поиски, словно некий ритуал.

А когда он сидел в кресле, из которого три года своей женатой жизни наблюдал, как Рюйя читает детективные романы, увлеченно перелистывая страницы (порой она начинала нетерпеливо и нервно покачивать ногой или теревить волосы, а иногда глубоко вздыхала), перед его внутренним взором все время возникало одно и то же видение. Нет, он не вспоминал те моменты своей жизни, когда его охватывало ощущение собственной никчемности, униженности и одиночества (у меня несимметричное лицо и глупый голос, я неуклюж и слишком зауряден!). Так было, например, когда в лицейские годы он видел Рюйю с каким-нибудь прыщавым юнцом, из тех, у кого пушок на верхней губе начал пробиваться раньше, чем у него, и кто раньше его начал курить, в кафе или кондитерской, где по столам задумчиво разгуливали наглые тараканы. Или через три года, когда в субботу после обеда он поднялся на их этаж (спросить, нет ли голубых наклеек) и заметил, как Рюйя, сидя перед зеркалом за шатким туалетным столиком своей матери, красит губы, нетерпеливо качает ногой и поглядывает на часы. Или еще через три года, когда он узнал, что Рюйя (ее саму он тогда не видел, но говорили, что она выглядит бледной и усталой) вышла замуж за молодого политика, которого его товарищи считали мужественным и беззаветно преданным своему делу борцом и который уже в то время публиковал в журнале «Эмегин шафагы»²⁹ за собственной подписью «аналитические» обзоры о внутренней политике. Нет, ничего такого Галип не вспоминал. Всю ночь перед его глазами стояла только одна картина: идет снег, и на заснеженный тротуар падает свет из лавки Аладдина. Что-то он упустил, что-то важное в жизни, какую-то возможность или радость.

Через полтора года после того, как семья Рюйи переехала на самый верхний этаж (Галип и Рюйя учились тогда в третьем классе), они, объединив игры в тайный ход и в невидимку, придумали правила новой игры – исчезалки. Была зима, вечер пятницы, темнело, с площади Нишанташи доносился шум машин и грохот трамваев. Суть игры заключалась вот в чем: кто-нибудь из них должен был спрятаться где-нибудь в одной из квартир родственников и «исчезнуть», а другой – искать его, пока не отыщет. Довольно простая на первый взгляд игра не предусматривала никаких временных ограничений, при этом в темных комнатах запрещалось включать свет, так что от участников требовались выдержка и хорошее воображение. Когда

²⁸ *Буза* – традиционный турецкий напиток, производимый методом брожения из проса.

²⁹ Это название переводится как «Заря труда».

пришел его черед исчезнуть, Галип вспомнил, что еще два дня назад приметил отличное место на шкафу в Бабушкиной спальне. Он залез туда с кресла (сначала влез на подлокотник, потом, очень осторожно, на спинку) и затаился в полной уверенности, что Рюйя никогда его здесь не найдет. Чтобы лучше почувствовать, до чего огорчает Рюйю его исчезновение, он представил себя на ее месте. Должно быть, ей тоскливо в одиночестве и хочется плакать; может быть, она сейчас стоит на пороге темной дальней комнаты нижнего этажа и со слезами на глазах умоляет его вылезти оттуда, где он спрятался! Прошло много времени. После бесконечного, как детство, ожидания Галип, потеряв терпение (и не думая о том, что в этом смысле он проиграл), слез со шкафа, подождал, пока глаза не привыкнут к тусклому электрическому свету, и теперь уже сам отправился искать Рюйю. Обойдя все этажи, он с каким-то странным ощущением нереальности происходящего, чувствуя себя проигравшим, явился к Бабушке. «Ах ты, негодник, весь в пыли! – воскликнула та. – Где ты был? Тебя искали!» А Дедушка пояснил: «Пришел Джелаль, и они вместе с Рюйей пошли в лавку Аладдина». Галип сразу подбежал к окну, холодному, синему, темному. Медленно падал снег, печальный, манящий на улицу снег. Из лавки сквозь витрину, заставленную и завешанную иллюстрированными журналами, разноцветными флаконами, мячами, танками, чертиками на ниточках и прочими игрушками, просачивался свет того же оттенка, что кожа Рюйи, и едва заметно отражался от присыпанного тротуар белого снега.

Каждый раз, когда это воспоминание двадцатичетырехлетней давности приходило к нему нынешней бесконечной ночью, он снова ощущал то же нетерпение, что и тогда, нетерпение, готовое перелиться через край, как убежавшее из кастрюли молоко. Что же, что он упустил в жизни? Часы с маятником, которые принес из квартиры тети Хале и с превеликой тщательностью повесил в своем новом счастливом гнездышке через несколько дней после свадьбы, чтобы оживить детские воспоминания о прекрасных днях, которые они с Рюйей провели вместе, тикали так же размеренно и насмешливо, как когда-то отсчитывали секунды вечности в коридоре у Бабушки и Дедушки. На протяжении трех лет семейной жизни именно Рюйя, а не Галип, казалось, жалела о какой-то неведомой упущенной радости, о какой-то другой, незнакомой жизни.

По утрам Галип уезжал на работу, по вечерам возвращался в долмуше или автобусе, сжатый со всех сторон безликой усталой толпой, наступая на чьи-то ноги и упираясь в чьи-то локти. Каждый день он по нескольку раз звонил из конторы домой, выдумывая поводы, от которых Рюйя кривила губы. Вечером, вернувшись в теплый дом, он по количеству и виду окурков в пепельницах, по тому, где и как лежали вещи, по каким-то изменениям в квартире и по выражению лица жены мог довольно точно определить, чем она занималась тем днем. Если в какой-нибудь очень счастливый миг (исключение) или же, напротив, в минуту смутного беспокойства Галип напрямую спрашивал, словно муж из западного фильма, что делала жена, пока его не было дома (как собирался спросить накануне вечером), они оба чувствовали смущение оттого, что он ступает на зыбкую почву той области с неясно очерченными границами, о которой ни в одном фильме, ни западном, ни турецком, толком ничего не говорилось. То, что в жизни безымянной персоны, статистическими отчетами именуемой «домохозяйкой» (то есть той, обремененной детьми и стиркой женщины, с которой Рюйя у Галипа ну никак не ассоциировалась), есть такая тайная, загадочная и деликатная область, он обнаружил уже после женитьбы. Галип знал, что доступ в этот сокровенный сад, изобилующий таинственными растениями и жутковатыми цветами, для него закрыт так же строго, как и в непостижимые глубины памяти Рюйи. Эта запретная область находилась под прицелом рекламы мыла и стирального порошка, ее имели в виду все фотороманы, переводные статьи из зарубежных журналов, большинство радиопередач и цветных газетных приложений – и все же она оставалась закрытой и таинственной. Когда он, скажем, замечал рядом с медным блюдом на батарее в коридоре ножницы и безотчетно задумывался, как и почему они могли туда попасть, или когда на вос-

кресной прогулке они встречали какую-нибудь старую знакомую, которую он сто лет не видел, но с которой, как он знал, продолжала часто видаться Рюйя, Галип на секунду растерянно замирал на месте, охваченный чувством, будто он случайно перехватил весточку из запретной для него области и лицом к лицу столкнулся с тайной загнанной в подполье разветвленной секты, которую та больше не в силах хранить. И не по себе становилось оттого, что, хотя тайна, как и полагается в запретной секте, объединяла всех ее участниц, всех этих безликих «домохозяек», они вели себя так, будто нет у них никаких секретов, тайных ритуалов, общих прегрешений, радостей и заветных дат, – причем не потому, что хотели что-то скрыть, а совершенно искренне. Тайна эта одновременно притягивала и отталкивала, словно одна из тех, что хранили за семью замками евнухи в гареме; поскольку о существовании запретной области все знали, она, может быть, и не наводила ужас, подобно ночному кошмару, но, оставаясь неизъясненной и никем не описанной, не теряла своего загадочного ореола. И еще это была какая-то грустная тайна, ибо она хотя и передавалась веками от поколения к поколению, никогда не служила основанием для гордости, не вызывала чувства уверенности или успеха. Порой Галипу думалось, что эта область проклята, словно какой-нибудь род, всех представителей которого столетие за столетием постигают несчастья; однако, видя, сколько женщин, выйдя замуж, обзаведясь детьми или по какой-то другой неизвестной причине, добровольно бросали работу и устремлялись навстречу загадочному проклятию, он понимал, как притягательна тайна секты домохозяек. Недаром ему казалось, что, когда некоторые женщины, решившие сбросить с себя проклятие и изменить свою жизнь, с великим трудом находили работу, их начинало преследовать желание вернуться к оставленным в прошлом секретным ритуалам и волшебным моментам, пережитым ими в той загадочной и навсегда непостижимой для него области. Порой, когда Рюйя начинала на удивление весело смеяться над какой-нибудь его глупой шуткой или каламбуром или когда она радостно откликалась на его неловкие попытки взлохматить ее густые волосы цвета беличьей шкурки – словом, в один из тех волшебных моментов близости между мужем и женой, которые учили ценить все иллюстрированные журналы, Галипа так и подмывало спросить, что она делала в тот день, в те часы, когда его не было дома, помимо стирки, мытья посуды, прогулок и чтения детективных романов (врач сказал, что детей у них не будет, а желания где-то работать Рюйя не проявляла); однако он настолько боялся, что вопрос породит между ними отчуждение, и настолько трудно было заговорить о волнующем его предмете словами привычного для них, общего языка, что он продолжал молчать и только смотрел на замершую в его объятиях Рюйю пустым, совершенно пустым взглядом. «Опять этот взгляд! – говорила Рюйя, как когда-то, в бытность их детьми, ее мать, и, забавляясь, продолжала ее же фразой: – У тебя лицо белое как мел!»

После утреннего призыва к молитве Галип немного вздремнул, сидя в кресле посреди гостиной. Во сне он, Рюйя и Васыф стояли перед аквариумом, наполненным жидкостью цвета зеленых чернил, где медленно покачивались золотые рыбки, и говорили о каком-то заблуждении. Потом выяснилось, что глухонемой не Васыф, а Галип, но сильно это никого не расстроило: было понятно, что скоро все наладится и будет хорошо.

Проснувшись, Галип сел за стол и, очевидно, так же как Рюйя часов за девятнадцать-двадцать до того, стал искать на нем чистый лист бумаги. Не найдя (подобно ей) такового, он перевернул ее прощальное письмо и начал составлять список имен и адресов, о котором думал всю ночь. Список все рос, и чем больше Галип писал, тем больше людей и мест ему вспоминалось. Это действовало на нервы, тем более что он не мог отделаться от чувства, будто подражает героям детективных романов. Имена бывших любимых Рюйи, ее одноклассниц по лицу, друзей и подруг, которых она время от времени вспоминала, «соратников» времен увлечения политикой и общих с Галипом знакомых (которые, решил он, ни о чем не должны знать, пока он не найдет Рюйю), казалось, смотрят на него из-за изгибов и углов своих букв, выглядящих все более осмысленно (и двусмысленно), подают неопытному детективу Галипу какие-то

знаки и коварно подмигивают, норовя всучить ему ложные улики. Когда стих грохот, поднятый мусорщиками, которые явились вытряхнуть содержимое контейнеров в кузов грузовика, Галип решил, что написал уже достаточно, и положил зеленую ручку во внутренний карман пиджака, который собирался сегодня надеть.

Окна уже осветились голубоватым снежным сиянием, и Галип погасил в квартире весь свет. Последний раз перетряхнул содержимое мусорной корзины и выставил ее за дверь, чтобы любопытный консьерж ничего не заподозрил. Вскипятил чай, вставил в станок новую бритву, побрился, надел чистое, но неглаженное белье и рубашку, навел порядок в квартире, которую за ночь перевернул вверх дном. Пока он одевался, консьерж сунул под дверь новый номер «Миллийет». За чаем Галип прочел колонку Джеляля, в которой тот рассказывал о «глазе», следившем за ним однажды ночью, много лет назад, на темных улицах окраинных кварталов. Статья была давнишняя, Галип когда-то уже читал ее, но образ страшного глаза все равно произвел на него гнетущее впечатление. И тут зазвонил телефон.

«Это Рюйя!» – пронеслось в голове у Галипа. Направляясь к телефону, он даже успел решить, в какой кинотеатр они пойдут вечером, – в «Конак». Но послышавшийся в трубке голос лишил его надежды. На вопросы тети Сузан он отвечал уверенно: да, жар у Рюйи прекратился, всю ночь она крепко проспала, даже видела сон и утром рассказала его Галипу. Конечно, она захочет поговорить с матерью, подождите минуточку! «Рюйя! – крикнул Галип в коридор. – Рюйя, твоя мама звонит!» Ему представилось, как Рюйя, зевая, встает с кровати, лениво потягивается и ищет тапочки, но он тут же поменял бобину в киноаппарате своего воображения: заботливый муж Галип идет в спальню, чтобы позвать жену к телефону, и видит, что та сладко спит. Чтобы создать для этого второго фильма убедительную атмосферу, он даже прошелся по коридору, производя «шумовой эффект», рассчитанный на тетю Сузан, и вернулся к телефону:

– Она, оказывается, спит. У нее глаза от температуры загноились, так что она умылась, а потом снова легла и уснула.

– Пусть пьет побольше апельсинового сока! – велела тетя Сузан и подробно объяснила, где в Нишанташи можно купить самые хорошие и дешевые апельсины того сорта, в котором больше всего витамина С.

– Вечером мы, может быть, сходим в «Конак», – уверенно сказал Галип.

– Смотрите, как бы снова не простыла! – забеспокоилась тетя Сузан, но тут же, подумав, наверное, что перестаралась с наставлениями, сменила тему: – Знаешь, твой голос по телефону в самом деле очень похож на голос Джеляля. Или ты тоже простудился? Будь осторожен, не заразишься от Рюйи!

И они оба аккуратно и тихо, словно боясь разбудить Рюйю, положили трубки.

Галип продолжил читать старую статью Джеляля, представляя себя человеком, за которым следит «глаз», и блуждая в тумане его мыслей, но вдруг решительно сказал сам себе: «Рюйя, конечно же, вернулась к своему бывшему мужу!» – и удивился, как эта очевидная истина не пришла ему в голову ночью, когда он чего только не передумал. Все с той же решительностью он подошел к телефону и набрал номер Джеляля. Он собирался изложить ему ход своих размышлений и их итог: «Сейчас я пойду искать Рюйю и ее бывшего мужа. Но боюсь, когда я их найду – а это, наверное, не займет много времени, – мне не удастся уговорить Рюйю вернуться домой. Ты лучше всех умеешь ее убеждать. Что мне сказать, чтобы она вернулась... чтобы она вернулась домой?» (Он едва не произнесет «ко мне» вместо «домой», но не сможет.) «Прежде всего, успокойся! – с искренним сочувствием скажет Джеляль. – Когда ушла Рюйя? Да успокойся же! Давай подумаем вместе. Приезжай ко мне в редакцию». Но Джеляля по-прежнему не было ни дома, ни на работе.

Готовясь выйти из дому, Галип подумал и решил снять трубку с телефона. Если тетя Сузан будет говорить, что звонила-звонила, но все время было занято, он ответит: «Рюйя плохо положила трубку. Вы же знаете, какая она рассеянная, все забывает».

Глава 6

Дети мастера Бедии

*...вдох взлетал со всех сторон
И в вековечном воздухе струился.*
*Данте*³⁰

С тех самых пор, как мы самонадеянно начали затрагивать в этой колонке проблемы всех классов и слоев общества, к нам стали приходить интересные письма от читателей. Некоторым же читателям, обнаружившим, что у них наконец-то появилась возможность поведать миру известные им удивительные истории, не хватает терпения их записать, так что они прибегают прямо к нам в газету и рассказывают, рассказывают взхлеб. Кое-кто из них, видя, что мы сомневаемся в реальности описываемых ими невероятных событий и ужасных подробностей, отрывают нас от письменного стола, чтобы доказать свою правоту, и ведут за собой таинственными темными путями в уголки, которыми наше общество доньше совершенно не интересовалось и которые не были еще никем описаны. Именно так мы узнали историю первых турецких манекенов, загнанных в прямом смысле слова в подполье.

На протяжении столетий наш народ не имел ни малейшего представления о том, что такое манекены (огородные пугала, от которых несет деревней и навозом, в расчет брать не будем) и как их делать. Первые турецкие манекены изготовил для Морского музея, учрежденного султаном Абдул-Хамидом³¹ по ходатайству шехзаде³² Османа Джелялеddина, мастер по имени Бедии, основатель манекенного дела в нашей стране и творец тайной истории турецких манекенов. По свидетельствам современников, первые посетители музея застывали в изумлении, увидев наших усатых молодцов-матросов, которые берут на бордаж, точь-в-точь как триста лет назад на Средиземном море, итальянские и испанские корабли или красуются на великолепных лодках и галерах. Для создания своих первых шедевров мастер Бедии использовал дерево, гипс, воск, шкуры газелей, верблюдов и овец, а также человеческие волосы. Увидев эти чудесные творения, выполненные с удивительным искусством, тогдашний шейх-уль-ислам³³, человек крайне ограниченный, впал в ярость. Создавать столь совершенные подобию творений Аллаха, провозгласил он, значит вступать в своего рода соперничество с Всевышним – и велел заменить матросов на пугала.

История нашей неоконченной европеизации знает тысячи примеров подобного запретительного рвения. Но запрет не погасил в мастере Бедии творческого огня. Он продолжил делать новые манекены, которых называл своими детьми, у себя дома, одновременно не оставляя попыток убедить власти вернуть их в музей или выставить в каком-нибудь другом, особом месте. Ничего не добившись, он обозлился на государство и его правителей, но не разочаровался в своем новом ремесле: обустроил в подвале собственного дома небольшую мастерскую и продолжал творить. Затем, не желая больше слышать от соседей обвинения в колдовстве, безумии и безбожии, а также и по той причине, что «детей» у него стало слишком много и им тесновато сделалось в скромном мусульманском жилище, мастер Бедии переехал из Стамбула в Галату, туда, где жили европейцы.

Мой гость отвел меня в тот странный дом неподалеку от Галатской башни, где мастер, убежденный в своей правоте, продолжал вдохновенно работать и обучать сына ремеслу, в кото-

³⁰ Перевод М. Л. Лозинского.

³¹ Абдул-Хамид II (1842–1918) – султан Османской империи в 1876–1909 годах.

³² Шехзаде – титул сыновей султана.

³³ Шейх-уль-ислам – титул высшего должностного лица, ведающего вопросами исламской религии в Османской империи.

ром когда-то до всего доходил сам. Так прошло двадцать лет. В первые годы Республики, когда увлеченные идеями европеизации господа сменили фески на панамы, а их жены и дочери скинули чаршаф³⁴ и надели туфли на каблуках, в витринах скоро снискавших широкую популярность магазинов готового платья на проспекте Бейоглу³⁵ начали устанавливать манекены, привезенные из-за границы. Увидев это, мастер Бедии решил, что настал долгожданный час его торжества. Но на этом нарядном проспекте, где кипела торговля и можно было найти любые развлечения, он столкнулся с новым жестоким разочарованием, которое заставило его вернуться в темноту подземелья – уже до конца жизни.

Посмотрев на принесенные образцы, заглянув в его мастерскую и на склад, все эти владельцы универсальных магазинов и торговцы готовой одеждой – костюмами, юбками, чулками, пальто и шляпами – один за другим ему отказывали. Не устраивало их вот что: манекены мастера Бедии были похожи не на жителей европейских стран, откуда завозились образцы одежды, а на наших людей. «Покупатель, – объяснил один из торговцев, – желает приобрести не ту одежду, которую он каждый день видит на тысячах своих усатых, кривоногих, тощих сограждан, а пиджак, прибывший из дальних неведомых краев, какой носят новые, лучшие люди. Он хочет верить, что, надев такой пиджак, и сам сможет измениться, стать иным человеком». Другой лавочник, поднаторевший в деле оформления витрин, с восхищением осмотрев произведения мастера, сказал, что, к сожалению, не может поставить этих «настоящих турок» у себя, ибо с ними ничего не заработаешь: турки больше не желают быть турками, они хотят стать кем-то другим. Именно поэтому они провели реформу одежды, сбрили бороду, сменили алфавит и вводят в язык новые слова³⁶. Владелец еще одного магазина, склонный выражаться более емко и афористично, заявил, что покупатель, в сущности, приобретает не одежду, а мечту – мечту о возможности стать такими, как те «другие», кто носит такую одежду.

Мастер Бедии даже и пробовать не стал приспособиться к этой новой мечте. Он понимал, что не выдержит конкуренции с импортными европейскими манекенами, умеющими менять свои странные позы и белозубо улыбаться. И он вернулся в темную мастерскую, к своим собственным, незаимствованным страшным мечтам. В оставшиеся пятнадцать лет жизни, работая над их воплощением, он сотворил более полутора сотен манекенов, каждый из которых был подлинным произведением искусства. Его сын (а именно он пришел к нам в редакцию) отвел меня в отцовскую подземную мастерскую, показал все манекены и сказал, что в этих странных пыльных творениях заключена наша «суть», то, что делает нас нами. Мы стояли посреди подвала холодного темного дома в Куледиби³⁷, к которому нас привела спускающаяся вниз по склону грязная улица с разбитыми тротуарами. Со всех сторон нас окружали манекены, – казалось, они хотят сбросить свое оцепенение, зашевелиться, начать жить, что-то делать. Из полумрака на нас и друг на друга смотрели сотни лиц и глаз, исполненных смысла. Одни манекены просто сидели, другие что-то рассказывали, ели, смеялись или молились, а некоторые словно бы бросали вызов текущей снаружи жизни и всему бытию, которое представлялось мне в тот момент невыносимым. Было совершенно понятно: в манекенах пульсирует жизнь, и в этом с ними не сравниться не только обитателям витрин Бейоглу или Махмутпаши, но даже и толпе на Галатском мосту. Ощущение жизни исходило от них, словно свет. Зачарованный, я с опаской подошел к одному из стоявших рядом манекенов (это был пожилой человек, погруженный в печальные раздумья) и дотронулся до него – помню, мне хотелось впитать в себя эту

³⁴ *Чаршаф* – вид традиционной женской одежды, полностью скрывающей фигуру.

³⁵ Современное название – проспект Истикляль (проспект Независимости).

³⁶ Имеется в виду языковая реформа, проводившаяся в Турции в 1920–1930-е годы, в ходе которой арабская письменность была заменена латиницей, а Турецкое лингвистическое общество в целях очищения языка от огромного количества арабских и персидских заимствований вводило в оборот новые слова, взятые из диалектов, тюркских литературных памятников или образованные от турецких корней с помощью аффиксов.

³⁷ *Куледиби* – район Стамбула, прилегающий к Галатской башне.

жизнь, овладеть тайной этого мира, постичь его истину. Жесткая кожа оказалась холодной и страшной, как сам подвал.

«Мой отец учил, что прежде всего надо подмечать характерные движения и жесты, которые делают нас нами», – гордо сказал сын мастера. После долгих часов утомительной работы они с отцом выбирались из подземного полумрака на поверхность, шли на площадь Таксим, садились в каком-нибудь кафе сомнительной репутации за столик с видом на площадь, пили чай и наблюдали за жестами проходящих мимо людей. В те годы его отец уже понял, что народ может изменить свой образ жизни, историю, технологии, культуру, искусство и литературу, но решительно отвергал мысль о том, что могут измениться жесты. Сын мастера растолковывал, указывая на некоторые из обступивших нас манекенов, что особенного в движениях шофера, зажигающего сигарету; как и почему расставляет руки в стороны и ходит боком, словно краб, бандит из Бейоглу; как смеется, широко разевая рот (наша общая манера), мальчик из лавки торговца каленым горохом; что означает ужас в глазах женщины, которая идет по улице с авоськой одна, опустив голову; почему наши сограждане в городах вечно смотрят себе под ноги, а выбравшись за город, запрокидывают голову к небу... Обращая мое внимание на жесты и позы манекенов, словно бы терпеливо ждущих часа, когда они смогут наконец стряхнуть с себя оцепенение, сын мастера снова и снова вспоминал о той «сути», что роднила их с нами. А мне думалось о том, что эти дивные создания могли бы все-таки стоять в витринах, прелестно рекламируя красивую одежду.

И все же было в этих манекенах, в этих несчастных существах нечто такое, от чего хотелось побыстрее выбраться на улицу, к свету, нечто жуткое, тоскливое, мрачное! «Впоследствии отец перестал наблюдать за привычными людскими движениями», – обронил сын мастера, очевидно догадавшись, о чем я думаю. Отец и сын начали замечать, что обычные, повседневные движения, которые я выше назвал жестами, – то, как человек вытирает нос, смеется, ходит, открывает бутылку, пожимает руки, – тоже стали постепенно меняться, терять свою чистоту. Сперва, наблюдая из-за столика в кафе за толпой на площади, они никак не могли понять, кому подражают люди, кто стал для них примером, – ведь они не видят никого, кроме себе подобных. Жесты, всевозможные мелкие движения, которые человек совершает в повседневной жизни, – отец и сын называли их «главным богатством наших людей» – стали постепенно и неуклонно меняться и исчезать, словно по мановению руки некоего невидимого дирижера, а вместо них появлялись новые, неведомые откуда позаимствованные. Догадка пришла, когда они работали над серией детских манекенов. «Все из-за этих проклятых фильмов!» – воскликнул сын.

Да, оказывается, жесты наших людей начали терять свою чистоту из-за проклятых фильмов, которые в огромных количествах везли с Запада и часами крутили в кинотеатрах. Наши сограждане с неувимой быстротой отказывались от собственных движений, подражая чужим и усваивая их. Эти новые, фальшивые движения и бессмысленные жесты вызвали у старого мастера страшный гнев. Чтобы доказать справедливость отцовского гнева, его сын произнес целую речь, которую слишком долго было бы пересказывать, ибо он в подробностях описал все позаимствованные из фильмов неуместные новшества: манеру открывать и захлопывать двери, смеяться, держать чашку и надевать пиджак, эти покачивания головой, деликатные покашливания, вспышки гнева, удары кулаком, прищур глаз, движения бровей и убивающие нашу неотесанную ребячливость проявления вежливости и строгости. Мастер Бедии не желал более все это видеть. Из страха повредить своим непорочным «детям», насмотревшись на новые фальшивые движения, он решил никогда более не выходить из мастерской и заперся в подвале своего дома, объявив, что ему и так уже давно известна «суть тайны и смысла», которую надлежит знать человеку.

Глядя на произведения мастера Бедии, созданные им в последние пятнадцать лет жизни, я начал догадываться, в чем заключается эта самая неувимая суть, – догадываться с ужасом выросшего среди дикарей ребенка, через много лет узнавшего, кто он на самом деле. Среди

фигур дядюшек, тетюшек, друзей, родственников, знакомых, лавочников, рабочих, глядящих на меня, проникающих в мою жизнь и олицетворяющих ее, были люди, похожие на меня; да я и сам был там, в этой безнадежной мгле, населенной неудачниками. Манекены моих соотечественников, в большинстве своем покрытые свинцово-серой пылью (среди них были гангстеры Бейоглу, девушки-швеи, известный богач Джевдет-бей, энциклопедист Селяхаддин-бей, пожарные, удивительные карлики, старые попрошайки и беременные женщины) и отбрасывающие в свете тусклых ламп жуткие тени, напоминали мне тоскующих о потерянной безгрешности богов, или бедолаг, замучивших себя упреками в том, что они не могут быть кем-то другим, или несчастных, покончивших с собой из-за того, что они не могли быть вместе и любить друг друга. Они, как и я, как все мы, когда-то в прошлом, таком далеком, что, не исключено, это было в раю, узнали, казалось, смысл необъяснимого бытия, в которое попали по воле случая, но потом утратили волшебное знание. Этот провал в памяти мучит нас, мы сломлены, но все равно упорно пытаемся оставаться собой. И ощущение несчастья и неудачи, въевшееся во все то, что делает нас нами: в наши жесты, в нашу манеру вытирать нос, почесывать в затылке, шагать и смотреть, – это плата за наше упорство. И когда сын мастера Бедии говорил: «Мой отец всегда верил, что рано или поздно его манекены будут стоять в витринах! Он никогда не терял надежды, что придет день и наши люди заживут счастливо – настолько, что перестанут подражать другим!», мне казалось, что толпа манекенов страстно желает того же, чего и я: поскорее выйти из тесного, пропахшего плесенью подвала на солнце, чтобы смотреть на других, подражать другим, стараться стать кем-то другим и жить счастливо, как мы.

И надо сказать, что эта мечта отчасти осуществилась. Хозяин одной лавки, желая разжечь интерес покупателей какой-нибудь диковинкой, а может быть, и польстившись на дешевизну, приобрел в мастерской несколько «образцов». Но позы и жесты выставленных в витрине манекенов казались идущим мимо людям такими обыденными и естественными, такими «нашими», что никому и в голову не приходило ими интересоваться. Тогда скаредный лавочник распилил их на части. Лишившись целостности, наполнявшей смыслом их движения, руки и ноги манекенов мастера Бедии, размещенные в маленькой витрине скромной лавочки, многие годы служили для демонстрации зонтов, перчаток, сапожек и туфель гуляющим по Бейоглу людям.

Глава 7

Буквы горы Каф

Разве имя должно что-то означать?
Льюис Кэрролл

Выйдя из дому после бессонной ночи, Галип понял, что снега выпало больше, чем он думал: обычно свинцово-серый, Нишанташи был укрыт непривычной, сияющей белизной. Идущие по тротуарам люди, казалось, не замечали свисающих с карнизов полупрозрачных остроконечных сосуллек. Галип зашел в отделение «Иш банкасы» («Ис банкасы»³⁸, – говорила Рюйя, имея в виду вечные клубы пыли, автомобильные выхлопы и грязно-голубой дым из труб на площади Нишанташи, где стояло здание банка) и узнал, что за последние десять дней Рюйя не снимала с их общего счета значительных сумм, что в банке не работает отопление и что одна из сотрудниц, девушка с тонной косметики на лице (этим она, впрочем, не отличалась от своих коллег), выиграла в лотерею небольшой приз, чему все очень рады. Пройдя мимо цветочных лавок с запотевшими витринами, пассажей, куда забегали разносчики чая, лица «Шишли-Теракки», где они с Рюйей когда-то учились, и похожих на привидения каштанов, с ветвей которых свисали сосульки, Галип вошел в лавку Аладдина. Тот, одетый в голубую куртку с капюшоном, девять лет назад упомянутую Джелялем в одной из его статей, вытирал нос платком.

– Что с тобой, Аладдин, заболел?

– Простудился.

Галип перечислил несколько левых политических журналов, в которых когда-то печатался бывший муж Рюйи, а также его сторонники и противники, стараясь почетче выговаривать названия, и попросил по экземпляру каждого. Аладдин с обычным своим, немного детским выражением на лице, в котором можно было угадать опаску или подозрение, но никогда – враждебность, сказал, что такие журналы читают только студенты.

– А тебе они зачем?

– Кроссворды буду разгадывать.

Аладдин усмехнулся, дав понять, что оценил шутку, и с грустью истинного любителя кроссвордов возразил:

– Их там никогда не бывает, братец! Вот, посмотри, эти два номера недавно вышли, берешь?

– Беру, – ответил Галип, а потом, понизив голос, словно старик, покупающий журнал с голыми женщинами, попросил: – Заверни-ка их в газету!

В автобусе, идущем до Эминоню, ему показалось, что сверток с журналами странным образом как будто потяжелел, а потом он ощутил на себе чей-то взгляд. Но это не был взгляд кого-то из пассажиров – те, покачиваясь, словно на яхте в бурном море, рассеянно смотрели в окна на заснеженные улицы и бредущих по ним людей. И тут Галип понял, что газета, в которую Аладдин упаковал политические журналы, была старым номером «Миллийет» и с фотографии в углу своей колонки на него смотрит Джеляль. Странное дело: хотя эту фотографию Галип видел каждое утро много лет подряд, сейчас Джеляль смотрел на него каким-то совершенно другим взглядом. «Я тебя знаю и все время за тобой слежу!» – говорил этот взгляд. Галип закрыл пальцем читающие в его душе глаза, но взгляд продолжал чувствоваться до самого конца долгой поездки.

³⁸ Название «Иш банкасы» переводится как «Деловой банк». Слово is означает «сажа», «копоть».

Войдя в контору, он сразу позвонил Джелялю, но того на месте не было. Тогда он аккуратно развернул газету, достал журналы и начал внимательно читать. Поначалу они всколыхнули в нем воспоминания о давно забытом воодушевлении, напряженном ожидании и невесте, когда утраченной надежде на то, что рано или поздно придет день освобождения и победы, похожий на конец света. Потом, уже после того, как Галип потратил немало времени, обзванивая старых приятелей и подруг Рюйи, чьи имена были перечислены на обратной стороне ее прощального письма, те давнишние воспоминания стали казаться ему милыми и неправдоподобными, словно фильмы, которые он мальчиком смотрел в летнем кинотеатре, расположившемся между стеной мечети и кафе под открытым небом. Те старые черно-белые турецкие фильмы в свое время ужасно раздражали Галипа полным отсутствием логики в построении сюжета, заставлявшем думать, будто он совершенно не понимает происходящего в мире, куда его пытаются заманить, в мире, ставшем помимо воли своих создателей подобием сказки и населенном жестокими богатыми отцами, неимоверно благородными бедняками, поварами, слугами, нищими и разъезжающими в длинных автомобилях красавцами (Рюйя говорила, что видела «де-сото» с одним и тем же номерным знаком в разных фильмах). Скривив губы, он наблюдал за невероятными событиями, дивился льющей слезы соседке по ряду, и вдруг – внимание, раз-два-три! – происходило что-то непостижимое, какой-то фокус, и он понимал, что тоже плачет, сочувствуя горю страдающих на экране героев, которые под ударами судьбы остаются решительными и самоотверженными. Желая получше познакомиться со сказочным черно-белым миром маленьких левых фракций перед встречей с Рюйей и ее бывшим мужем, Галип позвонил старому знакомому, который собирал все политические журналы.

– Ты ведь все еще собираешь журналы? – уверенно спросил Галип. – Можно я немного поработаю в твоём архиве? Это мне нужно для подзащитного. Попал в беду человек!

– Конечно, – ответил Саим со своим всегдашним добродушием, довольный, что ему звонят по поводу «архива», и предложил Галипу подъезжать к половине девятого вечера.

Галип работал в конторе, пока не стемнело. Несколько раз он звонил Джелялю, но так и не застал его на месте. Каждый раз, поговорив с секретаршей и узнав, что Джеляль-бей или «еще не пришел», или «только что вышел», Галип чувствовал, что Джеляль наблюдает за ним со свернутой газеты, которую он положил на полку, висевшую здесь со времен дяди Мелиха. Он ощущал присутствие Джеляля, когда слушал историю о конфликте, разгоревшемся между двумя совладельцами маленькой лавочки на Капалычарши, историю, которую ему поведали, то и дело перебивая друг друга, очень толстые мать с сыном (сумочка матери была набита лекарствами), и когда пытался втолковать офицеру дорожной полиции в темных очках, что два года, проведенные тем в психиатрической больнице, не могут, согласно действующим законам, быть зачтены ему в выслугу лет (офицер хотел подать в суд на государство за неправильный расчет пенсии).

Он обзвонил всех знакомых Рюйи, каждый раз придумывая новый предлог. Лицейскую подругу Маджиде он попросил дать телефон Гюль, которой якобы хотел позвонить в связи с судебным делом. Маджиде, как выяснилось, Гюль не любила, но телефон продиктовала. От вежливой горничной богатой обладательницы красивого имени³⁹ Галип узнал, что Гюль позавчера родила в больнице «Гюльбахче»⁴⁰ третьего и четвертого ребенка – симпатичных близнецов назвали Хюсюн и Ашк – и что если он подъедет к больнице, то с трех до пяти сможет увидеть их в окно палаты для новорожденных. Фиген пообещала вернуть Рюйе взятые почитать «Что делать?» Чернышевского и детектив Рэймонда Чандлера и пожелала ей скорейшего выздоровления. Бехийе заверила Галипа, что он ошибается: ее дядя не работает в отделе по борьбе с наркотиками Управления безопасности, и в ее голосе Галип не услышал ни малейшего

³⁹ Имя Гюль переводится как «роза».

⁴⁰ Название «Гюльбахче» означает «розовый сад».

намека на то, что она знает, где Рюйя. Семих удивился, откуда Галипу известно о его подпольной текстильной мастерской: да, они с командой инженеров и техников в поте лица работают над созданием первой турецкой застежки-молнии, но он ничего не знает о недавнем скандале с контрабандными нитками, о котором писали газеты, и поэтому не может дать Галипу никаких юридических советов по данному поводу; Рюйе же он шлет самый сердечный (Галип поверил) привет.

Иногда Галип изменял голос, представлялся другими именами, но это тоже не помогло напасть на след Рюйи. Сулейман, зарабатывавший тем, что привозил из Англии медицинские энциклопедии сорокалетней давности и торговал ими, ходя по домам, с неподдельной искренностью в голосе заверил «директора школы», который попросил поскорее позвать его к телефону, что произошла какая-то ошибка: у него не только нет дочери-школьницы по имени Рюйя, но и вообще нет детей. Ильяс, перевозивший на отцовской барже уголь с Черного моря, сказал, что никак не мог забыть в кинотеатре «Рюйя» тетрадку, в которую записывал свои сны, потому что, во-первых, уже несколько месяцев не был в кино, а во-вторых, никогда не вел такой тетрадки. Асым, владелец фирмы, торгующей импортными лифтами, заявил, что не может нести ответственность за неисправность лифта в доме под названием Рюйя, расположенном на одноименной улице, так как впервые о таких слышит, и, когда он произносил слово «Рюйя», в его голосе, как и в голосе Ильяса, не угадывалось никакого намека на волнение или чувство вины. Тарык, днем занимавшийся производством крысиного яда в химической лаборатории отчима, а по ночам сочинявший стихи о магии смерти, с радостью узнал о том, что студенты юридического факультета хотят пригласить его прочитать лекцию о теме снов и их тайн в его поэзии, и обещал ждать их вечером у кафе на Таксима. Кемаля и Бюлента не было дома – они уехали в Анатолию. Один – в Измир, чтобы записать для ежегодника, издаваемого фабрикой швейных машинок «Зингер», воспоминания швеи, которая, станцевав пятьдесят лет назад вальс с Ататюрком под аплодисменты журналистов, тут же села за педальную швейную машинку и принялась без устали строчить брюки европейского образца. Другой разъезжал на муле по восточным провинциям, торгуя в кофейнях и на деревенских площадях волшебными костями для нардов, вырезанными из бедренной кости жившего тысячу лет назад старика, которого европейцы называют Санта-Клаусом.

С другими людьми из списка телефон связать Галипа не пожелал: в снежные и дождливые дни сбои на телефонных линиях обычное дело. До самого вечера он просматривал политические журналы, но так и не встретил на их страницах среди имен и псевдонимов людей, которые переходили из одной фракции в другую, делали признания, подвергались пыткам и тюремному заключению, погибали от рук убийц и пропадали без вести, среди имен и псевдонимов авторов карикатур, стихов, писем в редакцию и статей, на которые отвечали или ссылались представители редакции, а также самих этих представителей ни имени, ни псевдонима бывшего мужа Рюйи.

Когда начали сгущаться сумерки, Галип печально и неподвижно сидел в кресле. За окном прыгала любопытная ворона и искося на него поглядывала, с проспекта доносился шум пятничного вечера. Галип медленно погрузился в счастливый сон. Прошло много времени, прежде чем он проснулся; в конторе было темно, но он чувствовал на себе взгляд вороны из-за окна, похожий на взгляд Джелиля с газеты на полке. Не включая свет, он медленно задвинул ящики, привычной рукой нащупал пальто, надел его и вышел из конторы. В темном коридоре делового центра были погашены все лампы. Разносчик чая мыл пол в уборной.

На заснеженном Галатском мосту Галип почувствовал, что мерзнет, – с Босфора дул резкий ветер. В Каракее он зашел в кафе, сел за мраморный столик, повернувшись боком к отражавшим друг друга зеркалам, и съел куриный суп с лапшой и яичницу. На единственной стене без зеркал висел горный пейзаж, автор которого явно вдохновлялся календарями компании «Пан Американ» или альпийскими видами с открыток, но Галипу окрашенная в белый цвет

вершина, видневшаяся между сосен за зеркально-гладким озером, напоминала гору Каф, в путешествие к которой они с Рюей часто играли в детстве.

Выйдя из кафе, Галип направился к Туннелю⁴¹, чтобы подняться в Бейоглу. В вагоне он разговорился с незнакомым стариком о причинах знаменитой аварии, случившейся здесь двадцать лет назад. Почему вагоны соскочили с рельсов, понеслись вниз и, пробив стеклянную стену, вылетели на площадь Каракёй, словно закусившие удила жеребцы? Оттого ли, что лопнул канат, или по вине пьяного машиниста? Старик держался последней версии и утверждал, что тот машинист – его земляк из Трабзона⁴². На улицах Джихангира не было ни души. Саим открыл дверь с радушной улыбкой и поспешил назад к телевизору. Они с женой смотрели ту же передачу, что и шоферы с консьержами в кафе-подвальчике.

Передача называлась «Что мы оставили после себя». Ведущий с надрывом в голосе рассказывал про мечети, про обрамленные изящной архитектурой источники и караван-сарай, построенные на Балканах во времена Османской империи и теперь попавшие в руки югославов, албанцев и греков. Галипа усадили в старое кресло «а-ля рококо» с выпирающими пружинами, словно соседского мальчишку, забежавшего посмотреть футбольный матч, и вскоре, казалось, забыли про него, поглощенные созерцанием печальных кадров с заброшенными мечетями. Саим был похож на одного ныне покойного знаменитого борца, олимпийского медалиста, чьи фотографии до сих пор встречались на стенах овощных лавок, а его супруга – на пухлую симпатичную мышку. В комнате стоял пыльно-серый стол и висела пыльно-серая люстра; на стене в позолоченной рамке красовался портрет деда Саима, имевшего, впрочем, больше сходства с его женой. («Как ее, кстати, зовут? – лениво думал Галип. – Ремзийе, что ли?») В буфете виднелись кофейные чашки, набор ликерных рюмок, серебряная сахарница, ваза, календарь страховой компании и пепельница с эмблемой банка. Вдоль двух стен тянулись полки с пыльными бумагами и журналами, журналами, журналами – тот самый «архив», ради которого Галип сюда пришел.

Этот «архив нашей революции», как называли его насмешливые университетские приятели еще десять лет назад, был создан, по признанию самого Саима, сделанному в приступе неожиданной для него откровенности, вследствие нерешительности. Саим колебался, но не «между двумя классами», как было принято тогда говорить, а между различными политическими фракциями, и никак не мог сделать выбор.

В те годы Саим ходил на все политические собрания и «форумы», метался между университетами и студенческими столовыми, всех слушал и силился разобраться в каждом политическом направлении, а поскольку чересчур много расспрашивать конфузился, то старался любыми возможными путями раздобыть все левые издания, не исключая размноженных на гектографе манифестов, пропагандистских брошюр и написанных от руки воззваний («Извини, у тебя нет листовки, которую пуристы раздавали вчера в Техническом университете?»), – и читал, читал, читал... В какой-то момент – видимо, потому, что времени на все это не хватало, а выбрать «политическую линию» так и не удалось, – у Саима стали копиться непрочитанные материалы. Шли годы, необходимость в чтении и политическом выборе потеряла остроту, а река «документов» все ширилась, распадалась на рукава и протоки, и, чтобы она не текла просто так, впустую, он решил создать «плотину» (метафора, которую придумал сам Саим, инженер-строитель по профессии). Этой единственной цели он бескорыстно посвятил оставшуюся часть своей жизни.

Когда передача закончилась, телевизор выключили и некоторое время болтали о том о сем. Затем наступила тишина. Видя, что супруги вопросительно смотрят на него, Галип приступил к рассказу. Он взялся защищать студента, ложно обвиненного в политическом преступ-

⁴¹ *Туннель* – название построенного в 1874 году подземного фуникулера, связывающего районы Бейоглу и Каракёй.

⁴² *Трабзон* – город на побережье Черного моря.

лении. Нет, без трупа, увы, не обошлось: во время совершенного тремя молодыми недотепами ограбления банка один из них, мечась между банком и угнанным такси, на котором они должны были сбежать, сбил с ног тщедушную бабуся, тихо-мирно шедшую за покупками. Несчастная женщина упала, ударилась головой о мостовую и скончалась на месте. («Ну и дела!» – воскликнула жена Саима.) На месте преступления был задержан только один из вооруженных грабителей, тихий молодой человек из хорошей семьи. Понятное дело, он не хотел выдавать полиции своих товарищей, которые вызывали у него уважение и восторг; удивительнее то, что он не назвал их имен даже под пытками. Но вот незадача: как выяснил Галип, сохраняя молчание, юноша тем самым взял на себя и вину за смерть старушки. А между тем истинный виновник ее гибели, студент археологического факультета Мехмет Йылмаз, через три недели после описанных событий был застрелен неизвестными лицами на окраине Умранийе, в новом квартале геджеконду⁴³, когда писал зашифрованное послание на фабричной стене. Казалось бы, юноша из хорошей семьи мог бы теперь назвать имя истинного виновного, однако полиция не верит, что убитый был настоящим Мехметом Йылмазом; мало того, руководители организации, ответственной за ограбление, неожиданно заявили, что Мехмет Йылмаз жив и с прежней решимостью продолжает писать статьи для журнала, который они издают. Теперь же Галип, взявшийся за это дело по просьбе не самого юноши, а его богатого и благонамеренного отца, хочет, во-первых, взглянуть на статьи Мехмета Йылмаза, чтобы доказать, что под его именем стал писать другой человек; во-вторых, выяснить по псевдонимам личность этого человека; в-третьих, посмотреть, чем занималась в последние полгода фракция, которую когда-то возглавлял бывший муж Рюйи, поскольку, как уже наверняка догадались Саим и его супруга, вся странная ситуация возникла по милости именно этой организации; и, наконец, в-четвертых, разобраться в загадочных историях авторов-призраков, пишущих под именами и псевдонимами мертвых и пропавших без вести людей.

Рассказ Галипа взволновал Саима, и они сразу взялись за расследование. Первые два часа приятели занимались тем, что пили чай, который подавала жена хозяина дома (Галип наконец-то вспомнил ее имя – Рукийе), ели нарезанный на кусочки кекс и просматривали имена и псевдонимы авторов статей. Затем они расширили круг поисков, включив в него псевдонимы сотрудников редакций и других упоминавшихся в журналах лиц. Вскоре голова у них пошла кругом от этого таинственного полулегального мира, полного некрологов, угроз, признаний, взрывных устройств, опечаток, стихов и лозунгов, – мира, который еще не полностью ушел в прошлое, но уже начал стираться из людской памяти.

Они встречали очевидные псевдонимы, чья вымышленность сразу становилась понятной, а также образованные от них придуманные имена, которые, в свою очередь, будучи разделенными надвое, служили основой для образования новых псевдонимов. Они искали акrostихи, разгадывали наивные ребусы и полупрозрачные шифры, не то специально измышленные, не то полученные случайно. За стол к Галипу и Саиму подседа Рукийе. В комнате установилась атмосфера, которая подходила скорее не для расследования, призванного спасти ложно обвиненного юношу или указать на след пропавшей женщины, а для новогоднего вечера, когда собравшиеся за столом родственники слушают радио и играют в лото, – атмосфера немного нетерпеливого, но привычного печального ожидания. Сквозь незадернутые шторы было видно, что за окном снова пошел снег.

С волнением терпеливого учителя, открывшего нового блестящего ученика и гордо наблюдающего за его успехами, они следили за приключениями псевдонимов, за их зигзагами, взлетами и падениями в журнальном мире; потом, узнав, что кто-то из скрывающихся за ними людей был арестован, подвергнут пыткам, брошен в тюрьму, пропал без вести или (в таких случаях журнал впервые публиковал его фотографию) был застрелен неизвестными, они на

⁴³ *Геджеконду* – самовольно возведенное жилище, как правило представляющее собой нишую лачугу.

какое-то время печально замолкали, чувствуя, как гаснет в них интерес к поискам, но затем, встретившись с новой игрой слов, новым случайным совпадением или странностью, опять с головой окунались в жизнь из статей.

По мнению Саима, вымышленными были не только большинство упоминавшихся в журналах имен, но и некоторые из якобы проведенных их носителями демонстраций, собраний, подпольных заседаний, нелегальных партийных съездов и ограблений банков, в действительности никогда не происходивших. В качестве самого яркого примера он зачитал историю народного восстания, имевшего место двадцать лет назад на востоке Анатолии, в городке Кучук-Черух, что между Эрзинджаном и Кемахом. В ходе этого восстания, о котором во всех подробностях поведал один журнал, было создано временное правительство, отпечатана розовая почтовая марка с изображением голубя, выпущена газета, все статьи в которой были написаны стихами, мэру города на голову упала ваза, и он скончался, окулисты и аптекари бесплатно раздали косоглазым согражданам очки, удалось обеспечить начальную школу дровами, начали строить мост, который должен был связать городок с цивилизацией... Но тут подоспели войска, верные кемалистскому правительству, и не успели коровы сжевать пахнущие носками циновки, устилавшие земляной пол опустелой местной мечети, как с восстанием было покончено, а его руководителей повесили на чинарах посреди городской площади. Саим привлек внимание гостя к таинственным буквам на картах и пояснил, что на самом деле городка Кучук-Черух не существует, а имена людей, названных духовными наследниками восстания, которое навсегда осталось в истории городка взлетевшей ввысь сказочной птицей, вымышлены. Углубившись в стихи с редирами⁴⁴, где упоминались эти имена, они было наткнулись на след, ведущий к Мехмету Йылмазу (упоминалось политическое убийство, совершенное в Умрании в указанный Галипом день), но, как и в случае со многими историями и событиями, знакомство с которыми напоминало просмотр черно-белой турецкой киноленты, то и дело рвущейся от старости, в следующих номерах журнала об этом деле не было сказано ни слова.

Галип встал из-за стола, подошел к телефону, позвонил домой Рюйе и ласковым голосом предупредил, что, наверное, будет допоздна работать у Саима, так что пусть она его не ждет и ложится спать. Телефон стоял в противоположном от стола углу комнаты. Саим и его жена передали привет Рюйе, и, конечно, Рюйя тоже попросила передать им привет.

И снова началась увлекательная игра: поиск псевдонимов, их расшифровка и попытки построить из них новые имена. Все поверхности в комнате были завалены бумагами, газетами, журналами и листовками. Через некоторое время жена Саима оставила мужчин одних и ушла спать. Уже давно перевалило за полночь; в Стамбуле царил чарующее снежное безмолвие. Пока Галип смаковал опечатки и орфографические ошибки в очередных экспонатах интереснейшей коллекции Саима («Собрание, конечно, очень неполное, много не хватает!» – объявил тот со своей всегдашней скромностью) – листовках, которые когда-то раздавали в прокуренных студенческих столовых, под навесами, где укрывались от дождя забастовщики, и на дальних железнодорожных станциях (размножены они были на одном и том же маломощном гектографе и потому попали в одну папку), – хозяин квартиры принес из другой комнаты какую-то книгу и провозгласил с гордостью коллекционера:

– Большая редкость!

Заглавие на переплете гласило: «Анти-Ибн-Зерхани, или Ноги странствующего мистика ступают по земле». Галип с любопытством переворачивал отпечатанные на пишущей машинке страницы.

– Автор – мой знакомый, родом из городка под Кайсери⁴⁵, такого маленького, что на карте Турции среднего масштаба его не найдешь, – говорил Саим. – В детстве ему давал

⁴⁴ *Редири* – в восточной поэзии слово или группа слов, которые повторяются в конце каждой строки после рифмы.

⁴⁵ *Кайсери* – город в центре Анатолии.

уроки суфийского мистицизма отец, шейх маленькой дервишской обители. Через много лет, читая сочинение арабского мистика тринадцатого века Ибн Зерхани «Сокровенный смысл утраченной тайны», он решил, словно Ленин, читающий Гегеля, делать на полях «материалистические» заметки. Потом он переписал эти заметки набело, снабдив ненужными пространственными комментариями. Далее присовокупил к заметкам и комментариям своего рода пояснение, написанное словно бы другим человеком, пытающимся разобраться в загадочных мыслях автора. Затем сочинил «предисловие издателя», опять-таки будто бы принадлежащее перу другого человека, свел все это воедино и отпечатал на машинке, причем в начало добавил еще тридцать страниц рассказов о своем религиозном опыте и жизни революционера. Особенно интересен рассказ о том, как однажды под вечер, прогуливаясь у себя в городке по кладбищу, автор открыл прочную связь между философией мистицизма, которую европейцы называют пантеизмом, и своим собственным «философским вещиизмом», возникшим как реакция на наставления отца-шейха. Он увидел ворона, которого уже встречал за двадцать лет до того – ты ведь знаешь, что наши вороны живут больше двухсот лет, – на этом кладбище, где среди немного подросших с тех пор кипарисов мирно паслись овцы и дремали в могилах призраки, и вдруг его осенило, что у той крылатой и бесцеремонной сущности, которую он называет «высокой мыслью», голова и ноги могут быть какими угодно, но тело и крылья всегда, всегда остаются одними и теми же. Ворона на обложке автор тоже нарисовал сам. Эта книга – доказательство того, что турок, желающий обрести бессмертие, должен совмещать в себе Джонсона и Босуэлла, Гёте и Эккермана⁴⁶. Всего было отпечатано шесть копий. Сомневаюсь, что в архиве Управления безопасности есть хоть один экземпляр.

Саим замолчал. Казалось, в комнате незримо присутствует кто-то третий, некий призрак, заставляющий их думать об авторе книги с вороном на обложке, о его жизни, проходящей между домом в провинциальном городке и оставшейся от отца мелкой скобяной лавочкой, и о силе воображения человека, ведущего такую печальную, заурядную, тихую жизнь. «Должна быть одна-единственная история, объединяющая все буквы и слова, все мечты о свободе и память о пытках и унижениях, всю радость надежд и печаль воспоминаний, – история, которую рассказывают все авторы, о чем бы они ни писали!» – хотелось сказать Галипу. Словно бы Саим, который терпеливо собирал свою коллекцию листовок, газет и журналов, подобно рыбаку, что годами забрасывает в море сеть, изловил-таки эту историю и знает, что изловил, но не может обнаружить свой улов в груде материалов, сколько ни классифицирует и ни упорядочивает их; он забыл то слово, которое могло бы стать ключом к рассказу.

Когда они наткнулись на имя Мехмета Йылмаза в журнале, вышедшем четыре года назад, Галип от него отмахнулся – случайность – и хотел уже было пойти домой, но Саим его удержал, сказав, что в его журналах (он так и говорил о них – «мои журналы») ничто и никогда не бывает случайным. За следующие два часа они провернули титаническую работу, просматривая номер за номером. Галипу казалось, что его глаза превратились в прожекторы. Первым делом они открыли, что Мехмет Йылмаз эволюционировал в Ахмета Йылмаза; в журнале, посвященном в основном крестьянской жизни (на обложке были изображены колодец и куры), Ахмет Йылмаз превратился в Мете Чакмаза. Саиму не составило труда установить, что и Метин Чакмаз, и Ферит Чакмаз – то же самое лицо; на некоторое время этот человек оставил теоретические статьи и стал сочинять политические песни – из тех, что поют под аккомпанемент саза⁴⁷ в табачном дыму на поминках по погибшим товарищам. Но и это было ненадолго. Одно время он доказывал, что все, кроме него самого, являются агентами полиции, затем с жаром принялся

⁴⁶ Джеймс Босуэлл (1740–1795), шотландский писатель и мемуарист, прославился благодаря принадлежащему его перу жизнеописанию английского поэта и литературного критика Сэмюэла Джонсона (1709–1784), а немецкий поэт Иоганн Петер Эккерман (1792–1854), друг и секретарь Гёте, известен главным образом как автор книги «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни».

⁴⁷ Саз – струнный музыкальный инструмент типа лютни.

разоблачать завиральные экономические идеи английских ученых с позиций математики. Но долго пребывать в этих невеселых амплуа ему не хватило терпения. Саим на цыпочках сходил в спальню за очередной подборкой журналов – и как в воду глядел: в номере, вышедшем три года и два месяца назад, снова обнаружился их знакомец. Теперь его звали Али Харикаульке⁴⁸, а писал он о том, что поскольку в будущем упадет всякая нужда в королях и королевах, то изменятся и шахматные правила; что детей по имени Али станут хорошо кормить, отчего они будут вырастать высокими и крепкими, и что на стенах разместятся, скрестив ноги по-турецки, веселые яйца с написанными на них именами и примутся разгадывать загадки. Из следующего номера выяснилось, что Али Харикаульке всего лишь перевел статью, а настоящим автором был профессор математики из Албании. Но удивило Галипа не это, а то, что под биографической справкой об албанском профессоре красовалась подпись бывшего мужа Рюйи, даже не подумавшего прятаться за каким-нибудь псевдонимом.

– Нет ничего удивительнее жизни! – гордо заявил Саим, глядя на растерянно молчащего Галипа. – Кроме написанного человеком слова.

Он снова на цыпочках сходил в спальню и принес две доверху набитые журналами большие коробки:

– Эти журналы издавала одна фракция, имеющая связи с Албанией. Я несколько лет пытался разгадать некую удивительную тайну – и в конце концов разгадал. Мне кажется, она имеет отношение к твоим поискам, так что я сейчас тебе ее поведаю.

Саим снова заварил чай, достал из коробок журналы, необходимые для рассказа, а с полка снял несколько книг и приступил к повествованию:

– Дело было шесть лет назад. Однажды в субботу после обеда я просматривал последний номер «Халкын эмеги»⁴⁹ – это один из журналов, придерживавшихся линии Албанской партии труда и ее лидера Энвера Ходжи. Тогда выходило три таких журнала, причем между ними шла ожесточенная полемика. Так вот, я листал «Халкын эмеги» в надежде найти что-нибудь интересное, и мое внимание привлекла одна фотография – ну и статья, которую она сопровождала. Фотография была сделана во время церемонии приема в организацию новых членов. Нет, я не был удивлен, что в нашей стране, где запрещена любая коммунистическая пропаганда, в ряды марксистской организации торжественно, под музыку и чтение стихов, принимают неофитов, а потом еще и открыто об этом пишут: все маленькие левые группы, чтобы выжить, вынуждены, пренебрегая опасностью, сообщать в каждом номере своих журналов, что их ряды ширятся. Удивило меня первым делом вот что: в подписи к черно-белой фотографии человека, декламирующего стихи под портретами Энвера Ходжи и Мао, и его слушателей, которые курили сигареты с таким видом, будто совершают священный обряд, особо указывалось, что в зале двенадцать колонн⁵⁰. Еще более странным мне показались вымышленные имена новых членов организации, приведенные в статье; все они были из тех, что принято давать у алевитов⁵¹: Хасан, Хусейн, Али... Впоследствии я выяснил, что это также и имена шейхов тариката бекташи⁵². Если бы я не знал, как сильно было когда-то влияние бекташи в Албании, я бы, наверное, и не почувствовал присутствия невероятной тайны – а так я провел четыре года, неустанно читая книги о бекташи, янычарах, хуруфитах⁵³ и албанских коммунистах, и в

⁴⁸ «Харика ульке» переводится как «прекрасная страна».

⁴⁹ Это название означает «Труд народа».

⁵⁰ Таково число праведных имамов, почитаемых мусульманами-шиитами.

⁵¹ Алевиты – ветвь шиитского направления в исламе. Название, вероятно, происходит от имени Али, зятя пророка Мухаммеда, хотя есть и другие версии.

⁵² Тарикат бекташи – дервишский суфийский орден, созданный в XIII веке легендарным Хаджи Бекташем (?–1270).

⁵³ Хуруфиты – одна из ветвей суфизма, основанная персидским поэтом и философом Наими (Фазлуллахом Наими Астрабади, ок. 1339–1401). Характерной чертой учения хуруфитов было мистическое значение, которое они придавали буквам.

конце концов раскрыл заговор, история которого уходит в прошлое на полтора столетия. Ты, конечно, знаешь, что...

И Саим начал излагать семисотлетнюю историю тариката бекташи, начиная с самого Хаджи Бекташа Вели. Он рассказал об алевитских, суфийских и шаманистских истоках тариката, о том, какую роль тот сыграл в образовании и возвышении Османской империи, о революционных и бунтарских традициях янычарского войска, основу которого составляли его приверженцы. Если подумать о том, что каждый янычар был одновременно и бекташи, сразу становится ясно, сколь глубокий отпечаток наложил тарикат и его свято хранимые тайны на историю Стамбула. Первое изгнание бекташи тоже было связано с янычарами: после того как в 1826 году султан Махмуд II приказал расстрелять из пушек казармы мятежного войска, не желавшего принимать новые, западные армейские порядки, текке бекташи, обеспечивавшие духовное единство янычар, были закрыты, а шейхи высланы из столицы.

Через двадцать лет после этого первого ухода в подполье бекташи вернулись в Стамбул, но под видом тариката накшбанди. Следующие восемьдесят лет, пока после установления Республики Ататюрк не запретил деятельность всех тарикатов, бекташи оставались накшбанди для внешнего мира, но только не для себя самих, и еще строже, чем прежде, хранили свои тайны.

Галип разглядывал гравюру с изображением обряда бекташи – скорее плод фантазии художника, чем отражение реальности – из лежащей на столе книги одного английского путешественника и считал колонны: так и есть, двенадцать.

– Третий приход бекташи, – продолжал Саим, – состоялся через пятьдесят лет после провозглашения Республики, но теперь не в виде тариката накшбанди, а под маской марксистско-ленинской организации...

И, немного помолчав, обрушил на Галипа град доказательств, выисканных в журналах, брошюрах, книгах, газетных вырезках, фотографиях и гравюрах. Все, что делали, говорили и писали в тарикате и в политической организации, точь-в-точь совпадало: все детали церемонии приема новых членов; испытательный период перед приемом, во время которого молодые кандидаты подвергались истязаниям и унижениям; почитание мучеников и святых и его формы; сакральное значение слова «путь»; идея единства и взаимопомощи, пусть и выраженная разными словами; зикр⁵⁴; то, как идущие одним и тем же путем посвященные узнают друг друга по усам, бороде и даже по взгляду; традиция играть на сазах и читать стихи во время обрядов, размер и рифмы этих стихов, и так далее, и тому подобное.

– Самое главное, – сказал Саим, – даже если все это не более чем совпадения и Всевышний сыграл со мной жестокую шутку, только слепой не увидит, как повторяется в журналах организации игра слов и букв, которой бекташи научились от хуруфитов. Тут не может быть никакого сомнения.

И в тишине, которую нарушали лишь доносившиеся откуда-то издалека свистки ночных сторожей, Саим начал медленно, словно молитву, читать отрывки, в которых обнаружил игру слов, сравнивая потаенные значения.

Текло время. Галип проваливался в сон, перед глазами плыли воспоминания о счастливых днях, проведенных с Рюей, и тут Саим объявил, что приступает «к самому главному и интересному». Нет, молодые люди, вступающие в политическую организацию, не знали, что становятся бекташи. Нет, большинство рядовых членов, за исключением, может быть, человек пяти, не имели представления о том, что среднее звено партийного руководства заключило тайное соглашение с проживающими в Албании шейхами тариката бекташи. Нет, благо-

⁵⁴ *Зикр* – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Аллаха. Во время произнесения зикра исполнитель может совершать особые ритмизированные движения, принимать определенную молитвенную позу.

родным, самоотверженным юношам, которые, вступив в организацию, отказывались от всех повседневных привычек и полностью меняли свою жизнь, и в голову не могло прийти, что фотографии, сделанные во время торжеств, церемоний, общих трапез и шествий, служили для албанских шейхов свидетельством того, что их тарикат продолжает жить в Турции.

– Сначала я думал, наивный, – говорил Саим, – что это чудовищный заговор, страшная, невероятная тайна, что этих молодых людей обманывают самым отвратительным образом. Я был так взволнован, что впервые за пятнадцать лет существования архива решил опубликовать статью о своем открытии, приведя в ней все подробности и доказательства, но быстро отказался от этой мысли. – Он замолчал, слушая, как доносится сквозь снежную пелену стон идущего по Босфору мрачного танкера, заставляющий мелко дрожать оконные стекла во всем городе, и прибавил: – Дело в том, что я понял: даже если удастся доказать, что наша жизнь – плод чьего-то чужого воображения, это абсолютно ничего не изменит.

Затем Саим поведал историю кочевого племени зерибан, которое поселилось на склонах горы, затерянной где-то в нехоженной глуши Восточной Анатолии, и два столетия готовилось совершить путешествие к горе Каф. Что изменилось бы, если бы эти люди узнали, что мечта о путешествии, в которое они никогда не отправятся, заимствована из книги снов, написанной за триста двадцать лет до того; что шейхи племени хранят эту тайну, передавая ее от отца к сыну, и что эти самые шейхи давным-давно договорились с властями империи, что ни к какой горе Каф не пойдут? Зачем объяснять солдатам, в воскресенье после обеда набившимся в кино-театр маленького анатолийского городка, чтобы посмотреть исторический фильм, что коварный христианский священник, задумавший напоить отравленным вином храброго турецкого воина, в обычной жизни скромный актер и правове́рный мусульманин? Чего этим добьешься, кроме того, что лишишь людей их единственного развлечения – возможности упиваться праведным гневом?

Ближе к утру, когда Галип клевал носом, сидя на диване, Саим, кажется, говорил о том, что, когда престарелые шейхи бекташи встретились с представителями партийного руководства в Албании в пустом, похожем на сон зале белого отеля в колониальном стиле начала века и со слезами на глазах рассматривали фотографии молодых турок, им и невдомек было, что на собраниях этим юношам рассказывают не о тайнах тариката, а об увлекательных идеях марксизма-ленинизма. Алхимики столетиями пытались добыть золото из свинца и не знали, что их труды обречены на неудачу, – но это вовсе не было их несчастьем; напротив, они только благодаря этому и существовали на свете. Современный иллюзионист может сколько угодно говорить зрителям, что его искусство всего лишь ловкость рук, но зритель лишь тогда бывает счастлив, когда, пусть на мгновение, способен поверить, будто имеет дело не с ловкостью рук, а с волшебством. Многие молодые люди влюблялись под влиянием где-то услышанного слова, истории или прочитанной вместе книги, женились на своих возлюбленных и счастливо проводили остаток дней, так и не догадавшись, что их любовь зародилась благодаря иллюзии. Пока Рукийе убирала со стола журналы, чтобы можно было позавтракать, Саим читал положенные под дверь свежие газеты.

– Знание о том, что все, буквально все статьи рассказывают, по сути, не о реальной, а о вымышленной жизни, тоже абсолютно ничего не меняет, – заметил он, на миг оторвавшись от чтения.

Глава 8

Три мушкетера

*Я спросил его о врагах. Он считал. Считал. Считал.
Беседы с Яхьей Кемалем⁵⁵*

Двадцать лет назад он боялся, что его похороны пройдут так, как было им описано тридцать два года назад. Точно так они и прошли. Присутствовало, если не считать покойного писателя, восемь человек: двое из маленького частного дома престарелых в Ускюдаре⁵⁶, где он провел последние годы своей жизни (уборщик и сосед по палате), журналист, которому он оказывал протекцию в годы самой громкой своей газетной славы (ныне пенсионер), два растерянных родственника, не имеющих ни малейшего представления о жизни и творчестве покойного, загадочная женщина в шляпке с вуалью и брошью, напоминающей украшение на тюрбане султана, имам и я. Поскольку похороны начались в самый разгар вчерашней снежной бури, имам постарался прочесть молитвы побыстрее, и мы поспешно побросали в могилу пригоршни земли – а потом, не знаю уж, как так получилось, но все сразу разошлись. Трамвая на остановке в Кысыклы я ждал в полном одиночестве. Добравшись до европейского берега, я зашел в кинотеатр «Альгамбра» в Бейоглу. Показывали фильм с Эдвардом Г. Робинсоном «Женщина в окне», и я от души им наслаждался: мне всегда нравился Эдвард Г. Робинсон. Герой фильма, невезучий служащий и неудачливый художник-любитель, менял облик и притворялся миллионером, чтобы произвести впечатление на любимую женщину – Джоан Беннетт. Оказалось, впрочем, что она тоже его обманывала. Узнав об этом, он был убит горем, уничтожен. Мы, зрители, тоже опечалились.

Когда я познакомился с покойным (в его статьях, кстати, нередко встречалась эта фраза), ему было семьдесят лет, а мне – тридцать. Я пришел на вокзал Сиркеджи, собираясь съездить на пригородном поезде в Бакыркёй к приятелю, и вдруг – что я вижу! Он сидел в кафе у начала перрона, а с ним – еще два легендарных журналиста времен моего детства и юности. Перед ними стояли стаканы с раки. Поразило меня не то, что этих трех старцев (всем им было семьдесят или чуть больше), которых воображение рисовало мне обитающими где-то на литературной горе Каф, я встретил именно в Сиркеджи, среди толпы простых смертных и вокзальной суеты; удивительно было видеть, что эти рыцари пера, которые всю жизнь друг друга ненавидели и всячески оскорбляли в своих статьях, сидят за одним столом и пьют вместе, словно мушкетеры Дюма-отца двадцать лет спустя. За свою полувековую журналистскую карьеру три газетных задиры, пережившие трех султанов, одного халифа и трех президентов, в чем только друг друга не обвиняли (и порой небезосновательно): в безбожии, младотуркизме⁵⁷, пособничестве иностранцам, национализме, масонстве, кемализме, республиканизме и измене родине, в верности султану, западничестве, сектантстве, плагиате, нацизме, симпатиях к евреям, арабам и армянам, в гомосексуализме, оппортунизме, исламизме, коммунизме, проамериканизме и, наконец, следуя новейшей моде, в экзистенциализме. (Один из них в то время писал, что величайшим экзистенциалистом в истории был Ибн Араби, а европейцы всего лишь украли его идеи семьсот лет спустя.) Некоторое время я внимательно наблюдал за тремя мушкетерами, а

⁵⁵ Яхья Кемаль Бятылы (1884–1958) – турецкий поэт.

⁵⁶ Ускюдар – район в азиатской части Стамбула.

⁵⁷ Младотуркизм – политическое движение в Османской империи, ставившее целью проведение либеральных реформ и создание конституционного государственного устройства. Младотуркам удалось свергнуть султана Абдул-Хамида II и провести половинчатые прозападные реформы, однако после поражения Турции в Первой мировой войне они потеряли власть.

затем, не в силах противиться искушению, подошел к их столику, представился и рассыпался в похвалах их творчеству, стараясь, чтобы каждому перепала своя доля славословий.

Мне хочется, чтобы читатели понимали: я был молод, порывист, честолюбив, успешен и уверен в себе; при этом, направляясь к их столику, я сам не мог решить, чего во мне больше – простодушной искренности или хитрости. Я тогда только-только получил в распоряжение собственную колонку, но тем не менее был убежден, что меня уже читают больше, чем их, что я получаю больше писем от читателей и, разумеется, лучше пишу, а также в том, что по крайней мере первые два обстоятельства им известны, иначе я не решился бы даже просто подойти к трем этим признанным мастерам моей профессии.

Так что когда они поморщились при виде меня, я с восторгом принял это за знак своей победы. Несомненно, они обошлись бы со мной куда лучше, если бы я был не молодой популярный журналист, а обычный читатель, желающий выразить свое восхищение. Они не сразу предложили мне сесть – я подождал. Потом усадили, но тут же отправили на кухню, словно официанта, – я послушно сходил. Затем им захотелось взглянуть на некий еженедельник – я сбегал за ним к газетному киоску. Одному я очистил апельсин, другому проворно протянул подобранную с пола салфетку, которую он обронил, прежде чем старик успел за ней нагнуться; на вопросы отвечал именно так, как им хотелось, – теряясь и конфузясь: нет, эфенди, французским, к сожалению, не владею, но по вечерам пытаюсь со словарем разобрать «Цветы зла». Подобное невежество делало мою победу еще более неприглядной в их глазах, но робость и смущение смягчали вину.

Через много лет я сам буду проделывать такие штуки с молодыми журналистами и мне окончательно станет ясно, что, когда три мэтра беседовали между собой, делая вид, будто не обращают на меня внимания, на самом деле они старались произвести впечатление. Я слушал их в почтительном молчании. По каким причинам знаменитый немецкий ученый-атомщик, чье имя не сходило в те дни с первых полос, был вынужден принять ислам? Когда отец турецкой публицистики Ахмет Митхад однажды ночью подстерег на темной улице и побил Саидбея, по прозвищу Ластик, который победил его в газетной полемике, взял ли он с коллеги слово эту полемику прекратить? Кем был Бергсон – мистиком или материалистом? Каковы доказательства существования тайного «второго мира» внутри нашего? Кто те поэты, что подвергают порицанию в последних аятах двадцать шестой суры Корана за то, что не верят в необходимость обрядов и не соблюдают их, но притворяются, что соблюдают? И кстати, был ли Андре Жид и в самом деле гомосексуалистом или же, видя, какое любопытство вызывает эта тема у публики, притворялся таковым, подобно арабскому поэту Абу Нувасу, а сам очень даже любил женщин? Отчего Жюль Верн, описывая в первом абзаце романа «Упрямец Керабан» площадь Топхане и источник Махмуда I, допустил ошибку – потому ли, что пользовался гравюрой Меллинга, или же оттого, что поверил описанию из «Путешествия на Восток» Ламартина? Зачем Мевляна⁵⁸ включил в «Месневи» рассказ о женщине, скончавшейся во время сношения с ослом, – по причине занимательности сюжета или ради содержащейся в этой истории морали?

Обсуждая последний вопрос в самых изысканных и осторожных выражениях, старцы поглядывали на меня, вопросительно поднимая седые брови, так что я тоже высказал свое мнение: этот рассказ, как и все остальные, Мевляна вставил в свое сочинение ради сюжета, но его необходимо было прикрыть вуалью морали. Тот, на чьи похороны я ходил вчера, поинтересовался: «Сын мой, вы свои статьи пишете из нравственных побуждений или для развлечения?» Желая показать, что у меня есть твердое мнение по любому вопросу, я выпалил первое, что взбрело мне в голову: «Для развлечения, эфенди!» Это не пришлось им по вкусу.

⁵⁸ Мевляна (досл. с араб. наш господин) – эпитет Джалаледдина Руми (1207–1273), выдающегося поэта и философа-суфия. Большую часть жизни Руми прожил в городе Конья на территории современной Турции, однако писал на фарси.

«Вы еще молоды и только начинаете свой путь в профессии, – сказали мне. – Пожалуй, надо дать вам несколько советов». Я тут же вскочил с места: «Эфенди, мне бы хотелось записать ваши наставления!» – и бросился к кассе, чтобы взять у хозяина кафе стопку бумаги. На этих-то листках, где с одной стороны было отпечатано название заведения, я и записал зелеными чернилами эмалированной авторучки советы относительно журналистского ремесла, которые преподали мне три мэтра во время нашей долгой воскресной беседы. Сейчас я хочу поделиться этими советами с вами, мои читатели.

Я знаю, среди вас есть несколько человек, нетерпеливо ждущих, когда же я хотя бы на ухо вам прошепчу имена этих трех давно забытых мастеров пера; но раз мне удалось, дописав статью до этого места, не назвать их, то не сделаю я этого и сейчас. И не потому, что не хочу потревожить их вечный сон в могилах, а чтобы отделить тех читателей, кто имеет право узнать эти имена, от тех, кто такого права не имеет. С этой целью я наделю каждого из трех покойных журналистов псевдонимом, из тех, которые использовали в своих стихотворениях⁵⁹ султаны Османской империи. Тот, кто сможет определить настоящие имена султанов-стихотворцев и провести параллель между ними и именами моих мэтров, тот, очевидно, сумеет разгадать и эту не столь уж интересную загадку. Но настоящая, главная загадка кроется в разыгранной мастерами шахматной партии гордости, где каждый совет был ходом. Эту загадку, прекрасную в своем совершенстве, я так и не смог раскрыть, и потому, уподобившись тем бесталанным бедолагам, что не в силах понять ходы гроссмейстеров, но все же комментируют их в шахматных рубриках журналов, я кое-где между наставлениями мастеров вставил в скобках свои скромные комментарии и посильные соображения.

А – Адли. В тот зимний день на нем был кремовый костюм из английской ткани (я так пишу, потому что у нас любую дорогую ткань называют английской) и темный галстук. Высокий, ухоженный, седые усы аккуратно расчесаны. Ходит с тростью. Выглядит как английский джентльмен без средств, впрочем не уверен, можно ли быть джентльменом, не имея оных.

Б – Бахти. Узел галстука ослаблен, сам галстук перекошен, как и лицо. Одет в старый помятый пиджак, на котором заметно несколько пятен. Под пиджаком виднеется жилет, а к жилетному карману тянется цепочка от часов. Толстый, неопрятный. Постоянно курит, ласково называет сигарету своим единственным другом. В будущем этот друг, оказавшийся предателем, убьет его, доведя до инфаркта.

Джс⁶⁰ – Джемали. Невысокий, нервный. Старается выглядеть опрятным и аккуратным, одет, однако, бедно, как школьный учитель на пенсии. Выцветший пиджак, похожий на куртку почтальона, ботинки на толстой резиновой подошве. Очки с толстыми стеклами – сильная близорукость. Очень, даже как-то вызывающе некрасив.

Итак, вот они, полученные мною наставления, в сопровождении моих жалких комментариев.

1. Джс. Писать, имея в виду лишь доставить удовольствие читателю, – значит остаться без компаса в открытом море.

2. Б. Однако журналист не Эзоп и не Мевляна. Мораль всегда проистекает из сюжета, а не наоборот.

3. Джс. Когда пишешь, равняйся не на ум читателя, а на свой собственный.

4. А. Компас – это сюжет. (Несомненно, ответ на первую реплику Дж.)

5. Джс. Не разобравшись в тайне нашей истории и наших кладбищ, нельзя писать ни о нас, ни вообще о Востоке.

⁵⁹ В соответствии с канонами средневековой турецкой поэзии автор должен был упомянуть свое имя в последней строфе стихотворения.

⁶⁰ Буква «С», которая читается как «дж», – третья в турецком алфавите.

6. *Б.* Ключ к пониманию Востока и Запада ищи в словах Бородача Арифа: «О вы, несчастные, что плывете на безмолвном корабле на Восток, но глядите на Запад!» (Бородач Ариф – герой колонки Б, срисованный им с реального человека.)

7. *А, Б и Дж.* Возьми за правило запоминать пословицы, поговорки, анекдоты, шутки, цитаты из стихотворений, афоризмы.

8. *Дж.* Не стоит, выбрав тему, подыскивать афоризм для ее украшения; выбери сначала афоризм, а потом найди тему, достойную этого украшения.

9. *А.* Не придумав первой фразы, не садись за письменный стол.

10. *Дж.* Когда пишешь, нужно искренне верить в свою правоту.

11. *А.* Но если не веришь, постарайся хотя бы, чтобы читатель верил в то, что ты веришь.

12. *Б.* Читатель – это ребенок, мечтающий поехать на ярмарку.

13. *Дж.* Читатель не прощает тех, кто оскорбляет Пророка, а Аллах за такое карает параличом. (Решил, что репликой номер 11 хотели задеть его, и намекает на еле заметный парез уголка рта А, который в свое время написал статью о семейной жизни и коммерческих делах Мухаммеда.)

14. *А.* Люби карликов, их и читатель любит. (Ответ Дж с намеком на его малый рост.)

15. *Б.* Хорошая тема, например, таинственный дом карликов в Ускюдаре.

16. *Дж.* Борьба тоже хорошая тема, но только если ей занимаются и о ней пишут из любви к спорту. (Решил, что реплика номер 15 тоже обращена к нему, и намекает на слухи о любви Б к юношам, возникшие из-за того, что тот интересовался борьбой и писал о борцах истории с продолжением.)

17. *А.* Читатель – человек небогатый, хороший семьянин, у него четверо детей и ум двенадцатилетнего ребенка.

18. *Дж.* Читатель неблагодарен, как кошка.

19. *Б.* Кошка – животное умное и благодарное, просто она знает, что нельзя доверять журналистам, любящим собак.

20. *А.* Интересуйся не кошками и собаками, а проблемами страны.

21. *Б.* Узнай адреса иностранных консульств. (Намек на слухи о том, что во время Второй мировой войны Дж находился на содержании у германского консульства, а А – у британского.)

22. *Б.* Не избегай полемики, но только если уверен, что сильнее противника.

23. *А.* Не избегай полемики, но только если уверен, что владелец газеты на твоей стороне.

24. *Дж.* Не избегай полемики, но только если уверен, что сможешь захватить с собой пальто. (Намек на знаменитое объяснение Б, почему он не принял участие в Освободительной войне⁶¹ и остался в оккупированном Стамбуле: «Я не переносу анкарских зим!»)

25. *Б.* Отвечай на письма читателей. Если писем нет, пиши себе сам и отвечай.

26. *Дж.* У всех нас одна мать, один главный учитель – Шахерезада. Не забывай, что ты, как и она, лишь вставляешь в поток событий, называемый жизнью, истории на пять – десять страниц.

27. *Б.* Читай мало, но с любовью, и будешь выглядеть более начитанным, чем тот, кто читает много, но со скукой.

28. *Б.* Не будь стеснительным, знакомься с людьми, о которых можно будет написать воспоминания после их смерти.

29. *А.* Не начинай некролог с соболезнований и не заканчивай оскорблением покойного.

⁶¹ *Освободительная война* (Война за независимость) – война турок во главе с Мустафой Кемалем против последовавшей за Первой мировой войной (в которой Османская империя выступала на стороне Германии) интервенции стран Антанты (Великобритании, Италии, Франции), Греции и новосозданной Демократической Республики Армения и за установление Республики. Началась с оккупации греческой армией города Смирны (Измир) в мае 1919 года и закончилась подписанием Лозаннского мирного договора в 1923 году.

30. А, Б и Дж. Заставляй себя удерживаться от следующих фраз: а) «Еще вчера он был с нами»; б) «Наше ремесло неблагодарно: написанное забывают на следующий день»; в) «Слышали ли вы вчера по радио такую-то передачу?»; г) «Как летит время!»; д) «Что бы сказал об этом покойный, если бы был жив?»; е) «В Европе такого не бывает»; ж) «Столько-то лет назад хлеб стоил столько-то»; з) «Кстати, это происшествие напомнило мне...».

31. Дж. Слово «кстати» вообще простительно употреблять только начинающим газетчикам, не владеющим искусством журналистики.

32. Б. Если в журналистике и есть что-то от искусства, то это не то, что делает ее журналистикой; сама журналистика – что угодно, только не искусство.

33. Дж. Не стоит благосклонно относиться к уму, который удовлетворяет свою страсть к искусству, насилуя поэзию. (Намек на упражнения Б в стихотворстве.)

34. Б. Пиши легко, тогда и читать тебя будет легко.

35. Дж. Пиши с трудом, вот тогда точно будет легко читать.

36. Б. Будешь писать с трудом – заработаешь язву.

37. А. Если заработал язву, значит, стал настоящим мастером. (Тут они все вместе рассмеялись, сообразив, что впервые кто-то из них сказал другому что-то приятное.)

38. Б. Постарей как можно скорее.

39. Дж. Постарей как можно скорее, чтобы можно было написать хорошую осеннюю статью! (Снова обменялись ласковыми улыбками.)

40. А. Три главные темы, конечно же, смерть, любовь и музыка.

41. Дж. Но сначала нужно решить для себя, что же такое любовь.

42. Б. Ищи любовь. (Напомню читателям, что наставления перемежались долгими задумчивыми паузами.)

43. Дж. Скрывай свою любовь, ибо ты журналист.

44. Б. Любить – значит искать.

45. Дж. Будь скрытным, пусть думают, что у тебя есть тайна.

46. А. Производи впечатление, что у тебя есть тайна, тогда тебя будут любить женщины.

47. Дж. Каждая женщина – зеркало. (Тут открыли новую бутылку раки и предложили мне тоже выпить.)

48. Б. Помни нас, помни хорошенько! («Конечно, эфенди, буду помнить!» – воскликнул я и не соврал: мои внимательные читатели понимают, что многие свои статьи я написал, вспоминая трех мэтров и их истории.)

49. А. Ходи по улицам, смотри на лица – вот тебе и готовая тема.

50. Дж. Давай понять, что тебе известны исторические тайны, но ты, увы, не можешь о них писать. (Здесь Дж. рассказал одну историю, которую я перескажу как-нибудь в другой раз, о влюбленном, который говорил своей любимой: «Я есть ты», и мне впервые почудилось присутствие некой тайны, усадившей за один стол этих трех журналистов, полвека оскорблявших друг друга.)

51. А. Не забывай, что весь мир настроен к нам враждебно.

52. Б. Наш народ любит своих генералов, детство и матерей, люби и ты.

53. А. Не пользуйся эпитафиями – они убивают тайну написанного.

54. Б. Если же суждено ей умереть, то убей сам и тайну, и лжепророка, выдавшего ее.

55. Дж. Если будешь пользоваться эпитафиями, то не бери их из западных книг, герои которых не похожи на нас, равно как и авторы, и, уж конечно, не бери их из тех книг, которые не читал, ибо именно так поступает Даджал⁶².

56. А. Не забывай, что ты и шайтан, и ангел, и Даджал, и Он. Ибо читателю скучен и совсем злой, и однозначно добрый автор.

⁶² Даджал – в исламской традиции лжемессия, аналогичный христианскому Антихристу.

57. *Б.* Однако если читатель с ужасом поймет, что принимал Даджаля за Него, что тот, кого он считал Спасителем, – Даджаль, что его обманули, – ей-богу, он подстережет тебя на темной улице и убьет!

58. *А.* Да, и поэтому храни, ни в коем случае не выдавай тайну профессии.

59. *Дж.* Не забывай, что твоя тайна – любовь. Любовь – ключевое слово.

60. *Б.* Нет, ключевое слово начертано на наших лицах. Смотри и слушай.

61. *А.* Любовь, любовь, любовь, любовь!..

62. *Б.* Не бойся заимствовать у других, ибо вся тайна того, что мы с таким трудом читаем и пишем, вся наша тайна скрыта в нашем мистическом зеркале. Ты знаешь рассказ Мевляны «Состязание художников»? Он его тоже позаимствовал, но сам... (Тут я сказал, что да, знаю.)

63. *Дж.* Однажды, когда ты состаришься и тебя спросят, может ли человек быть самим собой, ты тоже задашься вопросом, сумел ли постичь эту тайну. Не забудь! (И я не забыл.)

64. *Б.* Помни также старые автобусы и на скорую руку написанные книги, помни тех, кто терпит и понимает, – но и о тех, кто не понимает, тоже не забывай!

Откуда-то – может быть, из внутреннего помещения кафе – доносилась песня о любви, страданиях и бессмысленности жизни. В какой-то момент мэтры забыли обо мне и, вспомнив, что каждый из них – пожилая усатая Шахерезада, принялись по-дружески, по-братски, печально рассказывать друг другу истории.

Вот некоторые из них. Смешная и одновременно грустная история о несчастном журналисте, единственным страстным увлечением которого много лет подряд было сочинение рассказов о путешествии Мухаммеда на седьмое небо, – а потом он узнал, что нечто подобное уже написал Данте, и до слез расстроился. История о сумасбродном извращенце-султани, который в детстве гонял с сестрой воробья на огородах. История о писателе, переставшем видеть сны, когда от него ушла жена. История о читателе, который вообразил себя одновременно и Альбертиной, и Прустом⁶³. История о журналисте, который, переодевшись, стал султаном Мехметом Завоевателем⁶⁴, и так далее, и тому подобное.

⁶³ *Альбертина* – героиня романа «Беглянка» (1927), шестого из цикла «В поисках утраченного времени» французского писателя Марселя Пруста (1871–1922).

⁶⁴ *Мехмет* (Мехмед) *II Завоеватель* (1432–1481) – султан Османской империи в 1444–1446 и 1451–1481 годах. В 1453 году турецкая армия под его командованием взяла Константинополь.

Глава 9

За мной кто-то следит

То снег шел, то было темно.
*Шейх Галип*⁶⁵

Весь день в памяти Галипа снова и снова будет всплывать, словно единственная незабытая подробность кошмарного сна, старое кресло, которое он увидел, когда, выйдя утром из дома своего друга Саима, шел в Каракёй по старым, узким, кое-где снабженным ступеньками тротуарам Джихангира. На одном из круто уходящих вниз, в сторону Топхане, переулков, по которым когда-то бродил Джелаль, пытаясь напасть на след торговцев опиумом и гашишем, было несколько еще закрытых лавок, где днем торговали обоями, линолеумом и мебелью; перед одной из них и стояло кресло. Лак на поручнях и ножках облупился, на кожаном сиденье рваной раной зияла дыра, из которой, словно кишки из развороченного ядром брюха кавалерийской лошади, уныло торчали ржавые пружины.

Когда Галип добрался до Каракёя, на площади – хотя шел девятый час – было так же пустынно, как и в переулке, где стояло кресло, и он уже был готов поверить, что всем стало известно о приближении какой-то катастрофы. Словно бы готовясь к этой катастрофе, связали друг с другом канатами пароходы, которым следовало отправляться в рейс; пристани опустели, а уличные торговцы, фотографы и темнолицые попрошайки, обычно толпящиеся на Галатском мосту, будто решили отдохнуть хотя бы в последние дни своей жизни. Облокотившись на перила моста и глядя вниз, на мутную воду, Галип вспомнил, как когда-то в этом месте собирались мальчишки, нырявшие за монетками, которые туристы-христиане бросали в залив Золотой Рог, а потом подумал, как же так вышло, что Джелаль в своей статье про день, когда отступят воды Босфора, не написал об этих монетках, которые через много лет обретут совсем другое символическое значение.

Войдя в контору, Галип сел за стол и стал читать новую статью Джелалья. Собственно говоря, статья была не новая, несколько лет назад ее уже публиковали. Это означало, что Джелаль давно не присылал в газету новых статей, – но могло быть и тайным знаком, говорящим о чем-то другом. То обстоятельство, что центральное место в статье занимал вопрос «Трудно ли вам быть самими собой?», равно как и то, что его задавал парикмахер, с одинаковой степенью вероятности могло отсылать не к смыслу, очевидно заложенному в статье, а к какому-то другому, скрытому в мире за ее пределами.

Галип вспомнил, что говорил ему когда-то на эту тему Джелаль: «Большинство людей не замечают главных особенностей предметов и явлений – просто потому, что эти особенности находятся прямо у них под носом, а вот второстепенные детали привлекают их внимание – именно потому, что их надо еще разглядеть. Оттого в своих статьях я не говорю открыто о том, что хочу показать читателю, а прячу мысль в каком-нибудь уголке, но не очень глубоко, словно играю с детьми, и читатель, отыскав спрятанную мысль, готов по-детски уверовать в ее истинность. Хуже всего, когда читатель откладывает газету в сторону, не поняв ни прямого смысла статьи, маячившего у него прямо перед носом, ни других, скрытых или возникших случайно смыслов, для понимания которых требуется немного терпения и сообразительности».

Галип отложил газету в сторону и, не в силах противиться желанию увидеть Джелалья, отправился в редакцию «Миллийет». Он знал, что Джелаль чаще приходит туда именно по выходным, когда в редакции малолюдно, и надеялся застать его в кабинете одного. Поднимаясь вверх по улице, он решил пока сказать Джелалю, что Рюйя немного приболела, а потом

⁶⁵ *Шейх Галип* (1757–1798) – турецкий поэт и мистик.

поведать историю о безутешном клиенте, от которого якобы ушла жена. Интересно, какотреагирует Джелаль? От преуспевающего, честного, трудолюбивого, умного, уравновешенного и вообще хорошего человека ни с того ни с сего, презрев все наши исторические традиции, уходит жена! О чем это может говорить? Какое тайное значение может таиться в этом поступке, знак какой беды? Внимательно, во всех подробностях выслушав рассказ Галипа, Джелаль все объяснит. Когда Джелаль начинал объяснять, все в мире обретало смысл и «скрытые» истины, лежащие прямо у нас под носом, становились поразительными деталями захватывающей истории, которая и раньше была нам знакома, только мы этого не знали; и жить становилось легче. Проходя мимо иранского консульства и глядя на блестящие от влаги ветви деревьев в его саду, Галип подумал, что хотел бы жить не в своем мире, а в том, о котором рассказывал Джелаль.

В кабинете Джелиля не оказалось. На столе царил идеальный порядок, пепельница пуста, чайной чашки нет. Галип уселся в фиолетовое кресло, в котором всегда сидел, когда приходил сюда, и приготовился ждать. Его не оставляла уверенность, что скоро он услышит где-то за стеной смех Джелиля.

К тому времени, как от этой уверенности не осталось и следа, Галип успел многое вспомнить. Например, как он впервые пришел в редакцию – не спросив разрешения, вместе со школьным приятелем (который позже влюбится в Рюю), под тем предлогом, что они хотят взять приглашение на радиовикторину. (На обратном пути Галип смущенно сказал: «Он бы и типографию нам показал, да у него времени не было». Но одноклассник его не слушал: «Ты видел фотографии женщин у него на столе?») Когда Галип в первый раз пришел сюда вместе с Рюей, Джелаль сводил их в типографию. («Вы тоже хотите стать журналистом, маленькая ханым?» – спросил пожилой наборщик, а Рюя на обратном пути задала Галипу тот же вопрос.) Когда-то этот кабинет казался ему чертогами из «Тысячи и одной ночи», где сочиняют чудесные истории и придумывают удивительные жизни, которые сам он никогда не смог бы вообразить, а потом переносят их на бумагу.

Надеясь найти какие-нибудь новые истории и перестать, перестать наконец думать о прошлом, Галип начал поспешно рыться в столе Джелиля. Найдено было следующее: нераспечатанные письма от читателей, ручки, вырезки из газет (отмеченная зеленой шариковой пастой заметка о преступлении, совершенном много лет назад ревнивым мужем), вырезанные из иностранных журналов портреты, заметки, сделанные Джелилем на листках бумаги («Не забыть: история шехзаде»), бутылочки из-под чернил, спичечные коробки, ужасно некрасивый галстук, популярные общедоступные книжки о шаманизме, хуруфизме и укреплении памяти, пузырек со снотворными таблетками, сосудорасширяющие лекарства, остановившиеся наручные часы, ножницы, распечатанное письмо от читателя с вложенными в конверт фотографиями (на одной Джелаль был запечатлен вместе с каким-то лысым офицером, двумя борцами и очаровательной анатолийской овчаркой на открытом воздухе рядом с кофейней), цветные карандаши, расчески, мундштуки и разноцветные шариковые ручки.

В бюваре на столе Галип обнаружил две папки, на которых было написано «Использованные» и «Запасные». В первой лежали отпечатанные на машинке статьи Джелиля, опубликованные в последние шесть дней, и статья для воскресного номера – ее, должно быть, уже набрали и положили назад.

В папке с надписью «Запасные» было всего три статьи, и все три уже публиковались когда-то, много лет назад. Скорее всего, еще одна статья, на понедельник, лежала сейчас на первом этаже перед наборщиком, а стало быть, статей в папке должно было хватить до четверга. Могло ли это означать, что Джелаль, никому о том не сообщив, куда-нибудь уехал, скажем отдохнуть? Вряд ли. Джелаль никогда не выезжал из Стамбула.

Надеясь разузнать что-нибудь о Джелиле, Галип заглянул в просторное помещение отдела публицистики и наугад подошел к столу, за которым сидели, беседуя, два пожилых человека. Один из них был известный всем под псевдонимом Нешати вспыльчивый старик, который

некогда вел с Джелялем ожесточенную полемику, а теперь печатал в своей колонке (далеко не столь популярной, как колонка Джеляля) воспоминания, полные желчи и нравоучений. Лицо Нешати было угрюмо, словно морда бульдога, точь-в-точь как на фотографии, сопровождавшей его публикации.

– Джеляль-бей уже несколько дней отсутствует! – сказал он. – А вы ему кем приходитесь?

Второй журналист тоже поинтересовался, зачем Галип разыскивает Джеляль-бея, и только тут Галипу удалось вспомнить, кто это такой, – пронырливый Шерлок Холмс в темных очках из раздела светской хроники. Ему все обо всех было ведомо. Он знал, в каких шикарных заведениях, на каких улочках Бейоглу и у каких мадам работали столько-то лет назад кинозвезды, ныне усвоившие жеманные манеры ханым-эфенди османских времен. Знал, что канатоходка, которую привезли из провинциального французского городка в Стамбул под видом знаменитой аргентинской певицы аристократического происхождения, на самом деле мусульманка из Алжира.

– Стало быть, вы его родственник, – изрек Шерлок Холмс. – А мне между тем известно, что после смерти матери у Джеляль-бея родственников не осталось.

– Ну нет, – перебил его любитель полемики, – если бы не родственники, Джеляль-эфенди ни за что не достиг бы своего нынешнего положения. Взять хотя бы мужа его старшей сестры, который в свое время очень ему помогал, научил писать статьи, а Джеляль отплатил за это предательством. То был человек весьма набожный, ходил в текке накшбанди, тайно устроенную в Кумкапы на бывшей мыловарне, участвовал в обрядах, в которых использовали, помимо всего прочего, цепи, прессы для оливок, свечи и отливочные формы для мыла, – и каждую неделю писал о своих товарищах по радениям доносы в Управление безопасности. Делал он это для того, чтобы доказать военным, что мюриды⁶⁶ тариката на самом деле не занимаются ничем таким, что могло бы нанести вред государству. Свои доносы он показывал Джелялю: пусть молодой родственник, интересующийся журналистикой, поучится, как надо писать, разовьет литературный вкус. Стиль этих сочинений, который впоследствии, в годы своего увлечения левыми идеями, Джеляль без зазрения совести использовал, был основан на аллегориях и метафорах, позаимствованных у Аттара⁶⁷, Хорасани⁶⁸, Ибн Араби и Боттфолио⁶⁹. Откуда было знать читателю, увидевшему в этих сплосшь трафаретных приемах новые мосты, соединяющие нас с прошлым, что придумал сии пастиши совсем другой человек? Муж его сестры, память о котором Джелялю хотелось стереть, был настоящим мастером на все руки. Он изобрел ножницы с зеркальцем, облегчившие труд парикмахеров, усовершенствовал инструмент для обрезания, дабы полностью исключить вероятность ужасных ошибок, омрачивших будущую жизнь стольким мальчикам, придумал виселицу, позволяющую отправлять приговоренных на тот свет, не причиняя им мучений, поскольку вместо намыленной веревки использовалась цепь, а вместо табурета – сыпучий грунт. В те времена, когда Джеляль еще испытывал необходимость в общении с любимой старшей сестрой и ее мужем, он вздохнул и написал об этих изобретениях в рубрике «Хочешь – верь, хочешь – нет».

– Прошу прощения, но все было совсем не так! – возразил автор светской хроники. – В те годы, когда Джеляль-бей писал для рубрики «Хочешь – верь, хочешь – нет», он был совершенно одинок. Сейчас я расскажу вам эпизод, который знаю не с чьих-то слов – он произошел у меня на глазах.

⁶⁶ *Мюрид* (араб. последователь, ученик) – в суфизме ученик, находящийся на первой (низшей) ступени посвящения и духовного самосовершенствования. Мюрид должен подчинить свою волю воле Аллаха, а также воле своего учителя, шейха. После подчинения шейху мюрид проходит духовный путь, становясь «путником» (саликом).

⁶⁷ Фарид-ад-дин Мохаммед бен Ибрахим *Аттар* – персидский поэт-суфий XII века.

⁶⁸ Нурбахш *Хорасани* (1392–1464) – суфийский шейх и поэт.

⁶⁹ *Боттфолио* – вымышленное автором лицо.

Рассказ пожилого журналиста напоминал сцену из какого-нибудь старого турецкого фильма, повествующего о бедной и одинокой юности положительного героя, которого в конце концов ждет успех. Приближается новогодняя ночь. Обшарпанный деревянный дом в бедном квартале. Молодой репортер Джеляль сообщает матери, что богатые родственники пригласили его на новогоднюю вечеринку в Нишанташи. Там он будет развлекаться в шумной компании веселых кузин и избалованных кузенов, а потом, может быть, отправится еще куда-нибудь. У его матери-портнихи, для которой самое большое счастье – знать, что счастлив ее сын, есть для него радостное известие: этой ночью она ушила и подновила старый пиджак покойного отца Джеляля. Джеляль надевает пиджак – он точно впору, и мать не может сдержать слез: «Как ты похож на папу!» Узнав, что на вечеринку вместе с сыном пойдет его приятель, тоже молодой журналист, счастливая мать окончательно успокаивается. Спустившись по темной холодной лестнице и выйдя на грязную улицу, приятель Джеляля узнаёт, что на самом деле тот не зван в эту новогоднюю ночь ни к богатым родственникам, ни к кому бы то ни было еще. Мало того, ему нужно будет остаться на ночное дежурство в редакции, чтобы было чем оплатить операцию для своей матери, которая слепнет, работая по ночам при свече.

Рассказ закончился, наступила тишина. Потом Галип попробовал было заметить, что некоторые детали истории не совпадают с реальными обстоятельствами жизни Джеляля, но собеседники не обратили на его слова особого внимания. Да, конечно, они могли ошибаться относительно некоторых дат или родственных связей. Если отец Джеляль-бея и вправду жив (вы точно в этом уверены?), то, очевидно, они спутали отца с дедом. А может быть, и вместо старшей сестры на самом деле была тетка. Однако не оставалось сомнений, что они не считают эти ошибки столь уж важными. Журналисты пригласили Галипа сесть за стол, угостили его сигаретой, спросили, кем именно он приходится Джелялю (ответ, впрочем, пропустили мимо ушей), и, порывшись в памяти, принялись извлекать на свет аргументы, словно расставляли фигуры на воображаемой шахматной доске.

Джеляль просто купался в любви своей семьи, так что в те безнадежные времена, когда запрещалось критически освещать что-либо, кроме проблем городского благоустройства, ему стоило лишь обратиться к воспоминаниям детства, проведенного в большом особняке, из каждого окна которого были видны липы, чтобы тут же написать статью, смысл которой не могли понять ни читатели, ни цензоры.

Нет, если не брать в расчет коллег, Джеляль почти ни с кем не общался. Собираясь посетить какое-нибудь многолюдное сборище, он всегда просил, чтобы его сопровождал пользующийся доверием знакомый, способный в точности копировать его жесты и речь, а также манеру одеваться и вести себя за столом.

Нет, вовсе не так, ибо чем еще, как не поддержкой влиятельных родственников, чьей незаслуженной любовью он пользовался, можно объяснить тот факт, что начинающему журналисту, который всего лишь составлял кроссворды и готовил материалы для рубрики «Советы» на женской странице, через три года дали колонку, вызывавшую громкий резонанс не только в нашей стране, но также на Балканах и Ближнем Востоке, и он принялся преспокойно публиковать в ней всякую клевету?

А помните, как один наш прогрессивный государственный деятель устроил праздник по случаю восьмого дня рождения сына? Он хотел поспособствовать тому, чтобы добрый обычай праздновать день рождения (а это ведь один из краеугольных камней западной цивилизации) прижился и на нашей почве. На торжество позвали друзей мальчика, пригласили журналистов; играла пианистка европейского происхождения, подали клубничный кремовый торт с восьмью свечками. Джеляль в своей колонке с необъяснимо безжалостной издевкой разнес этот праздник в пух и прах, и не по каким-то идеологическим, политическим или эстетическим причинам, как многие думали, нет. Он просто с горечью понял, что его самого отец никогда так не любил, да и не только отец – никто.

Сейчас его невозможно нигде найти. Адреса и телефоны, которые он оставил, на поверку оказались ложными или просто вымышленными – и все это из-за странного, необъяснимого отвращения, которое он питает к любящим его близким и дальним родственникам, да и ко всем людям вообще. (Это было сказано в ответ на вопрос Галипа, где можно найти Джеляля.)

Нет-нет, он сам себя отправил в ссылку и спрятался в неведомом уголке города, разумеется, по иной причине. Он просто наконец осознал, что никогда не избавится от своей нелюбимости, мрачным ореолом сопровождающей его с самого детства, не излечится от неумения сблизиться с людьми, и, словно потерявший надежду больной, забился в какую-нибудь каморку и покорно отдался во власть бесконечного и безнадежного одиночества.

Галип заикнулся было о том, что надо бы разыскать эту каморку, потому что с Джеляль-беем хочет встретиться европейская телевизионная группа, но Нешати прервал его:

– Джеляль-бей скоро укажут на дверь! Он уже десять дней не присылает ничего нового. А те статьи, что он оставил в качестве запасных, были напечатаны двадцать лет назад, это всем известно!

Журналист из отдела светской хроники не обманул ожиданий Галипа – тут же возразил, что статьи Джеляля пользуются сейчас большим успехом, чем когда бы то ни было, ему постоянно звонят, почтальон каждый день приносит не менее двадцати писем на его имя.

– Ну да, – огрызнулся Нешати, – письма от проституток, сутенеров, террористов, гедонистов, торговцев наркотиками и старых бандитов, которых он так нахваливал. Им есть что ему предложить!

– А ты их тайком вскрываешь, что ли? – поинтересовался Шерлок Холмс.

– Как и ты! – парировал Нешати.

И оба, словно довольные дебютными ходами шахматисты, откинулись на спинки стульев. Нешати достал из внутреннего кармана пиджака маленькую коробочку. Показав ее Галипу, словно фокусник, демонстрирующий зрителям предмет, который вскоре волшебным образом исчезнет, он пояснил:

– Это единственное, что у нас осталось общего с Джеляль-беем, чьим родственником вы назвались. Желудочное лекарство. Сразу останавливает выделение кислоты. Дать вам одну таблеточку?

Галип все никак не мог понять, с чего началась и к чему должна привести эта игра, но ему хотелось в нее вступить, так что он взял белую таблетку и проглотил ее.

– Понравилась вам наша игра? – улыбаясь, спросил старый публицист.

– Я пытаюсь понять ее правила, – осторожно сознался Галип.

– Вы читаете мои статьи?

– Читаю.

– А когда вы берете в руки газету, чьи публикации читаете первым делом – мои или Джеляля?

– Джеляль-бей – мой родственник.

– И только поэтому вы читаете сначала его? Разве родственные связи важнее хорошей статьи?

– Джеляль и пишет замечательно!

– Такие статьи всякий может строчить. Как вы этого не понимаете? – рассердился старик. – К тому же большинство из них длиннее, чем полагается для колонки. Подражание рассказам, украшательства, переливание из пустого в порожнее! У него есть несколько стандартных уловок, вот и все. Подпусти милых, приторных воспоминаний. Вставь несколько парадоксов. Прикинься наивным простаком – такой прием знали еще поэты дивана⁷⁰, они называли

⁷⁰ *Поэзия дивана* – средневековая придворная османская поэзия. Получила название от термина «диван», означающего собрание лирических стихотворений.

его «притворным незнанием». Расскажи о том, чего не было, так, словно это было на самом деле, и наоборот. Если и этого мало, замаскируй пустоту вычурными фразами – поклонники сочтут их великолепными. У всех есть свои воспоминания, своя жизнь, свое прошлое, не хуже, чем у него. Всякий может не хуже его играть в эту игру. И вы тоже можете. Расскажите-ка нам какую-нибудь историю!

– О чем?

– Да о чем угодно. Что придет вам в голову, то и расскажите.

– Как-то раз, – начал Галип, – от одного человека сбежала красавица жена, которую он очень сильно любил. И он начал ее искать по всему городу. Всюду, куда бы он ни пришел, ему попадались следы жены, но ее самой нигде не было...

– А дальше?

– На этом – все.

– Нет-нет, должно быть продолжение! – не поверил Нешати. – Что говорили этому человеку найденные следы? В самом ли деле его жена была красавицей? К кому она сбежала?

– Следы говорили ему о собственном прошлом. Это были следы его прошлого, общего с красавицей женой. К кому она сбежала, он не знал – или не хотел знать, ибо, натываясь повсюду на следы своего прошлого, думал, что человек или то место, возле которых ее можно найти, должны быть там, в прошлом.

– Отличный сюжет, – похвалил Нешати. – Как говорил По, в рассказе должна быть мертвая или пропавшая красивая женщина! Но автору следует быть решительней: нерешительному читатель не верит. Давайте закончим рассказ с помощью набора уловок Джеляля. Воспоминания: город пропитан прекрасными воспоминаниями нашего героя. Стиль: пускай улики, что заключены в этих отзвуках прошлого, обернутых пышными словесами, ведут в никуда. Притворное незнание: пусть герой действует так, будто не может понять, к кому сбежала жена. Парадокс: в результате оказывается, что этот человек – он сам. Ну как? Вот видите, вы тоже могли бы писать такие статьи. Всякий мог бы.

– И тем не менее пишет их один Джеляль, – возразил Галип.

– Этот так. Но теперь и вы будете писать! – проворчал старик, давая понять, что тема закрыта.

– Если вам нужно его найти, – вступил в разговор автор светской хроники, – изучите его статьи. Узнать, где он находится, можно из его колонок. Они прямо-таки напичканы маленькими тайными посланиями. Понимаете, о чем я?

В ответ Галип припомнил, как Джеляль показывал ему, мальчишке, фразы, составленные из первых и последних слов абзацев какой-нибудь статьи, или из первых и последних слогов предложений, или же только из заглавных букв:

– Эти трюки он проделывал, чтобы обмануть цензуру, но порой злил игрой слов и нашу тетю.

– Это та самая тетя, которая осталась в старых девах? – оживился светский Шерлок Холмс.

– Да, она так и не вышла замуж.

– А правда, что у Джеляль-бея была ссора с отцом из-за прав собственности на этаж в доме?

Галип ответил, что это было очень давно.

– А что, его дядя-адвокат действительно путал протоколы судебных заседаний и тексты законов с ресторанными меню и расписанием пароходов?

По мнению Галипа, это, как и почти все остальное, могло быть чьей-то выдумкой.

– Видите ли, молодой человек, – заметил старый публицист с неприятной ноткой в голосе, – все это ему не Джеляль-бей рассказал. Эти сведения добыл один наш коллега, инте-

ресующийся историей шпионажа и хуруфизма, изучив статьи Джеляля на предмет спрятанных среди букв тайных посланий. Непростая была работа, все равно что копать колодец иглой.

Журналист из отдела светской хроники предположил, что, вероятно, в этих играх был смысл. Может быть, Джеляль-бей вознесся так высоко над своими коллегами благодаря тайнам, содержащимся в его статьях, благодаря глубоким связям между ним и этими тайнами. Но не худо бы ему помнить известную истину: заносчивых писак нередко хоронят за казенный счет...

– А кстати, может, он и вправду умер? – высказал догадку старый публицист. – Что, не нравится вам наша игра?

– Насчет того, что он будто бы потерял память... Это правда или вымысел? – вступил его коллега.

– И то и другое, – ответил Галип.

– А то, что у него есть в Стамбуле дома, адреса которых он держит в тайне?

– То же самое: и правда и неправда.

– Может быть, он сидит сейчас совсем один в каком-нибудь из этих домов и задыхается от тоски, – предположил старый публицист. – Это я играю в угадку. Вы же знаете, Джеляль-бей тоже обожает подобные игры.

– Если бы это было так, он позвал бы к себе какого-нибудь близкого человека, – поделился соображениями журналист светской хроники.

– Нет такого человека. У него близких нет.

– Молодой человек, похоже, так не думает. Кстати, вы ведь даже еще не сказали, как вас зовут.

Галип представился.

– Так вот, Галип-бей, скажите, ведь есть же такие люди, которым Джеляль-бей, запершись невесть в каком состоянии неизвестно где, мог бы доверить хотя бы литературные свои тайны, свое литературное завещание? Не настолько же он одинок, чтобы не было такого человека?

Галип подумал и произнес, пытаясь побороть тревогу:

– Нет, не настолько.

– Кого он позвал бы? Вас?

– Нет, сестру, – не раздумывая, отозвался Галип. – У него есть единокровная сестра, моложе его на двадцать лет. Он позвал бы ее.

И Галип задумался. В памяти всплыло кресло с распоротым брюхом и торчащими из него ржавыми пружинами.

– Вероятно, вы уже начали понимать логику нашей игры, – заключил старый публицист. – И ее результаты вам нравятся. Поэтому я не обинуясь скажу: все хуруфиты плохо кончают. Фазлуллах Астрабади, основатель этой секты, был убит как паршивый пес: к ногам трупа привязали веревку и проволокли по всем базарам. Знаете ли вы, что он тоже начинал с толкования снов, как Джеляль-бей, только на шесть столетий раньше? Он, правда, занимался этим не в газете, а в пещере за городом.

– Можно ли понять человека, постичь тайну его жизни с помощью такого рода сравнений? – проговорил светский хроникер. – Вот уже тридцать лет с лишним я пытаюсь проникнуть в несуществующие тайны наших убогих артистов, которых мы, подражая американцам, называем звездами, и наконец понял: те, кто говорит, что у каждого человека есть двойник, ошибаются. Никто ни на кого не похож. Каждая наша убогая актрисулька убога по-своему. Каждая наша звездочка одиноко и несравненно светит в небе.

– Это если не брать их голливудские оригиналы, – поморщился старый публицист. – Я ведь уже говорил вам про образцы, которым следует Джеляль-бей? Кроме тех, что я перечислил, можно назвать еще Данте, Достоевского, Мевляну, Шейха Галипа – он постоянно у них что-нибудь заимствует.

– Каждая жизнь неповторима! – стоял на своем знаток светской хроники. – Каждая история потому и существует, что не похожа на другие. Любой писатель пишет свое.

– Не согласен! Возьмем, например, статью «Когда отступят воды Босфора», которая, как говорят, многим нравится. Разве это не заимствование из написанных тысячу лет назад книг о событиях, предвещающих конец света, и о днях бедствий перед пришествием Махди?⁷¹ Разве это все не взято из сур Корана, говорящих о Судном дне, из сочинений Ибн Хальдуна⁷² и Хорасани? К этому прибавлена пошлая история о гангстере. Никакой художественной ценности. И если статья была с восторгом принята некоторыми читателями и сотни истеричек называли в тот день в редакцию, то причиной тому, разумеется, не вздор, который в ней написан. Там среди букв скрыты тайные послания, которых мы понять не можем, а вот мюриды, владеющие ключом к ним, – могут. Эти проникшие во все уголки страны мюриды, половина которых – проститутки, а другая половина – гомики, воспринимают послания как приказ и называют с утра до вечера в редакцию, чтобы их шейха Джелиля-эфенди не выставили из газеты за такую ахинею. Один-два подобных типа вечно поджидают его у дверей. Откуда нам знать, Галип-бей, что вы не из них?

– Галип-бей нам понравился! – не согласился автор светской хроники. – Кое-чем напомнил нам самих себя в молодости. Он настолько расположил нас к себе, что мы открыли ему немало тайн. Как незадолго до смерти сказала мне Самийе Самим, в прошлом ярчайшая звезда, когда я посетил ее в доме престарелых, «недуг, именуемый завистью»... Что такое, молодой человек уходит?

– Галип-бей, сынок, раз уж ты уходишь, ответь мне на один вопрос! – попросил старый публицист. – Почему английские телевизионщики хотят взять интервью у Джелиль-бея, а не у меня?

– Потому что он пишет лучше вас, – отрезал Галип, встал из-за стола и вышел в коридор, ведущий к лестнице.

Старый публицист, ничуть, видимо, не расстроившись, весело прокричал ему вслед:

– Что, проглотил пилюлю? Я не про желудочное лекарство!

Выйдя на улицу, Галип внимательно осмотрелся. На противоположной стороне, на углу, где когда-то студенты училища имамов-хатибов⁷³ сожгли вырванную из газеты страницу со статьей Джелиля – тот, мол, оскорбляет религию, – неподвижно стояли торговец апельсинами и какой-то лысый мужчина. Джелиля, похоже, никто не поджидал. Галип перешел дорогу, купил апельсин, очистил, начал есть. И тут ему почудилось, что за ним кто-то следит. Он шел по площади Джагалоглу, направляясь назад в контору, и никак не мог понять, откуда взялось это чувство и почему именно в тот момент. Медленно спускаясь по улице мимо книжных магазинов (Галип всегда замедлял шаг, когда проходил здесь), он глядел в их витрины и размышлял, отчего это чувство такое реальное. Позади него словно возник некий глаз, присутствие которого ощущалось постоянно, пусть и едва заметно, вот и все. Встретившись в книжной витрине взглядом с другой парой глаз, он обрадовался так, словно увидел родного человека и только сейчас понял, как любит его. Это был магазин издательства, публиковавшего большинство детективных романов, которые запоем читала Рюйя. Коварная сова, которую он часто видел на книжных обложках, невозмутимо взирала на текущую мимо маленькой витрины толпу, многолюдную по случаю выходного дня, и на Галипа. Галип вошел в лавку, купил и попросил вернуть три старые книги, которые, как ему казалось, Рюйя еще не читала, и вышедший на этой неделе роман «Женщина, любовь и виски». Прикрепленный к верхним полкам большой кусок

⁷¹ *Махди* – в исламской традиции своего рода мессия, который должен появиться перед концом света.

⁷² *Ибн Хальдун* (1332–1406) – арабский философ, историк, социальный мыслитель.

⁷³ *Имам-хатиб* – в исламе духовное лицо, которое возглавляет совместную молитву и проводит пятничную проповедь; должно владеть искусством устной речи и влиять на мысли и чувства прихожан мечети.

картона оповещал: «Еще ни в одной другой серии в Турции не выходило 126 книг. Номерной знак на наших детективных романах – гарантия качества». В лавке, впрочем, продавались не только книги из серий этого издательства (кроме детективной, печатались любовная и юмористическая), так что Галип спросил, нет ли чего-нибудь о хуруфизме. Грузный старик, сидевший в кресле у двери, откуда было видно и прилавок, за которым стоял бледный молодой продавец, и прохожих на грязной улице, ответил, как и ожидал Галип:

– У нас нет. Спроси в лавке скупого Исмаила! – И, помолчав, прибавил: – Мне когда-то попадались рукописи детективных романов, переведенных с французского шехзаде Османом Джебеляддином-эфенди, который сам был хуруфитом. Знаете, как его убили?

Выйдя на улицу, Галип осмотрелся, но ничего привлекающего внимание не увидел: возле лавки продавца сэндвичей стояли и смотрели на витрину женщина в платке и ребенок в большем, не по росту, пальто; мимо шли две школьницы в одинаковых зеленых чулках; у перехода ждал зеленого света старик в коричневом пальто. Но как только Галип двинулся в сторону конторы, он снова ощутил затылком все тот же взгляд.

Раньше за Галипом никогда не следили, и ощущения, что за ним следят, у него тоже раньше не возникало, так что все его познания на эту тему ограничивались сведениями из кино и детективных романов Рюйи. Романов Галип прочел очень мало, но любил поругать их авторов за скудость фантазии. Ведь можно было бы, скажем, написать детектив, в котором первая и последняя главы в точности повторяли бы друг друга. Или такой, где истинная развязка скрывалась бы в середине повествования, а формальной развязки как таковой вовсе не было бы. Или такой, где все герои были бы слепыми, и так далее. Сочиняя эти проекты, заставлявшие Рюйю кривить губы, Галип мечтал, что когда-нибудь сможет стать другим человеком.

В нише у входа в деловой центр сидел безногий нищий – кажется, еще и слепой на оба глаза. Увидев его, Галип подумал, что кошмар, в котором он тонет, связан не только с уходом Рюйи, но и с тем, что он очень мало спал в последнее время. Войдя в контору, он не стал садиться за стол, а подошел к окну, открыл его и посмотрел вниз, на людей и машины. Потом все-таки сел за стол, хотел снять телефонную трубку, но рука сама потянулась к папке с бумагой. Галип взял чистый лист и, особо не задумываясь, написал на нем:

«Где может быть Рюйя? В доме своего бывшего мужа. У наших родственников. У подруги Бану. У знакомых, занимающихся политикой. У знакомых, интересующихся политикой. У знакомых любителей поэзии. Просто у знакомых. В любом другом доме в Нишанташи. Где угодно».

Решив, что, когда пишешь, трудно думать, он отложил ручку. Потом снова взял ее, зачеркнул все, кроме «В доме своего бывшего мужа», и приписал внизу:

«Где могут быть Рюйя и Джебеляль? В одном из домов Джебеляля. В номере отеля. В кинотеатре. Рюйя и Джебеляль. Рюйя и Джебеляль?»

Водя ручкой по бумаге, Галип представлял себя героем своего собственного детективного романа и чувствовал, что приближается к порогу, за которым его ждут новый мир и Рюйя, а сам он станет новым, другим человеком, таким, каким хотел быть всегда. В мире, лежащем за этим порогом, можно не обращать внимания на то, что за тобой следят. Если ты чувствуешь, что за тобой кто-то следит, ты должен хотя бы верить, что можешь стать человеком, способным сесть за стол и составить список зацепок, которые помогут найти того, кто исчез. Галип знал, что не похож на такого человека, но ему хотелось верить, что похож: от этой веры становилось хоть немного, но легче сносить давление обступивших его вещей и роящихся в голове историй. Шло время. К тому моменту, когда подросток-посыльный, чьи волосы были с идеальной

симметрией расчесаны на прямой пробор, принес еду из ресторана, Галип, усердно составляя список зацепок, успел так сильно приблизить свой мир к миру детективных романов, что плов с мясом и салат из моркови, стоящие на плохо вымытом подносе, показались ему какими-то прежде невиданными экзотическими блюдами.

Когда он начал есть, зазвонил телефон, и Галип уверенно снял трубку, словно знал, с кем будет говорить, – но нет, ошиблись номером. Поев и убрав со стола поднос, он с тем же уверенным видом позвонил домой в Нишанташи. Долго слушая гудки, он представлял себе, как усталая Рюйя встает с кровати, но к телефону так никто и не подошел – что ж, это не стало для него неожиданностью. Затем Галип набрал номер тети Хале.

Тетя взволнованно рассказала ему, что беспокоилась за больную Рюйю, а телефон все не отвечал, и она пошла к ним домой, но дверь никто не открыл. Чтобы прервать поток вопросов, Галип на одном дыхании выложил: они не могли позвонить, потому что телефон сломался. Рюйя совершенно выздоровела уже к утру. Сейчас она, одетая в свое фиолетовое пальто, сидит в такси («шевроле-56») и ждет Галипа, полностью довольного жизнью. Они уезжают в Измир провести тяжело заболевшего старого друга. Пароход уже скоро отчалит. По дороге Галип заскочил в бакалейную лавку позвонить – спасибо бакалейщику, что разрешил воспользоваться телефоном, когда в лавке столько покупателей. До свидания, тетя Хале! Но тетя все равно успела спросить, хорошо ли закрыли дверь и взяла ли Рюйя свой зеленый шерстяной свитер.

Когда позвонил Саим, Галип размышлял о том, насколько может измениться человек, изучая карту города, в котором никогда не бывал. Утром, когда Галип ушел, Саим продолжил рыться в своем архиве и обнаружил кое-какие сведения, которые могут оказаться полезными. А именно: виновный в смерти старушки Мехмет Йылмаз, возможно, и в самом деле жив, но скрывается не под именем Ахмета Качара или Хальдуна Кара, как им одно время казалось. Нет, он бродит по городу, словно призрак, под именем Муаммера Эргенера, которое, похоже, не вымышлено. Наткнувшись на это имя в журнале, придерживающемся «совершенно противоположной» политической линии, Саим ничуть не удивился. А вот что его удивило, так это то, что в том же самом номере была напечатана заметка за подписью Салиха Гельбаши, автор которой резко критиковал две статьи Джеляля, причем его стиль был в точности похож на стиль Муаммера Эргенера и допускал он те же самые орфографические ошибки. Саим обратил внимание на то, что это имя рифмовалось с именем бывшего мужа Рюйи и имело в себе те же согласные буквы. Поэтому когда чуть позже он обнаружил его в скромном журнале «Эмегин саати»⁷⁴, посвященном вопросам образования (там Салих Гельбаши значился заместителем главного редактора), то решил выписать для Галипа адрес редакции, находившейся далеко на окраине: Бакыркёй, Синанпаша, квартал Гюнтепе, улица Рефет-бея, 13.

Положив трубку, Галип отыскал в атласе Стамбула квартал Гюнтепе и изумился, но это было не то изумление, которое, как он надеялся, могло бы сделать его другим человеком. Голый холм, где двенадцать лет назад стояло несколько лачуг, в одной из которых после свадьбы поселились Рюйя и ее первый муж, чтобы «вести работу среди пролетариата», полностью застроили. Квартал пересекали широкие улицы, названные в честь героев Освободительной войны. Сбоку зеленым цветом был обозначен маленький парк, рядом с ним – мечеть, а посередине виднелась площадь с крохотным прямоугольничком в центре, памятником Ататюрку. Все это Галип мог бы вообразить только в самую последнюю очередь.

Он снова позвонил в газету (Джеляль-бей «еще не пришел»), а потом Искендеру. Ему Галип сообщил, что разыскал Джеляля и рассказал о желании английских журналистов с ним встретиться; Джеляль, в общем, не против, но сейчас он очень занят. В трубке было слышно, как где-то неподалеку плачет маленькая девочка. Искендер сказал, что англичане пробудут в

⁷⁴ Это название переводится как «Час труда».

Стамбуле еще по меньшей мере шесть дней. Они слышали о Дженале много хорошего, так что Искендер уверен, что они его подождут; Галип, если хочет, может сам позвонить им в отель «Пера-Палас».

Оставив поднос с грязной посудой перед дверью кабинета, Галип вышел из делового центра и зашагал вниз по улице. Небо было какого-то непривычного, странного бледного цвета, будто с него вот-вот начнет падать пепельно-серый снег и люди, заполонившие улицы в субботний день, встретят его как нечто само собой разумеющееся. Словно готовясь к этому, все пешеходы брели по грязным тротуарам, опустив глаза. Галип почувствовал, что зажатые под мышкой детективные романы вселяют в него спокойствие. Казалось, именно потому, что такого рода романы когда-то были написаны в далеких таинственных странах, а потом переведены на наш язык несчастными домохозяйками, учившими иностранный язык в лицее, а теперь жалеющими, что не стали продолжать образование, все вокруг могут жить привычной жизнью: и заправщик зажигалок в сером плаще у дверей делового центра, и горбун в старом выцветшем пальто, и молчаливые люди на остановке долмушей.

В Эминоню Галип сел в автобус, вышел в Харбийе и увидел толпу перед кинотеатром «Конак». Ждали субботнего дневного сеанса, начинающегося в 14.45. Двадцать пять лет назад Галип с Рюией и школьными приятелями тоже ходил на дневные сеансы, стоял среди такой же толпы прыщавых подростков в легких пальто, спускался по лестнице, точно так же посыпанной опилками, рассматривал афиши на следующую неделю, подсвеченные маленькими лампочками, и с безмолвным терпением наблюдал, как Рюия разговаривает с другими. Предыдущий сеанс никак не кончался, двери всё не открывались, и так далек был миг, когда они с Рюией сядут рядом и погаснет свет. Узнав, что в кассе еще есть билеты на 14.45, Галип почувствовал себя свободным. В зале было душно и жарко от дыхания только что ушедших после предыдущего сеанса зрителей. Когда погас свет и начали показывать рекламу, Галип понял, что сейчас уснет.

Проснувшись, он сразу выпрямился в кресле и увидел на экране красивую, очень красивую и столь же печальную женщину. Потом показали широкую тихую реку, сельский дом, утопающую в зелени американскую ферму. Затем печальная красавица заговорила с мужчиной средних лет, которого Галип раньше не видел ни в одном фильме. Не только разговор, но и медленные, спокойные жесты, выражения лиц намекали, что жизнь этих людей полна горя. Даже не намекали, а заявляли прямо – Галип знал это наверняка. Жизнь полна горя и невзгод; проходит одна беда – стучится в двери другая, стоит сжиться с ней – является третья. От страданий наши лица приобретают все больше сходства. Беды случаются внезапно, но мы заранее чувствуем их приближение и готовимся к ним. И все равно, когда на нас обрушивается ночным кошмаром новое горе, мы ощущаем одиночество, безнадежное и неизбывное. И только тогда мы можем считать себя счастливыми, когда нам кажется, будто это одиночество мы с кем-то разделяем. На какое-то мгновение Галип почувствовал, что его горе и горе женщины на экране едины; а может, и нет никакого горя, есть только общий для всех, единый мир, от которого не стоит слишком многого ждать, но и роптать на который поводов нет; в котором не так много смысла, но и бессмыслица имеет свои пределы, – упорядоченный мир, требующий, чтобы люди были скромнее. События в фильме шли своим чередом, женщина поднимала ведро из колодца, ездила на стареньком «форде»-пикапе, брала на руки и убаюкивала ребенка, что-то ему рассказывая, и Галип чувствовал такую близость к ней, будто смотрел на себя самого. Ему хотелось обнять ее, но не потому, что она была такая красивая, естественная и самостоятельная, а оттого, что он всей душой верил: они с ней живут в одном мире, и, если бы он смог обнять эту стройную женщину с каштановыми волосами, она тоже поверила бы в это. Галипу казалось, что он смотрит фильм в одиночестве и никто больше не видит того, что видит он. Немного позже, когда в изнывающем от жары городке, через который проходила широкая асфальтовая дорога, вспыхнул конфликт и дальнейшие повороты сюжета определялись уже

действиями решительного и порывистого мускулистого мужчины, который явно был сильной личностью, Галип понял, что ощущению общности с героиней фильма приходит конец. Субтитры слово за словом лезли ему в глаза, в набитом под завязку зале чувствовалось колыхание людских тел. Галип встал со своего места и вышел в рано сгустившуюся темноту. Всю дорогу до дому с неба медленно падал снег.

И только много позже, лежа на голубом клетчатом одеяле, где-то между сном и явью он понял, что забыл в кино купленные для Рюйи детективные романы.

Глава 10

Глаз

В тот период своей жизни он ежедневно писал статьи объемом не менее пяти страниц.

*Абдуллахман Шереф*⁷⁵

История, которую я собираюсь рассказать, произошла со мной однажды зимней ночью. Жизнь моя была в те времена довольно нерадостна: да, самые трудные первые годы в журналистике уже минули, но усилия, которые пришлось предпринять, чтобы застолбить свое, пусть и скромное, место на этом поприсе, давно остудили мой первоначальный энтузиазм. «Все-таки мне удалось встать на ноги!» – говорил я себе холодными зимними ночами, но признавал при этом, что опустошен. В ту зиму у меня ко всему прочему начались приступы бессонницы, болезни, которая будет сопровождать меня всю жизнь, так что по рабочим дням я иногда задерживался в редакции допоздна вместе с ночным дежурным и писал кое-какие статьи, которые не смог бы написать в дневной суете. Ночное время, в частности, как нельзя лучше подходило для работы над модной в те времена не только у нас, но и в европейских газетах и журналах рубрикой «Хочешь – верь, хочешь – нет». Я открывал какую-нибудь европейскую газету, из которой уже успели понаделать вырезок, находил эту рубрику и некоторое время внимательно рассматривал сопровождающие ее иллюстрации (мне всегда казалось, что изучение иностранных языков – дело лишнее и даже способное ослабить силу моего воображения), а потом, набравшись вдохновения, начинал записывать все, что приходило мне в голову.

Той зимней ночью в одном французском журнале (если быть точным, в «Иллюстрасьон») мне попалось на глаза изображение чудища со странной физиономией: один глаз вверх, другой вниз, – и я тут же начал набрасывать статейку об одноглазом великане, которого мы знаем под именем Тепегёз⁷⁶. Сначала я вкратце поведал историю этого существа, которое пугало юных дев в «Деде Коркуте»⁷⁷, у Гомера превратилось в коварного Циклопа, у аль-Бухари⁷⁸ в «Истории пророков» было самим Даджалем, в сказках «Тысячи и одной ночи» пробиралось в гаремы визирей, в «Рае» Данте на миг показалось поэту, облаченное в фиолетовые одежды, перед встречей с его возлюбленной Беатриче, в «Месневи» Мевляны Джалаледдина грабило караваны, а в столь любимом мной «Ватек»⁷⁹ предстало в облике негритянки. Затем я написал о том, какие ассоциации вызывает у нас странный единственный глаз, темнеющий посреди лба, словно колодец, о том, почему при виде его мы вздрагиваем и почему его надо бояться и избегать. Под конец в приступе вдохновения присовокупил к своей «монографии» две истории, которые так и просились на бумагу. Первая история была про Тепегёза, живущего в одном из бедняцких кварталов на берегу Золотого Рога: говорят, что по ночам он заходит в мутную, грязную от мазута воду и бредет неведомо куда. Тепегёз из второй истории иногда встречается с первым (хотя некоторые утверждают, что это он и есть), а в полночь, сняв с головы шляпу, до обморока пугает девиц из роскошных борделей Бейоглу. Впрочем, он всегда безукоризненно вежлив, и его даже называют лордом.

⁷⁵ Абдуллахман Шереф (1853–1925) – государственный деятель и последний придворный историограф Османской империи.

⁷⁶ Тепегёз – персонаж турецких сказок, одноглазый великан (дэв).

⁷⁷ Имеется в виду турецкий эпос «Книга моего деда Коркута».

⁷⁸ Мухаммед аль-Бухари (810–870) – собиратель и исследователь хадисов (преданий о словах и действиях пророка Мухаммеда) и комментатор Корана.

⁷⁹ «Ватек» – фантастическая повесть (1782) английского писателя Уильяма Бекфорда (1760–1844).

Я оставил статью художнику, который обожал такие темы, сопроводив ее небольшой запиской («Пожалуйста, не рисуй ему усы!»), и вскоре после полуночи вышел из редакции. Возвращаться в холодный и пустой дом не хотелось, так что я решил пройтись по улицам старого Стамбула. Как всегда, я был недоволен собой, зато доволен статьей и рассказом. Мне казалось, что если я отмечу этот маленький журналистский успех долгой прогулкой, то, может быть, мне удастся если не избавиться от тоски, мучившей меня, словно никак не проходящая болезнь, то хотя бы приглушить ее.

Я брел по кривым улочкам, которые пересекали друг друга под самыми странными углами и постепенно становились всё более узкими и темными. Брел, прислушиваясь к звуку собственных шагов и вглядываясь в слепые окна мрачных зданий, чьи эркеры почти смыкались у меня над головой. Не было здесь ни стай бродячих собак, ни сонных ночных сторожей, ни наркоманов; даже призраки и те избегали этих всеми забытых улиц.

Почувствовав, что за мной кто-то следит, я поначалу оставался спокойным, решил, что это иллюзия, возникшая под влиянием только что написанной статьи, поскольку, как я и думал, ни в боковом окне перекошенного, нависшего над узкой улочкой эркера, ни в темноте пустыря между домами никого заметно не было. За мной следило нечто бестелесное, плод моего воображения, и мне не хотелось относиться к этому всерьез. Но в глухой тишине, нарушаемой лишь еле слышными свистками ночных сторожей да лаем дерущихся в каком-то далеком квартале собачьих стай, ощущение, что за мной наблюдают, все усиливалось. И в конце концов я понял: если и дальше вести себя так, будто ничего не происходит, избавиться от гнетущего чувства не удастся.

Всевидящий, способный найти тебя где угодно глаз, уже совершенно не скрываясь, следил за мной! Нет, он не имел никакого отношения к персонажам выдуманных мной историй; он не был страшным, отвратительным или смешным, как они, не был чужим и холодным. Да, можно даже было сказать, что этот глаз мне знаком: он знал меня, а я – его. Мы давно догадывались о существовании друг друга, но для того, чтобы мы вот так открыто друг друга заметили, требовалось, чтобы я шел в ту полночь именно по той улице, испытывая именно те чувства, которые владели мной.

О названии улицы над Золотым Рогом я умолчу – оно все равно ничего не скажет читателю, плохо знающему Стамбул. Просто представьте себе почерневшие деревянные дома (большинство из них и сейчас, через тридцать лет после моего «метафизического опыта», по-прежнему целы), тени от эркеров, кривые ветви деревьев в тусклом свете фонарей, брусчатку под ногами, узкие грязные тротуары... Стена маленькой мечети уходила в бесконечный мрак. И там, в темной точке, к которой стремились и улица, и стена, – словом, в перспективе меня ждал этот дурацкий (ну а как его еще назовешь?) Глаз. Думаю, вам уже ясно, что он не хотел причинить мне вреда: напугать, задушить, зарезать, убить. Впоследствии мне пришлось в голову, что он поджидал меня, чтобы помочь поскорее пережить метафизический опыт, больше похожий на сон.

Вокруг царила полная тишина. В первый момент я подумал, будто происходящее как-то связано с тем, что профессия высосала из меня все соки, с моей внутренней пустотой. Самые правдоподобные кошмары человек видит, когда сильно устает. Но это был не кошмар – ощущение отличалось совершенной отчетливостью и почти математической точностью. «Я знаю, что полностью опустошен!» – думал я. Потом прислонился к стене мечети и подумал: «Он знает, что я полностью опустошен!» Он знал, о чем я думаю, знал все, что я делал раньше, но даже это было не важно, ибо Глаз являл собой знак чего-то другого, и совершенно ясно, чего именно. Я создал его, а он – меня! Я думал, что эта мысль промелькнет и исчезнет, словно глупое словечко, какое, бывает, просится с пера, но она никуда не ушла. И сквозь дверь, открытую этой мыслью, я вошел в новый мир, подобно английскому белому кролику, что провалился в пустоту, юркнув в норку посреди поля.

Изначально этот Глаз создал я, разумеется, для того, чтобы он видел меня, чтобы наблюдал за мной. Мне не хотелось, чтобы он терял меня из виду. Под этим взглядом и благодаря ему я творил сам себя; он был мне по душе. Я будто бы и существовал благодаря сознанию того, что каждый миг нахожусь под наблюдением, словно перестану существовать, если Глаз не будет меня видеть. Эта истина представлялась столь очевидной, что я, забыв, как сам сотворил Глаз, испытывал к нему благодарность за собственное бытие. Я готов был подчиняться его приказам! Мне предстояло, повинувшись ему, обрести новую, лучшую сущность. Сделать это было непросто, но, с другой стороны, эти усилия не сопрягались со страданием; это был просто образ жизни, который нужно принять как должное. Оттого умозрительный мир, в который я погрузился, прислонившись к стене мечети, не походил на кошмар – это было своего рода счастье, сотканное из воспоминаний и знакомых образов, словно нарисованные несуществующими художниками странные картинки, сюжеты которых я пересказывал в рубрике «Хочешь – верь, хочешь – нет».

Посреди этого сада счастья я увидел себя: я стоял в ночном мраке, прислонившись к стене мечети, и наблюдал картины, порожденные моим сознанием.

Я сразу понял, что человек, увиденный мной в иллюзорном мире – или мире воображения, называйте как хотите, – есть не мое подобие, а я сам. Стало быть, мой взгляд сейчас был взглядом того самого Глаза, а значит, я сам стал этим Глазом и наблюдал за собой со стороны. Но в этом не было ничего странного, неестественного и тем более страшного. Я сразу вспомнил, что давно привык смотреть на себя со стороны. Многие годы, глядя со стороны, я приводил себя в порядок. Глядя на себя со стороны, я говорил: «Да, у меня все так, как надо», или «Недостаточно, недостаточно я похож на того, кем хочу быть», или «Похож, но нужно еще постараться». Бывало и так, что я, взглянув на себя со стороны, радостно восклицал: «Да! Наконец-то я стал похож на того, кем хочу быть! Да, я стал Им!»

Кто же этот «Он»? В этом месте своей прогулки по Стране чудес я понял, почему мне явился тот, на кого я хотел быть похож: блуждая ночью по темным улицам, я был свободен от этого желания и никому не подражал. Не поймите меня неправильно: я вовсе не думаю, будто человек может жить, никому не подражая, не желая быть кем-то другим, – но в ту ночь я был слишком усталым и опустошенным, и желание это во мне настолько ослабло, что я впервые оказался на равных с тем, чьим велениям безропотно подчинялся столько лет, – с Ним. Об этом относительном равенстве вы уже могли догадаться, ведь я не испугался Его и без опаски вошел по Его зову в воображаемый мир. Той чудесной зимней ночью Он наблюдал за мной, но я был свободен. И пусть это ощущение свободы и равенства проистекало не из усилий моей воли, а из моей усталости, не из успеха, а из поражения – оно позволило мне сблизиться с Ним, перейти на «ты». (Это понятно и по моему стилю.) И вот, впервые за столько лет, Он стал открывать мне свои тайны, и я их постигал. Да, разумеется, я говорил сам с собой, но разве нам не свойственно вести тихие дружеские беседы со вторым, а затем и с третьим «я», которые мы прячем в себе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.